

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 12 ДЕКАБРЬ
1933

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-й год издания

Фриц Генкерт

ОТ ВЕЙМАРА К ГИТЛЕРУ

30 января 1933 г. по поручению германской империалистической буржуазии вождь немецких национал-социалистов Адольф Гитлер захватил в свои руки власть и установил «третью империю» — беспощадную, открытую фашистскую диктатуру. Необычайное обострение классовых противоречий, углубление экономического развала, рост кризисных явлений и в первую очередь революционизирование пролетариата и нарастание нового революционного подъема вынудили буржуазию перейти к открытому наступлению на рабочий класс методами прямого насилия, террора и обмана.

Центральной задачей фашистской диктатуры является беспощадное подавление революционного движения рабочего класса путем установления уже неприкрытой никакими «фиговыми листками» буржуазной демократии диктатуры монополистического капитала.

«Режим фашизма не есть какой-то новый тип государства; он является одной из форм буржуазной диктатуры империалистической эпохи. Фашизм вырастает из буржуазной демократии органически» — констатировал XI пленум ИККИ¹.

Все развитие Германии за последний год с особой четкостью подтверждает правильность этого положения.

Именно певцы и рыцари буржуазной демократии — социал-демократы — проложили путь к установлению фашистской диктатуры.

Вся история Германии за последние 14—15 лет после революции 1918 г., подавленной руками социал-демократии, и есть история предательства с.-д. интересов рабочего класса, история подготовки ею открытой диктатуры буржуазии.

1

Когда в январе 1918 г. в Берлине и ряде городов Германии с особой силой развернулась грандиозная стачка рабочих военных предприятий, сотни и тысячи рабочих и работниц выступили за прекращение кровавой империалистической бойни, вожди социал-демократии и реформистских профсоюзов, заключившие соглашение с германским кайзером о гражданском мире, возглавили мощное движение пролетариата для того, чтобы задушить его.

«Только тогда стали мы во главе стачки, — заявил впоследствии Шейдеман, — когда правительство нас об этом попросило. Нашей целью было скорейшее прекращение стачки путем переговоров с правительством. Как известно, рабочие в ответ на приказ Кесселя пытались остановить также электрические станции. Мы этого не допустили. Мы

¹ Стенографический отчет, т. I, стр. 35. Доклад т. Мануильского.

воспренятствовали тому, чтобы в Германии были установлены русские порядки»¹.

Но бои против империалистической войны не прекращались. Господство буржуазии было под прямой угрозой. Правительство графа Гертлинга вынуждено было подать в отставку. 1 октября 1918 г. был создан кабинет во главе с принцем Максом Баденским, а 4 октября социал-демократы Шейдеман и Бауэр вошли в состав этого монархического правительства, ставя себе задачу — спасти монархию во что бы то ни стало.

Революция развивалась. Берлинская организация революционных уполномоченных предприятий (так называемые «революционные старосты») и группа «Спартак» развернули энергичную работу. Был создан нелегальный исполнительный комитет рабочих и солдатских советов. Массы вооружались. Массы требовали свержения кайзера, массы требовали свержения гогенцоллернговского режима.

На одном из совещаний правительства от 6 ноября 1918 г. по вопросу о путях подавления революции Эберт сказал принцу Максиму Баденскому:

«Я советую вам настоятельно, господин генерал, еще раз прибегнуть к последнему средству спасения монархии и поручить регентство одному из царских принцев. Если кайзер сам не откажется от престола, социальная революция неизбежна. Я же ее не хочу, я ненавижу ее, как чуму».

Но спасти монархию было невозможно. Статс-секретарь, социал-демократ Шейдеман под давлением грандиозного массового движения 9 ноября провозгласил республику. Эберт был назначен рейхсканцлером. Из правых социал-демократов и «независимцев» был создан кабинет «народных уполномоченных» и наряду с ним был организован совет рабочих и солдатских депутатов, в состав которого вошли Вельс, Эберт и др. Задачей социал-демократии в этом совете была забота о «спокойствии и порядке». Социал-демократия, пользуясь своим традиционным влиянием на широкие слои германского пролетариата, снова возглавила движение для того, чтобы его обезглавить.

Но на фронтах, в военных портах, на предприятиях рабочие и солдаты создавали свои советы, являвшиеся выразителями их воли и подлинным орудием устранения старой системы. Либкнехт провозгласил:

«День революции настал, старого поряд-

¹ Из речи Шейдемана на Магдебургском процессе.

ка больше нет. На место царского флага мы водрузим красное знамя свободной республики Германии».

Широкие массы рабочих протестовали против парламентского «регулирования революции». Они видели, что правительство «народных уполномоченных» представляло не интересы пролетариата, а классовые интересы буржуазии. Революция развивала свое наступательное движение. Рабочие стремились довести ее до конца.

«Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: «Буржуазная демократия или социалистическая демократия, ибо диктатура пролетариата является социалистической демократией», — писала в эти дни Роза Люксембург.

За диктатуру пролетариата — таков был лозунг, за который боролись революционные силы пролетариата. «Буржуазная демократия», «свободное народное государство», «социальное право», «порядок и спокойствие» — таковы были лозунги социал-демократии. Этими лозунгами социал-демократия стремилась удержать пролетариат от борьбы за его диктатуру.

Но пролетариат продолжает бороться. Роза Люксембург и Карл Либкнехт стали во главе революционных сил рабочих.

Наступили январские бои 1919 г. Буржуазия употребила всю силу, всю мощь своего аппарата для того, чтобы подавить движение. Человек, за спиной которого орудовала реакция, — социал-демократ Эберт. Другой — социал-демократ, Густав Носке, выполняя задание германской буржуазии, взял на себя задачу кровавого подавления революционных рабочих.

«Я взялся за это дело, хотя и знал, что в истории революции я буду фигурировать как кровавая собака. Из чувства серьезного сознания долга я совершил это кровавое дело. Тогда я сказал себе: кто-нибудь должен проделать его»².

Но в ответ на контрреволюционные действия «социалистического» правительства росла и революционная активность пролетариата. Широкие массы все более и более выдвигали лозунг установления власти советов. Буржуазия приняла все меры для отвоевания пролетариата на сторону буржуазной республики, чтобы этим спасти и укрепить последнюю. В противовес лозунгу диктатуры пролетариата буржуазия через своих верных лакеев — социал-демократов — начала внедрять в революционные массы лозунг «выбор в Национальное

² Речь Носке на Веймарском партийном съезде.

собрание». Вместе с тем передовые отряды революционных рабочих с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом в первых рядах физически истреблялись. Революционное движение пролетариата было залито потоками крови.

Наряду с методами открытого террора социал-демократия применяла и нагло усовершенствованные методы обмана. 4 апреля 1919 г. социал-демократы, «независимые» и анархисты, стремясь задержать развитие революционного движения, вынесли решение о создании Баварской советской республики, впоследствии получившей название «мнимой».

Но на смену «мнимой» советской республике пришла подлинная Баварская советская республика. Белыми войсками под руководством генерала Ф. Эппа по поручению Носке эта подлинная пролетарская республика была потоплена в крови. Носке телеграфно благодарил генерала фон-Эппа:

«За правильное и успешное руководство операциями в Мюнхене я высказываю вам мою полную признательность и солдатам сердечную благодарность».

Главнокомандующий и военный министр Носке».

В июле—августе 1919 г. в Веймаре было открыто Национальное собрание, принявшее 11 августа «Конституцию Германского государства». Пункт 1-й ее гласил: «Германское государство является республикой. Государственная власть исходит от народа». Путем обмана и демагогии социал-демократам удалось добиться того, что миллионы рабочих и трудящихся не поняли истинного характера этой «демократической республики». Они поверили в то, что государственные порядки, провозглашенные в Веймаре, действительно исходят от народа и в интересах народа. В Конституции, правда, ничего не было сказано об обещанной массам социализации. Наоборот, параграф 153-й говорил совершенно определенно, что «собственность Конституцией сохраняется». В Конституции не было также никакого узаконенного установления 8-часового рабочего дня и никакого упоминания о действительных правах рабочего класса. В Конституции не было ни одного параграфа, который был бы направлен против класса эксплуататоров. Эта конституция — конституция класса капиталистов, конституция, устанавливающая формы и методы порабощения рабочего класса.

Вместе с созывом Национального собрания были ликвидированы последние остатки

A handwritten signature in black ink, which reads "F. Ebert". The signature is written in a cursive style and is underlined with a single horizontal stroke.

рабочих и солдатских советов, а 13 января 1920 г. рейхстаг обсуждал закон о фабриках, — закон, который закреплял бесправие рабочих на предприятиях. Громадными массами демонстрировали перед рейхстагом социал-демократические «независимые» и коммунистические рабочие против этого законопроекта. В ответ на это социал-демократ Носке отдал приказ стрелять в небооруженную толпу. 42 убитых и более сотни раненых пролетариев — результат пулеметного огня, направленного социал-демократами против рабочих.

По приказу капиталистов и военщины Эберт и Носке на следующий день после кровавой бани издали закон, запрещающий стачки. На помощь Носке пришли герои капповского путча Лютвиц, Эрхарт и Меркер, получившие из рук социал-демократии военную власть. Они пытались использовать армию в целях контрреволюции, вдохновителями которой являлись юнкера и помещики. В марте 1920 г. Капп и Лютвиц выступили против берлинского пра-

вительства, спасшегося в Дрездене и Штутгарте. Эрхарт и Лютвиц без всякого сопротивления со стороны «демократической» республики стали господами Берлина. Социал-демократия, только что издавшая закон, запрещающий стачки, призывает к генеральной забастовке на защиту «социалистического» правительства.

Рабочие поднялись на борьбу против коммунистического путча. Именно руками рабочих был он ликвидирован. Но революционные рабочие Германии боролись не во имя правительства Эберта—Носке—Шейдемана, они боролись за советскую Германию.

В Руре, где бои пролетариата уже в 1919 г. имели характер прямых боев за власть, за подлинную социализацию, стачка переросла в вооруженную борьбу против капитулистов. Белые войска были оттеснены. Борьба продолжалась и тогда, когда правительство Эберта вернулось уже в Берлин. Эберт организовал подавление революционного Рура. В кровавых победоносных боях против правительственных войск красные войска продвигались все дальше. Но эти бои остались изолированными, не перебрасываясь в другие области Германии. Правительство, видя, что рево-

люционная энергия масс слабнет, снова, как и в 1919 г., мобилизовало все силы для того, чтобы потушить революционный очаг в Руре. Оно выпустило следующее воззвание: «Генеральная стачка идет на убыль. В Мюнхене, Нюрнберге, Брауншвейге, Франкфурте-на-Майне рабочие вновь стали на работу. В Ганновере, Хильдесгейме, Бремене, по всей Силезии, Восточной Пруссии, Шлезвиг-Гольштейнии, Вюртемберге, Гессене — полное спокойствие. Не поддавайтесь поэтому большевистскому и спартакистскому обману. Оставайтесь едиными и сильными. Выступайте единым фронтом против все уничтожающего большевизма.

От имени правительства Шифер».

Решающее влияние на ход событий в Руре оказало поведение реформистских профсоюзов. Под руководством с.д. Зеверинга конференция профсоюзов Рейнско-Вестфальской промышленной области в Билефельде приняла знаменитое билефельдское соглашение, расколовшее и ослабившее революционный фронт, подготовившее новое кровавое поражение революционных рабочих. На основании этого соглашения союзы призвали к прекращению борьбы, а «представители правительственных партий обязались ходатайствовать перед своими фракциями о том, чтобы при предстоящем образовании германского и прусского правительства вопрос о персональном составе его разрешался этими партиями по соглашению с принимавшими участие в генеральной стачке профсоюзными организациями рабочих, служащих и чиновников и чтобы эти организации получили решающее влияние в разработке хозяйственных и социально-политических законов».

Далее, рабочим были обещаны немедленные мероприятия по социализации «созревших для социализации отраслей хозяйства» на основе решений «комиссии социализации» с привлечением в нее представителей профсоюзов, освобождение арестованных и отказ от ввода в Рур рейхсвера. Но ни одно обещание не было выполнено. Рабочие не получили никаких прав ни при формировании правительства, ни в деле регулирования условий труда на предприятиях. Конечно никакая социализация осуществлена не была. Военная камарилья озверевших лакеев буржуазии, войска социал-демократа Носке удовлетворили свою жажду в рабочей крови. Белый террор свирепствовал в городах Вестфалии, в рабочих кварталах Рура. Подписанием Билефельдского соглашения социал-

Рис. Г. ГРОССА

.... И солдатам сердечная благодарность за их усердие. (Носке, „Эрберер“, Мюнхен)

Могилы Карла Либкнехта и Розы Люксембург

демократии удалось разбить единый фронт рабочих, правительство же выиграло время для того, чтобы подтянуть новые войска. Этого и добивалась социал-демократия.

Вот как оценивал Билефельдское соглашение с.-д. Зеверинг:

«Билефельдское соглашение имело своей задачей отколоть правильно настроенную часть рабочих от тех, для которых дело шло не об обороне от капповского путча, которые стремились начать в Германии коммунистические хозяйственные эксперименты... Эта задача достигнута. Значительные уступки рабочим были вызваны исключительными последствиями событий капповского путча. Только таким путем можно было заглушить глубоко обоснованное недоверие рабочих... Правительство сделало все, чтобы ускорить переброску войск, я денно и ночью старался быть полезным правительству. Соглашение подействовало в красных войсках, как взорвавшийся снаряд»¹.

Тысячи убитых и раненых, тысячи лет тюремного заключения, новый хозяйственный гнет для пролетариата, закрепление буржуазного классового господства и его государственного аппарата—таковы результаты этого нового предательства социал-демократии в длинной цепи ее предательств.

Но этим буржуазия не удовлетворилась. Зная, что значительная часть рабочего клас-

са, прежде всего средней Германии, еще вооружена, буржуазия поставила задачу окончательного разоружения пролетариата, спровоцировав его на выступление тогда, когда он к выступлению был еще недостаточно готов.

Эту миссию снова взял на себя с.-д. Зеверинг. Вооруженные полицейские отряды были посланы в Среднюю Германию. В результате этой провокации в марте 1921 г. в Средней Германии вспыхнуло восстание. Спровоцированное социал-демократами, это восстание ими же было и подавлено.

«Нужно подчеркнуть, что опасность непосредственно повстанческого движения в Средней Германии не грозила никогда и даже в марте этого года, несмотря на агитацию коммунистов. Лишь посылка охранной полиции в Среднюю Германию для борьбы против растущей преступности и все умножающихся беззаконий среди рабочих дала толчок. Нарыв лопнул; при этом он оказался более серьезным, чем можно было предполагать»².

Так, с подлинным цинизмом палача и предателя вспоминает о своих подвигах Зеверинг.

Реакция нагнала, изолируясь во все новых провокациях. Но революционная энергия пролетариата не была сломлена. Она

¹ Зеверинг, Меморандум о беспорядках в Средней Германии.

² Выступление Зеверинга, 3 апреля, 1920 г.

прорвалась вновь с громадной силой в грандиозных демонстрациях, в связи с убийством Ратенау¹, в июльские дни 1922 г.

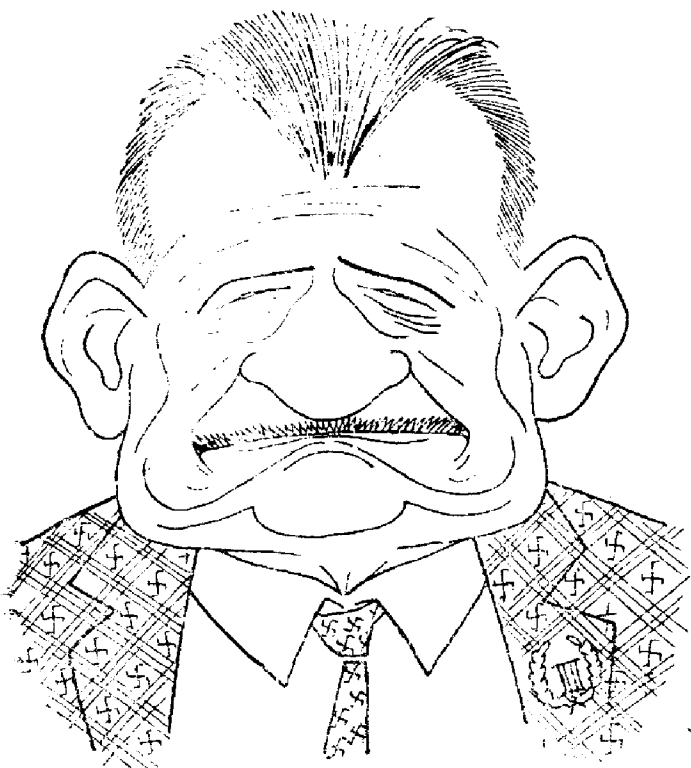
В этих демонстрациях выражаются ненависть рабочего класса к капиталистическому строю, его воля к борьбе за социализм.

Массам был обещан закон о защите Республики — против реакции, но по существу был издан исключительный закон против пролетариата, против революционных рабочих. На основании этого закона о «защите Республики» тысячи рабочих были брошены в тюрьмы, в то время как монархистские организации продолжали свое существование.

В ноябре 1922 г. социал-демократы были изгнаны из правительства. Новое правительство Куно уже неприкрыто осуществляло политику крупного капитала. С.-д. поддерживали его. Рурская оккупация 1923 г. невероятно углубила экономический кризис, привела к новому обострению политических затруднений буржуазии. Правительство Куно сметено генеральной стачкой. 27 сентября 1923 г. Эберт объявил военное положение во всей Германии. Исполнительная власть перешла к военному министру Гесслеру. Буржуазия из страха перед революцией прибегла к большой коалиции.

Социал-демократы охотно пошли на эту коалицию, хотя еще в августе 1923 г. с.-д. Кристин в «Форвертсе» с негодованием писал: «И с этими крупнокапиталистическими

Рис. ЯНОПА

Социал-демократ Отто Вельс

силами мы можем объединиться для блага общества? 30 лет социалистической выучки и деятельности спасает меня от такого невежества и суеверия».

Рядом с представителями тяжелой индустрии в правительстве сидели социал-демократы. Назревал новый революционный кризис. Движение масс было настолько мощным, что Штрэземан заявил: «Мое правительство будет последним буржуазным правительством».

В Саксонии и Тюрингии возникли так называемые рабочие правительства, в которых участвовали коммунисты и социал-демократы».

В деятельности этих «рабочих правительств» сказалась оппортунистическая политика тогдашнего брандлеровского руководства, которая явилась исходным пунктом октябрьского поражения 1923 г.

Правительства были разогнаны направленными Эбертом в Саксонию и Тюрингию войсками генерала Мюллера.

Результатом военного похода на Саксонию было 39 убитых, 86 раненых, 845 арестованных и 108 избитых.

Наряду с военным походом рейхсвера в Саксонию и Тюрингию Эберт предпринял новый поход против экономических прав рабочего класса. 13 октября был издан закон, давший правительству и предпринимателям право ухудшения экономического и политического положения рабочих без согласия парламента. 23 ноября 1923 г. была запрещена КПГ и вся ее печать. Тысячи активистов германской компартии были арестованы и отправлены в тюрьмы.

В момент этой непосредственно революционной ситуации германский пролетариат не имел еще подлинно большевистской партии, борющейся под руководством опытных вождей. Благодаря новому предательству германской социал-демократии пролетариат в октябре 1923 г. терпит новое поражение. Революционная ситуация, как и в 1918 г., не привела к пролетарской революции. Господство буржуазии было спасено.

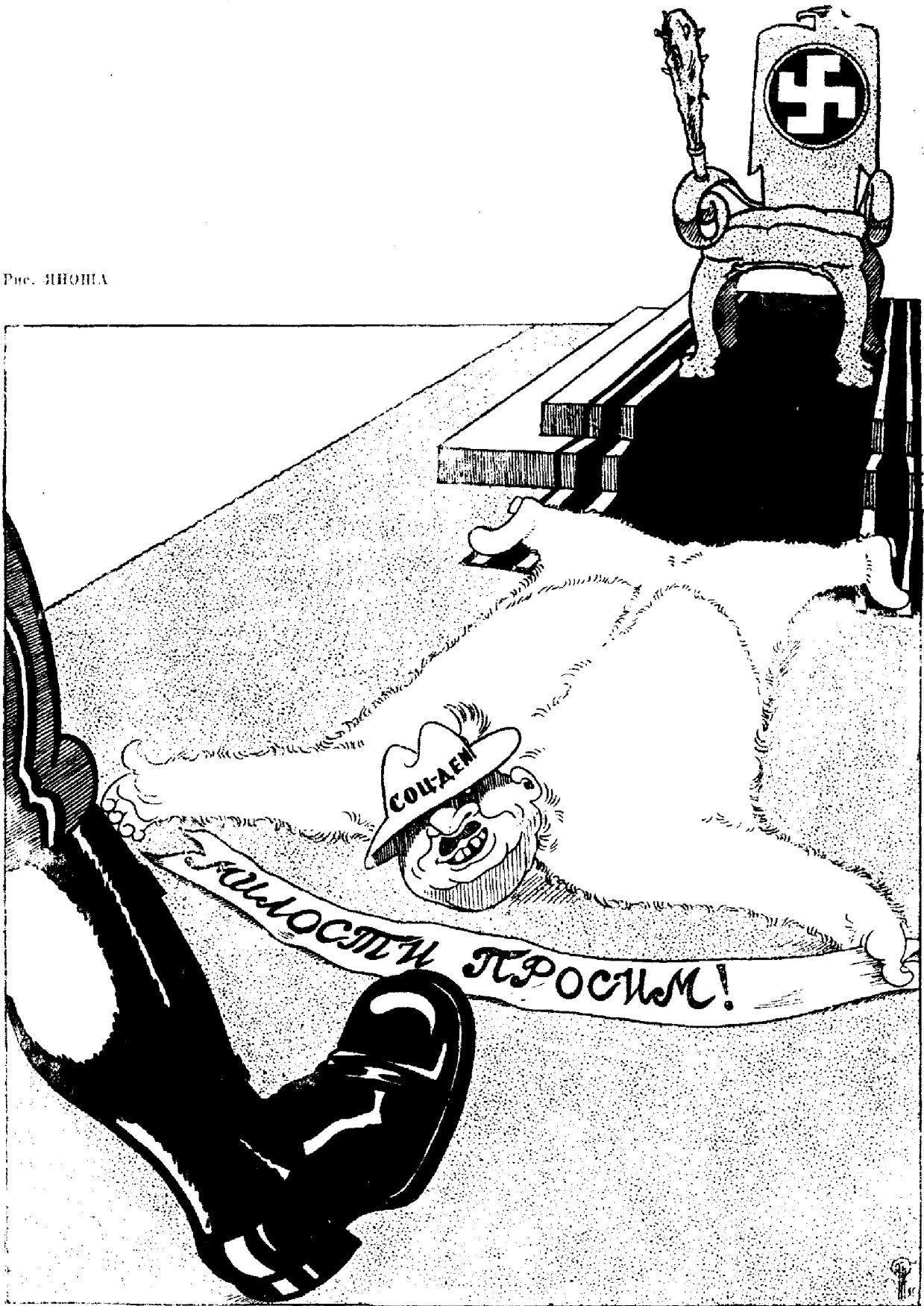
Социал-демократы были вновь изгнаны из правительства. Было создано правительство, возглавлявшееся лидером центра, Марксом.

2

Поражение рабочего класса в 1923 г. было одним из важнейших факторов, обу-

¹ Ратенау — министр иностранных дел, был инициатором политики сближения с Советской Россией.

Рис. ЯНОША

Социал-демократ: „Фашисты смогут получить власть, только переступив через нас“

словивших начало относительной капиталистической стабилизации. Для охраны «стабилизированной» республики социал-демократ Герзинг в феврале 1924 г. основал социал-демократическую боевую организацию — черно-красно-золотой рейхсбаннер, вся деятельность которого в первую очередь была направлена против коммунистов.

После избрания Гинденбурга на пост президента социал-демократы торжественно заверили его в своей преданности и обещали свое сотрудничество этому избранному «большинством народа» монархисту и генералу-фельдмаршалу. И действительно, социал-демократы добросовестно поддерживали все его мероприятия, направленные против пролетариата. Они боролись за капиталистическую рационализацию, всеми мерами помогая буржуазии «найти душу рабочего» для того, чтобы «соорудить мост от взглядов и мыслей, от логики и чувств рабочего к миру предпринимателей».

Буржуазия использовала все новые методы усиленной эксплуатации рабочего класса. Но из боязни новых революционных осложнений она снова поручила это дело социал-демократии, опять призвав ее в правительство.

Социал-демократ Герман Мюллер становится рейхсканцлером Германской республики. Под его руководством осуществляется план буржуазии — форсируется наступление на социальное страхование, снижается заработная плата, ухудшается страхование больных и инвалидов и уменьшается пособие безработным.

Первым делом социал-демократа Мюллера была постройка броненосца «А», которой было открыто начало сооружения целой серии броненосцев. Рост вооружений, направленный прежде всего против Советского союза, социал-демократия обосновывала необходимостью защиты республики и задачами изыскания работы для безработных. Против референдума, организованного коммунистической партией по поводу постройки броненосца, социал-демократия мобилизовала всю возможную демагогию, ложь и клевету.

Социал-демократ Цергибель, назначенный полицеймейстером Берлина, в 1929 г. запретил берлинскому пролетариату майскую демонстрацию, и когда, несмотря на этот запрет, рабочие под руководством коммунистической партии грандиозной демонстрацией прошли по улицам Берлина, он по поручению буржуазии отдал полиции приказ стрелять в демонстрантов. 33 убитых пали жертвами социал-демократических убийц.

Грозная поступь рабочих батальонов революционных предместий Берлина в майские дни 1929 г. заставила буржуазию еще более насторожиться.

Учащающиеся и разрастающиеся демонстрации, возглавляемые компартией и союзом красных фронтовиков, рост числа членов компартии и союза явились яркими показателями дальнейшего развития революционного движения. По поручению буржуазии прусский министр внутренних дел Зеверинг издал приказ о запрещении союза фронтовиков. Прусская государственная машина, возглавляемая коалиционным правительством, с предельной ясностью выявила свою природу органа классового господства эксплуататоров. Везде, где необходимо было организовать наступление на рабочий класс, буржуазия и в этот период выдвинула на авансцену социал-демократию. В важнейших промышленных областях, там, где сосредоточены промадные массы рабочих и где особенно остро разгораются классовые противоречия — в Берлине, Гамбурге, Руре, Средней Германии, — всюду в качестве полицеймейстеров сидели социал-демократы. Наряду с экономическим опрощением пролетариата буржуазия и ее опора, социал-демократия, все усиливают методы политического нажима на рабочий класс. Реакционный курс правительства Мюллера, те невероятные тяготы, которые накладывало оно на массу, его политика беспощаднейшего подавления революционных выступлений рабочих расчищали путь для фашистской диктатуры в Германии.

«Срастание реформизма с буржуазно-государственной властью находит свое высшее выражение в политике социал-фашизма» — так оценивал этот новый этап в развитии социал-демократии Веддингский партийтаг КПГ.

«При господстве буржуазного блока германская социал-демократия остается правительственной партией, играющей роль дополнительной гарантии господства буржуазии, с которой она тесно связана и по зову которой она в случае обострения классовой борьбы и революционных трудностей готова вновь вступить в коалицию»¹.

Вожди социал-демократии на своем съезде в Магдебурге открыто признали себя социал-фашистами. Устами Отто Вельса, председателя германской социал-демократии, они заявили: «Нашей задачей является обеспечение демократии и охрана республики. Если

¹ Из резолюции Эссенского партийтага КПГ.

врагам республики и демократии в Германии удастся нанести ей тяжелый вред, если не останется другого исхода кроме диктатуры, тогда пусть знают «Стальной шлем», национал-социалисты и их коммунистические братья в Москве, что социал-демократия и профсоюзы в качестве представителей широчайших масс германского народа, тесно сплоченные своими организациями и скованные чувством ответственности и дисциплины, также сумеют действовать. Право диктатуры принадлежит им и больше никому».

Это заявление было откровенным приобщением к фашизму, к обнаженной диктатуре буржуазии. В течение ряда лет, начиная с 1918 г. и в последующие годы, социал-демократия всей своей политикой подтвердила правильность этого признания вождя германской социал-демократии.

Политика Германа Мюллера расчистила путь правительству проведения фашистской диктатуры, правительству Брюнинга, которое возникло весной 1930 г.

Правительство Брюнинга получило открытую поддержку социал-демократии именно в деле фашизации государственного аппарата и наиболее решительного наступления на рабочий класс.

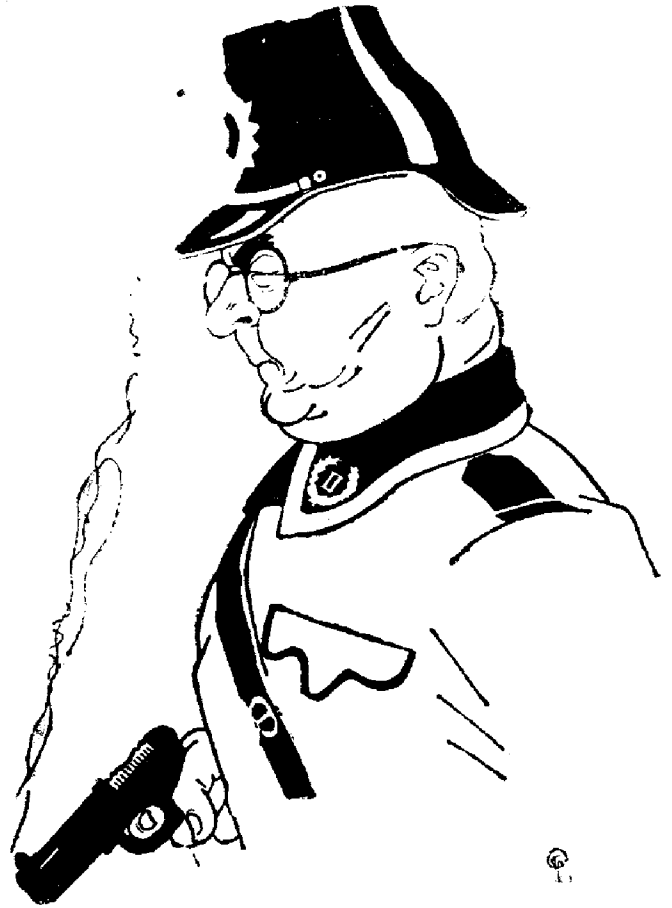
Для обоснования этой своей политики социал-демократия выступила с теорией меньшего зла.

«Продолжать борьбу против Брюнинга означало бы передачу власти в руки Гугенберга и Гитлера, поэтому мы после выборов были вынуждены (до сентябрьских выборов 1931 г. они обещали своим сторонникам продолжать «оппозицию» против Брюнинга.— Ф. Г.) отвергнуть вотум недоверия министрам Брюнинга и проглотить чрезвычайный закон»¹.

Политика чрезвычайных законов и оперирование 48-м параграфом Веймарской конституции были фашистской политикой, проводившейся фашистскими методами. Но социал-демократия обосновывала свою поддержку этого правительства проведения фашистской диктатуры тем, что гитлеровский фашизм и буржуазная демократия представляют собою в корне различные, противоположные вещи, что правительство Брюнинга — якобы плотина против правительства Гитлера — Гугенберга. Все чрезвычайные законы Брюнинга—правительства проведения фашистской диктатуры — расценивались ею как «документы демократии».

Теория «наименьшего зла» явилась луч-

¹ Из социал-демократического бюллетеня «Freie Wort».

Социал-демократ Цергибель

шим способом буржуазного обмана масс. Вожди социал-демократии и реформистских профсоюзов называли чрезвычайный закон, изданный Брюнингом в декабре 1931 г. и снижавший зарплату рабочих с 10 до 15 проц., «трамплином к социализму». С помощью подобных обманных маневров социал-демократии, этой главной социальной опоре буржуазии, удалось затормозить стачечное движение и обеспечить сохранение капиталистической диктатуры.

Наиболее верным помощником правительства Брюнинга в осуществлении перехода к фашистским формам господства было коалиционное правительство Пруссии, правительство социал-демократов Брауна—Зеве-ринга.

3

В результате дальнейшего углубления экономического кризиса и расшатывания Веймарской республики ускоренным темпом нарастало революционное движение, разгоралась массовая борьба и назревали предпосылки революционного кризиса.

Правительство Брюнинга было сменено правительством национальной концентрации, опиравшимся на национал-социалистическую

партию, на ее отряды штурмовиков и на рейхсвер, правительством возглавлявшимся Папеном и Шлейхером, представлявшим интересы различных групп германского финансового капитала.

С этого момента основным методом капиталистического угнетения пролетариата все в большей степени становится обнаженный фашистский террор.

В условиях версальской системы, в условиях все углубляющегося экономического кризиса германская буржуазия предпринимает открытый поход против рабочего класса, ликвидируются последние остатки веймарской демократии, осуществляется беспощадный террор против пролетариата и его партии.

Роль социал-демократии, этого присяжного обманщика масс, на этом этапе сводилась к роли ширмы, из-за которой быстрыми темпами осуществлялась окончательная фашизация государственного аппарата. Социал-демократия снова и снова обманывала пролетариат своими речами о борьбе за демократию. Во время президентских выборов 1932 г. социал-демократия кричала о железном фронте демократии, сплотившемся вокруг Гинденбурга, против Гитлера. Этим она пыталась ослабить влияние КПГ на широкие массы немецкого пролетариата.

20 июля 1932 г. правительство Папена—Шлейхера осуществило фашистский переворот в Пруссии.

Социал-демократия, которая еще 19 июля «утражающе» предупреждала фашистов, что она ни в коем случае не допустит противоконституционного переворота, по приказу генерала Рунштета без всякого сопротивления распустила свое коалиционное правительство в Пруссии.

Фашистский государственный переворот в Пруссии выявил также и слабости КПГ. Нам не удалось своим лозунгом политической массовой стачки развязать широкое стачечное движение, хотя мы и добились разоблачения социал-демократических капитулянтов перед рабочими массами, укрепления в этих массах доверия к нашей партии как к единственно антифашистской массовой силе. Благодаря недооценке и недостаточному руководству частичными боями, благодаря пренебрежению работой внутри реформистских профсоюзов нам не удалось подвести действительно широкие рабочие массы к подлинно массовым революционным боям, к генеральной стачке.

Рабочий класс не сразу понял все глубокое политическое значение фашистского

переворота. Рабочий класс считал, что борьба идет за социал-демократических министров, за государственных чиновников, изгнанных фашистским правительством. За них же пролетариат не считал нужным бороться.

Широкие слои пролетариата еще не осознавали, что переворот Папена летом 1932 г. осуществил одну из форм фашистской диктатуры в Германии и что с помощью 48-го параграфа Веймарской конституции эта конституция была ликвидирована.

Социал-демократия же изобрела новый обман пролетариата, снова, как и во все труднейшие для буржуазии моменты, пришла на помощь классовому господству, спасая господствующий класс от гибели. В опубликованной ею программе «социализма», программе «перестройки хозяйства», социал-демократия требовала социализации тяжелой промышленности, горной промышленности, металлургии, химической промышленности, национализации банков, экспроприации крупных землевладельцев и передачи земли сельскохозяйственным рабочим и мелкому крестьянству. Фашистское правительство Папена, капиталистическое государство, должно было согласно этому плану осуществить социализацию и экспроприировать помещиков. Воскрешен был «бисмарковский социализм», столь едко высмеянный в свое время Энгельсом. «Восточно-эльбские и восточно-пруссские юнкера—сыновья и внуки князей фон-Бисмарков — должны ввести социализм!» (Энгельс).

«Чем больше производительных сил захватит оно (капиталистическое государство) в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплоатировать. Рабочие остаются наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не устраняются, а еще более обостряются» — писал Энгельс¹.

К этому новому «левому» маневру социал-демократия прибегла в связи с развитием революционных, антифашистских массовых боев, в которых все более активное участие принимали и широкие массы социал-демократических рабочих.

Но хотя известные слои рабочего класса поддались этому обману, значительная часть его, отбросив этот обман, поняв его сущность, продолжала борьбу под лозунгами компартии против фашистского

¹ Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Соцэкгиз, 1931 г., стр. 69.

правительства Папена, за революционный выход из кризиса. В ряде предприятий попытки Папена и предпринимателей снизить зарплату рабочим вызвали значительное сопротивление. Влияние компартии росло. Шесть миллионов голосовали за компартию во время выборов в рейхстаг. Мощная стачечная волна, в особенности стачка рабочих городского транспорта в Берлине, вплотную подвела рабочих к политической массовой стачке.

Эта грандиозная борьба рабочих масс под антифашистскими лозунгами приостановила открытые фашистские действия правительства Папена. Руководство перешло к генералу Шлейхеру. Диктатура Шлейхера осуществляла стратегическую задачу германской буржуазии, задачу подавления революционной борьбы рабочего класса и его авангарда — КПГ — под прикрытием социальной фразеологии.

Председатель реформистских профсоюзов, социал-демократ Лейпарт, опираясь на эту фразеологию, нагло заявлял, что правительство Шлейхера в противоположность правительству Папена признает, что «та борьба, которую вели в последние годы германские рабочие за улучшение своего положения, вызывает глубокое изумление». Это было сказано о правительстве, отказавшем в предоставлении зимнего пособия 8 миллионам безработным, разрешившем вопрос о предоставлении работы безработным так, что армия голодающих и безработных все больше разрасталась!

Крушение правительства Шлейхера 29 января означало невероятное обострение классовых противоречий и колоссальное усиление фашистских методов наступления на пролетариат. Между тем реформистские профсоюзы исподволь готовили большую коалицию с национал-социалистами. 15 октября Лейпарт произнес в профсоюзной школе следующую программную речь:

«Ни один социальный слой не может стоять в стороне от национального развития. И мы также никогда этого не делали. И когда мы во время мировой войны до самого конца боролись за наше отечество и когда мы в 1918 г. всю тяжесть потерпевшего крушения государства взяли на себя и ведем после этого большую строительную работу, мы принесли жертву для своего народа».

Речь эта конечно с радостью была подхвачена фашистами.

2 ноября фашистский орган «Фелькишер Beobachter» по этому поводу писал: «...председатель Всегерманского объединения профсоюзов в своей достопримечательной речи высказался за тесную связь и единство всей нации... «Это говорил не марксист, а вождь профсоюзов» — с удовольствием отмечает газета.

ЦК социал-демократической партии открыто одобрил сговор Лейпарта с национал-социалистами и Папеном. Он готовил при помощи профсоюзных вождей прямое и открытое сотрудничество с Гитлером.

30 января, когда власть перешла в руки Гитлера, компартия вновь выбросила лозунг генеральной стачки и открыто предложила социал-демократии и реформистским профсоюзам единый фронт для борьбы против фашистской диктатуры. В ответ на это со стороны этих врагов рабочего класса была поднята целая кампания лжи и клеветы против компартии. И компартии не удалось благодаря тому, что социал-демократия, пользуясь своим влиянием на широкие слои германского пролетариата, расколола рабочее движение, развернуть решающие бои за власть.

Со времени поражения пролетарской революции в Германии в 1918 г. с необычайной четкостью выяснилась роль социал-демократии как силы, подготовившей фашистскую диктатуру. Социал-демократия непрерывно углубляла раскол рабочего класса и препятствовала его борьбе за свержение буржуазной диктатуры. Она помогла национал-социалистам завоевать разоренные кризисом мелкобуржуазные массы города и деревни.

Открытая фашистская диктатура в Германии была установлена в момент, когда наступил конец относительной стабилизации капитализма, в начале второго тура революций и войн, когда чрезвычайное обострение всеобщего кризиса капитализма и экономического кризиса дало толчок дальнейшему, еще более значительному созреванию предпосылок революционного кризиса.

Историей поставлена задача: не назад к обанкротившейся буржуазной Веймарской республике, которая с совершенной последовательностью развилась в фашистскую диктатуру, а вперед — к пролетарской диктатуре, к республике советов, представляющей высшую форму демократии, широчайшей демократии для всех трудящихся.

Крушение фашистского режима в Германии в первую очередь зависит от организа-

ции пролетариата для беспощадной борьбы против фашизма. Завоевывая большинство рабочего класса, уничтожая влияние реакционной социал-демократии, компартия сплачивает пролетариат как революционную силу. Преодоление влияния социал-демократии, которая продолжает оставаться главной социальной опорой буржуазии, раскалывающей пролетариат и ослабляющей его боеспособность в борьбе с фашизмом,—важнейшая, первостепенная задача компартии Германии. Осуществляя эту задачу, повышая роль пролетариата как авангарда широких трудящихся масс города и деревни, компартия ускоряет процесс отхода от фашиз-

ма тех слоев крестьянства и городской мелкой буржуазии, которые до сих пор следовали за ним. Это повышает боеспособность масс, приводит, с одной стороны, к кризису «верхов» в рядах буржуазии, с другой стороны—к разложению низового фашистского аппарата террористической диктатуры.

Мы стоим перед решающими боями против диктатуры фашизма в Германии. Мы ведем массы к борьбе за свержение фашистской диктатуры, за пролетарскую революцию, единственно истинную и широчайшую народную революцию.

Тов. Эрнст Тельман

УКРАИНА

В П Л А Н А Х

ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

„Украинская проблема“ в планах германского империализма до войны

Идея образования вассальной Украины как открытых ворот к неограниченному господству Германии была в течение многих десятков лет одной из руководящих идей германского империализма.

В этом смысле планы фашистских Розенбергов относительно расчленения СССР и отделения Украины в качестве «союзницы Германии» не отличаются оригинальностью. Совершенно правильно отмечала «Правда» от 13 марта с. г., что проект Розенберга и его соавторов «заимствован из старых прогнивших архивов германского империализма».

Первая законченная концепция отделения Украины и включения ее в сферу прусского влияния была выдвинута прусскими политиками во время крымской войны в 1853 г.

Кружок тогдашних прусских политиков под руководством Морица фон-Бетман-Гольвега представил прусскому правительству докладную записку, написанную неизвестным Бунзеном, тогдашним посланником Пруссии в Лондоне. В этой записке впервые развилась идея об отделении от тогдашней России областей, лежащих к северу от Черного моря. По мнению Бунзена, только отделение Украины могло нанести действительный удар непрерывающейся экспансии России на юг и юго-запад. Интересно, что в этой записке Бунзен полностью опирался на опубликованные незадолго перед этим знаменитые «Studien» барона Гакстгаузена, совершившего в середине 40-х годов обширное путешествие по России при благосклонном содействии петербургского правительства. Русский читатель со школьной скамьи знает Гакстгаузена главным образом как человека, который «открыл» русскую общину и на этом основании провозгласил, что пролетарская революция в Рос-

сии невозможна. Однако очень немногие знают, что Гакстгаузен «открыл» в тогдашней России не только общину, но и... Украину. В своем многотомном исследовании о России Гакстгаузен, захлебываясь, рассказывает о несметных богатствах Украины, об особом хозяйственном укладе, приближающем ее в отличие от Великороссии к Западной Европе (наличие наследственного поворного права, европейский склад крестьянского хозяйства, наличие черт европейского городского уклада в городах Западной Украины и т. п.). Особенно много писал этот немецкий путешественник по России о громадной культурной роли немецких поселенцев на Украине, подчеркивая, что без Украины русский «коLOSS окажется воздвигнутым на глиняных ногах». Работы Гакстгаузена сыграли значительную роль в формировании взглядов германской буржуазии в отношении к Украине. Все позднейшие германские работы по этому вопросу, вплоть до работ Гитлера и Розенберга, в той или иной степени повторяют Гакстгаузена.

Бисмарк был достаточно осторожен, чтобы не дать в то время хода записке Бунзена. Он даже боролся с ее идеями, хотя в своих «Воспоминаниях» не без одобрения отзывался о кружке фон-Бетман-Гольвега как о «толковых людях». Однако он не отказался от самой концепции. В конце 1887 г., во время русско-турецкой войны, обеспокоенный балканскими планами России, Бисмарк поручил своему интимному другу, известному философу Эдуарду Гартману, написать в популярном тогда журнале «Gegenwart» специальную статью, в которой неопределенные идеи Бунзена — Гакстгаузена приняли вполне конкретную географическую форму. Гартман выступил с проектом оттеснения России к Волге путем образования «самостоятельного» украинского государства, которое служило бы буфером между Западной Европой и Россией, кладя конец экспансии последней. Северная граница украинского самостоятельного государства должна была, по мысли Гартмана, проходить через Витебск, Курск, Саратов, затем по Волге до Астрахани. Статья Гартмана была конечно только шахматным ходом со стороны Бисмарка с целью напугать петербургское правительство. Этой цели она, как известно, и достигла, вызвав большой переполох в петербургской прессе и «сферах». Для попыток реального воплощения этой идеи в жизнь время еще не пришло.

«Украинская концепция» в планах германского империализма оживает вновь в начале мировой войны. В 1915 г. германский генеральный штаб после поражения на Марне быстро переориентировался на Восток, потому что победы Гинденбурга над царской армией создавали реальную географическую базу для так называемой «восточной ориентации». В появившейся в это время обширной литературе, трактующей о военных целях Германии на Востоке, видное место занимает украинская ориентация германского империализма. Одним из наиболее рьяных представителей этой политики был небезызвестный Рорбах, темный делец, плодовитый журналист, агент и идеолог тех групп немецкой буржуазии, которые были заинтересованы в турецких и персидских делах в связи с постройкой Берлин-Багдадской железной дороги. Рорбаху принадлежит масса брошюр по колониальной политике Германии. Не подлежит сомнению, что его идеи, в частности его воззрения по украинскому вопросу, оказали серьезное влияние на Гитлера и Розенберга и на всю внешнеполитическую концепцию германского фашизма.

Рядом с Рорбахом выступили в этот период в защиту «украинской ориентации» депутат рейхстага Цехельский, Курт Штавенхаген, Клейнов, Шрупп и др. Выпускавшиеся ими брошюры и книги распространялись в сотнях тысяч экземпляров и бесспорно оставили серьезный след в широких кругах германской средней и мелкой буржуазии.

В своих обширных исследованиях «украинцы» старались показать, что по своей культуре (Гакстгаузен!), языку и хозяйственным условиям Украина предназначена стать самостоятельным государством, разумеется под немецким контролем. Став «самостоятельной», Украина неизбежно окажется чересчур слабой, чтобы противостоять русскому давлению с севера, и таким образом волеизволей должна будет опереться в военном отношении на державы Центральной Европы (идея, «реализованная» впоследствии в Бресте!). Эта группа брала границы будущей Украины целиком из гартмановского проекта 80-х годов, а именно: Витебск — Курск — Саратов — Волга — Астрахань. В качестве минимального выдвигалось требование захвата Правобережной Украины. Наиболее интересной чертой в писаниях «украинцев» является также неизменное указание на ту огромную роль, которую вассальная Украина призвана сыграть в

дальнейших планах германского империализма. Украина в представлениях этой группы — это открытый путь дальше на Восток, к сказочным богатствам Кавказа и Закавказья и далее к Персидскому заливу, этому форпосту господства в Индии.

Немецкий генеральный штаб в 1915—1916 гг. организует специальные лагеря для военнопленных украинцев. Издаются на украинском языке газеты, журналы и брошюры, для этой работы создается специальная организация «Союз визволення України».

Февральская революция в России не только ослабила, но даже усилила захватнические стремления германских империалистов. Вскоре после революции появляется обширный сборник под редакцией известного проф. Зеринга под названием «Западная Россия и ее значение для развития Средней Европы». В этом сборнике была «теоретически» разработана программа Бреста, раздела России и конечно в первую очередь — отделения Украины под немецким протекторатом. Одновременно появляются работы проф. Ф. Генша, новая работа Рорбаха и др. С новой энергией подогревается идея отделения Украины от России с обширными рассуждениями на тему о том, что теперь-де задача облегчается благодаря тому, что русская революция сама возвестила права наций на самоопределение.

Рорбах пишет в этот период специальную брошюру, в которой доказывает, что настало время отнять Украину от России. Повторяются уже известные нам аргументы о «своеобразии» Украины. «Есть три России, — писал Рорбах, — первая, более молодая, московская Россия, поглотившая все остальные; вторая, старая или украинская, и третья — западная область, которая культурно и исторически вообще не Россия, а составная часть той меж-Европы, которая является восточным краем германско-западнославянского протестантского и католического Запада». Ту же мысль полностью повторяет Генш. Он пишет: «Украина вместе с Финляндией, Прибалтикой и Польшей образует ту цель русских окраин, которые отделяют «тыл» Европы от ее срединной части и уже Пинком причислялись к меж-Европе».

«У Украины все признаки особого государства, — продолжает Генш, — хозяйственная самостоятельность, особый народ,

исторические права». Однако все эти «признаки» полностью отступают перед основным соображением, о котором откровенно пишет подголосок Рорбаха Шмидт: «Отрыв от России всех других областей не составит столько, сколько составляет одна Украина. Благодаря отрыву Украины в пользу центральных держав очистилось бы свыше 30 млн. душ».

30 млн. новых полуколониальных рабов плюс неисчерпаемые богатства Украины — вот что скрывалось за рассуждениями германских империалистов о «независимой» Украине. Проф. Генш не может без волнения даже писать об этой блистательной перспективе. «Неисчерпаемые количества хлеба, скота, кормовых средств, животных продуктов, шерсти, текстильного сырья, жиров, руды — в том числе незаменимый марганцевой руды и угля — преподносит (!) нам эта страна!». «Если мы все это захватим, — мечтает он, — то помимо этих богатств в Средней Европе будет 120 млн. человек, а у России уже только 135 млн.».

Таким образом литература 1917 г. как идеологически, так и практически подготавливала Брест. В этот период по вопросу об Украине выступают не только генералы, юнкера и аферисты вроде Рорбаха — проблемой раздела России и в частности проблемой создания независимой Украины занимаются «серьезные» профессора (Генц, Хиллебрандт, Зеринг) и даже целые научные учреждения. Германскому военному командованию, ведущему переговоры в Бресте, не приходилось много работать над вставшими в Бресте проблемами. Почти все они были полностью освещены в этой предбрестовской литературе.

Украина здесь рассматривалась как широкая дорога для германского влияния на Восток. Рорбах рисовал перед германской средней и мелкой буржуазией сказочные перспективы, которые «освобожденная» Украина откроет для Германии на Востоке. «На Востоке, в Малой Азии, в Сирии, в Месопотамии, в Персии, на Балканах лежит в изобилии все, в чем мы нуждаемся. В недрах Тавриза таится множество руд разного рода. В древних Ассирии и Вавилоне из подземных недр текут потоки нефти, там скрываются угольные богатства, столь же большие или быть может даже большие, чем в России и Соединенных штатах». И все эти богатства должна была открыть для Германии «независимая» Украина!

Украинский „вопрос“ в период Бреста

Октябрьская революция открыла широкую дорогу для развития самостоятельной украинской культуры. «Декларация прав народов России», признание независимости Финляндии 1 января и Украины 11 января 1918 г. провозглашали полный разрыв с империалистической политикой царизма и временного правительства и со старой практикой угнетения народов.

Украинская буржуазия и кулачество поняли, разумеется, «независимость» Украины по-своему. Украинская буржуазия, очень хорошо ориентированная в немецких планах насчет Украины, использовала вопрос независимости Украины прежде всего как возможность сепаратной сделки с четвертым союзом, направленной против большевистской РСФСР. Именно в этом смысле IV универсал Центральной рады от 24 января 1918 г. возвещал, что «отныне Украинская народная республика образует самостоятельное, ни от кого независимое, свободное и суверенное государство украинского народа».

«Самоопределение» для украинской буржуазии, штык и кнут для украинского пролетариата и трудящегося крестьянства — таковы были «идеи» о самоопределении народов, которыми одинаково пользовались в Бресте как представители германской военной клики, так и «представители» Центральной украинской рады.

Немецкий генеральный штаб, которому было поручено ведение переговоров, не замедлил использовать в своих целях украинскую буржуазную делегацию, состоящую из «социалистов». На заседании 4/II граф Чернин (австрийский делегат) от имени четвертого союза льстиво декларировал: «Мы не имеем оснований брать назад или как-нибудь ограничивать то признание украинской делегации, как полномочного представительства Украинской народной республики, которое мы сделали в заседании 12/I 1918 г. Мы скорее видим основания к тому, чтобы уже сейчас признать Украинскую народную республику как независимое, свободное, суверенное государство, которое способно заключать самостоятельные международные договоры»¹.

Уже более полувека затаенной мечтой германских империалистов, основным стратегическим планом германской военни-

¹ Dr Karl Strupp, Der Ostfrieden, S. 29.

ны было образование вассальной Украины, находящейся полностью и целиком под германским контролем. Брест превращал эту мечту в действительность. Он не только открывал для германского военного командования украинские продовольственные ресурсы, но и делал также реальной возможность осуществления более широких восточных планов германского империализма. Неудивительно поэтому, что немецкие делегаты заливались соловьем в Бресте. «Вы — молодое государство, — говорил генерал Кюльман на заседании 9/II 1918 г., обращаясь к украинской делегации, — государство, родившееся в бурях великой войны. Заключить мир с вами доставляет представителям союзной дипломатии особое удовольствие».

Статистики уже подсчитывали «плоды» Бреста. Некто Фляшман писал: «Не отдают себе обычно ясного отчета в том, что вместе с Польшей, Литвой и Курляндией (361.000 кв. км., 2 млн. жителей), Финляндией (373.000 кв. км., 3,25 млн. жителей), Лифляндией и Эстляндией (67.000 кв. км., 2,25 млн. жителей), областями, переходящими к Турции в Азии (22.000 кв. км.), а также Украиной (600.000 кв. км., 35 млн. жителей) в совокупности выделяется из русского государства 63 млн. чел., а русские области уменьшаются на 1.423 тыс. кв. км., т. е. на площадь, равную Германии, Франции и Италии вместе взятым»¹.

Заклученный в марте договор с РСФСР в немалой степени был продиктован также «украинскими соображениями». Уже в «ультиматуме» 22/II 1918 г. немцы ставили (§ 4) условие: «Россия немедленно заключает мир с Украинской народной республикой. Украина и Финляндия без промедления очищаются от русских войск и красной гвардии». Это требование было еще более тщательно сформулировано в § 6 Брест-Литовского договора: «Россия обязуется заключить немедленно мир с Украинской народной республикой и признать мирный договор, заключенный между Украиной и четверным союзом. Украинская область без промедления очищается от русских войск и русской красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или публичных органов Украинской народной республики».

Включение этого пункта в договор имело специальной целью формально оправдать

давно задуманную и подготовленную интервенцию германских войск на Украине. Полуофициальный комментатор Брест-Литовского договора Струмп прямо пишет: «Недостаточное выполнение § 6 договора привело к тому, что Германия и Австро-Венгрия по просьбе украинского правительства (случай интервенции, дозволяемой (!) международным правом) выступили на Украину с вооруженной силой».

Правительственный немецкий доклад по этому вопросу эпически повествовал: «Отдельные окраинные государства в борьбе за утверждение их государственного порядка призывали на помощь немецкие войска, чтобы бороться против грозящего внутреннего разложения». Союз украинской буржуазии с германскими империалистами для борьбы против своих собственных рабочих и крестьян выступает в этих официальных заявлениях с полной ясностью. Не скрывали этого и представители самой украинской буржуазии и кулачества. Украинский «Союз политических партий и организаций», в который входили «социалисты-самостийники», трудовики, социалисты-федералисты, демократическая крестьянская партия, союзы служащих и т. п., в своем обращении к немецкому правительству 30 мая 1918 г. писал: «Украинский народ обратил свои взоры к великому и могучему немецкому народу, с которым украинцы в течение всей своей истории не враждовали никогда и к которому они всегда питали традиционное уважение. И от этого народа получила Украина великодушную поддержку»².

Руководящие германские политики не считали однако нужным скрывать, что все эти разговоры о «независимей» Украине и о ее поддержке — простой обман. Они открыто заявляли, что шлот немецкие войска на Украину не за украинской «независимостью», а за украинским хлебом и мясом. «Марш наших войска на Украину, — откровенно заявлял в рейхстаге канцлер Гартлинг 25 февраля 1918 г., — производится исключительно с целью обеспечить для нас плоды заключенного с Украиной мира. Только для этой цели наше военное руководство обнажило меч»³.

Мирный договор с Украиной был для немцев в полном смысле слова «хлебным» миром. «Победоносная сила немецкого меча», о которой восторженно писал депутат рейхстага Флейшер, не только стремилась осу-

¹ «Bankarchiv», XVII.

² «Die Ukraine», 1918, December.

³ Kreppe l. Der Friede im Osten, 1918, S. 223.

ществить давнишнюю мечту украинских империалистов, но и надеялась непосредственно извлечь из Украины желанное процветание. Болтовня о «независимости» Украины нужна была конечно лишь для одурачивания украинского крестьянства и собственных рабочих.

«Успехи» Бреста вскружили голову германским империалистам. Оккупация Украины развязала аннексионистские фантазии. Почему ограничиваться одной только Украиной? Разве кроме украинской Вандеи нельзя создать для большевиков также и сибирскую Вандею? Сибирь не беднее Украины и не в меньшей мере открывает путь для господства над Азией, для будущего удара против мирового могущества Англии.

Один из крайне беспринципных представителей аннексионистской политики германского империализма в 1917 г., А. Рудольф, осторожно вспоминает, что собственно говоря «охотничьи владения Германии простирались когда-то до Урала»¹. А в середине 1918 г. некто Дайя выступил с большой работой по вопросу о необходимости в той или иной форме наложить немецкие лапы и на Сибирь.

Дайя исходил из мысли, что под Востоком с германской точки зрения нужно понимать не только те области, о которых шла речь в Бресте, но и «всю евразийскую»² территориальную массу от западных русских границ до берегов Японского моря, т. е. не только Европейскую Россию, но и Сибирь, Туркестан, Монголию, а также по меньшей мере все примыкающие провинции Китая». «Мы не должны забывать,— писал Дайя,— что в наших теперешних спорах с Россией все области, которые сейчас принадлежат к ней или на которые она оказывала прежде влияние, образуют единое целое, даже если часть их пока изъята из-под нашего влияния»³. Во всех этих областях, по мнению Дайя, Германия должна «занять то же положение, какое Англия занимает на западных мировых путях». «В России могут меняться ситуации, партии могут сменять друг друга, но для германской политики в качестве основы всех мирных переговоров (?) продолжает оста-

ваться одна цель — континентальный охват Востока»⁴.

Сибирь должна стать «колонией немецкого капитала, как Южная Америка или Китай». Именно при этом условии Германия наконец сможет нанести Англии удар с севера. «Если мы создадим хозяйственный переплет, который поставит всю Азию в длительные и тесные отношения к нам, то мы получим возможность в будущей войне спуститься в Индию с севера, сбросить британское господство с континента в море» (стр. 181). Взбудораженному взору зарвавшегося империалиста уже чудятся истинные потрясающие перспективы.

Но уже первые месяцы германской оккупации на Украине показали, что дело обстоит значительно сложнее, чем это казалось германским империалистам. Германские войска вступили в Киев. Закончив оккупацию Украины, они разогнали Раду, перед делегацией которой так распинаясь в Бресте. На трон посадили гетмана Скоропадского, и начался жестокий террор против украинских рабочих и крестьян с целью «реализации плодов Бреста». Украинские трудящиеся массы ответили на это стихийными восстаниями. Пришлось увеличивать число оккупационных войск. Украинские рабочие начали систематическую революционную пропаганду в немецких войсках. Уже в июне 1918 г. обрисовался полный провал надежд германского военного командования на получение украинского хлеба. 27 июня Ленин говорил на IV конференции профсоюзов: «Германия хвалилась во время Брестского мира, когда заключала насильственный эксплуататорский, основанный на насилии, на угнетении народов, Брестский мир, германские капиталисты хвалились, что они дадут хлеб и мир рабочим. А теперь понижают хлебный паек в Германии. Продолвольственная кампания в богатой Украине оказалась, по общему признанию, крахом...»⁵.

Таким образом все надежды на Украину, которой германский империализм кормил своих трудящихся, оказались лишь обещаниями. Ноябрьская революция уже стучалась в двери Германии. Пришлось, не солоно хлебавши, потеряв десятки тысяч убитых и раненых, позорно удирать с Украины.

Революция в Германии и последовавший вскоре полный вывод германских войск с Украины нанесли жестокий удар «украин-

¹ A. Rudolf, Lieber deutscher Michel, S. 15.

² Термин «Евразия» был введен в науку Кропоткиным. Использовался широко германскими империалистами в своих восточных планах.

³ Werner Day, Der Aufmarsch im Osten, 1918.

⁴ Там же, стр. 170.

⁵ Ленин, т. XXIII, стр. 79—80, изд. 3-е.

ской ориентации» германского империализма. Подписание Версальского договора означало переход инициативы в украинских аннексионистских планах в руки англо-французского империализма. Лакомый украинский кусочек, уже почти бывший в руках германских империалистов, явно ускользал. Начинается полоса «самокритики» в лагере германских империалистов. Основанный Рорбахом в 1918 г. в Берлине специальный журнал «Die Ukraine», влачивший свое существование вплоть до 1922 г. (Рапалло), уделяет значительное внимание вопросу об «ошибках» германской политики на Украине.

«Ошибка» прежде всего состояла в том, что надо было, оказывается, ориентироваться не на Скоропадского, бывшего представителем помещичьих интересов и к тому же руссофилом, а на кулачество Украины и стало быть на Петлюру! «Ошибка» состояла далее в том, что вообще не было ясной политики в украинском вопросе. Но все эти «ошибки» перекрывались горькими сожалениями о потерянных на Украине возможностях. «Ужасно видеть для всех знающих, — писал Рорбах, — что мы могли бы сделать на Востоке в 1917 и 1918 гг. и чего не сделали»¹.

Покуда происходили все эти сетования, украинская контрреволюция, как это и предсказывал Ленин, успела уже переориентироваться на буржуазию Антанты и вместо немцев начала продавать Украину французам и англичанам.

Правда, немцы пытаются уверить украинцев, что с новыми хозяевами у них ничего не выйдет. «Ни Америка, ни Англия, — писал Рорбах, — не будут в состоянии, даже при наличии хорошо продуманной политики и хозяйственных мероприятий, перекрыть естественные преимущества географического положения, взаимного дополнения друг друга, которые существуют между Украиной и Германией, влияние старых немецко-русских торговых сношений, лучшие деловые методы, которые мы сможем предложить, наше знание языка и т. д.»².

Советско-польская война 1920 г. на короткий момент снова вызвала оживление «украинской ориентации» германских империалистов. Уже известный нам Рорбах выпускает две специальных брошюры, посвященных этому вопросу. Основная идея этих брошюр: для Германии важна не Россия, а

Восточная Европа. Для пояснения этой своей идеи Рорбах приводит следующее рассуждение: «Кто имеет политический разум, тот понимает, что для Германии лучше иметь в восточной Европе вместо единого великого государства систему государств. Решающий фактор для этого — это Украина»³.

«Система государств» на Востоке, о которой мечтал Рорбах, сконструирована была им совершенно в розенберговском стиле, а именно: «1) Россия, которая будет иметь доступ к морю у Петербурга и на Северном Кавказе, у устья Дона, — 80 млн. жителей; 2) Украина — приблизительно 40 млн. жителей; 3) Польша — 30—35 млн. жителей; 4—6) Литва, Латвия и Эстония — 1—1,5 млн. жителей; 7) Финляндия — 3,3 млн. жителей; 8—10) Грузия, Армения и Татарская (?) республика — 3 млн. жителей. Нерешенным (!) остается вопрос о политической судьбе донских и кубанских казаков в Сибири (!). В высшей степени сомнительным является также будущее такого образования, как Польша»⁴.

Таким образом «система государств» придумана. Остается самый пустяк — ее осуществление. Пытаясь ответить на этот вопрос, Рорбах, так же как и впоследствии его плагиатор Розенберг, обращает свои взоры на Англию. Два варианта соглашения с Англией кажутся Рорбаху вероятными: «1) Если поссорить Англию с большевиками из-за Азии и 2) если заставить Англию выступить за восстановление нарушенного европейского равновесия путем ревизии Версаля»⁵.

В обоих случаях однако должна быть образована «самостоятельная» Украина, ибо это «центральная европейская проблема».

Рорбах между прочим анализирует вопрос о том, на какие слои внутри Украины можно было бы опереться немецкому влиянию, и приходит к вполне понятному выводу, что такими слоями могут быть только крестьянство (разумеется крепкое), среднее сословие, интеллигенция, духовенство, кооператоры.

Брошюра Рорбаха была до известной степени последним отголоском брестской литературы германского империализма. Еще продолжает кое-что писать журнальчик «Die

¹ Rorbach, Deutschland unter den Weltvölkern, S. 187.

² «Die Ukraine», 1919, März.

³ Rorbach, Das osteuropäische Problem 1920, S. 189.

⁴ Там же, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 181.

Украине»; инфляционный король Стуннес выступает с каким-то фантастическим проектом получения от советского правительства концессии на всю Украину; еще разрабатывают какие-то чудачки проекты водного сообщения между Германией и Черным морем,— но все это не производит уже прежнего впечатления. Приближается Рапалло.

Украина и германский империализм после Рапалло

Период Рапалльского и Берлинского договоров вплоть до прихода Гитлера к власти (1922—1933 гг.) характерен раздвоением германской политики. Германская буржуазия неизменно колебалась между внутренне усвоенной ею антисоветской линией и необходимостью в той или иной степени использовать «советский козырь» при своей игре с Западом, а также в экономических целях. Поэтому все шаги германской буржуазии по отношению к СССР в этот период — даже самые лояльные — внутренне отравлены. Возьмем для иллюстрации наиболее яркую фигуру этого периода, Штреземана, в период заключения Берлинского договора. Как известно, общественное мнение СССР в немалой степени было озабочено начавшимся в Локарно сближением между Германией, Англией и Францией. Советская печать не раз высказывала тогда опасения о возможности реального втягивания Германии в антисоветский интервенционистский блок. Как отвечал на эти опасения Штреземан? В разговоре с Чичериным 30/IX 1925 г. Штреземан выставил единственным аргументом против участия Германии в антисоветской интервенции противодействие Франции германскому вооружению. Еще более ярко высказывается Штреземан в своих личных записях по этому вопросу. 26 сентября 1925 г. он пишет в своем дневнике: «Если бы я допустил даже, что Германия готова к такого рода секундантской работе (быть континентальным кинжалом Англии против СССР), то из этого едва ли могла получиться действительная поддержка Англии, ибо необходимое в таком случае вооружение Германии потерпело бы крушение на сопротивлении Франции».

В официальной объяснительной записке рейхстагу по поводу советско-германского торгового договора 1925 г. германское правительство двусмысленно писало: «Существенное изменение в русской хозяйственной системе, представляющей собой основу

хозяйственной структуры Советского союза, не могло быть достигнуто путем переговоров». А полуофициальный комментатор торгового договора, небезызвестный нам уже Клейнов, писал: «Предательский Версальский договор привел Германию к более или менее вынужденному сближению с непримиримейшим врагом своего национально-общественного порядка».

Таково было лицо официальной политики. Здесь нет надобности останавливаться на других многочисленных антисоветских выступлениях, например на позиции Фарбениндурии, группы Тиссена (Детердинг) и т. д. Достаточно остановиться лишь на интересующей нас «украинской ориентации», вновь ожившей в этот период.

В 1924 г. влиятельный мюнхенский журнал «Süddeutsche Monatshefte» выпустил специальный номер, посвященный Украине, под знаменательным заголовком «Украина и немецкое будущее». В этом номере была полностью воспроизведена вся украинская концепция германского империализма во всех ее нюансах и деталях.

Наряду с маститым «украинцем» Рорбахом впервые появляется здесь и некий проф. Мартин Шпан, которого немецкие фашисты считают одним из своих духовных вождей: Розенберг и Гитлер, выпустившие свои работы в том же Мюнхене в 1926 и 1927 гг., просто списали концепцию в отношении Украины из книг Рорбаха и Мартина Шпана.

В 1926 и 1927 гг. появляются наконец и гитлеровская «Mein Kampf» и розенберговский «Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik».

Ни в той, ни в другой книге нет ни одного тезиса, который нельзя было бы встретить ранее в литературе, упомянутой выше. Территориально-расовая концепция Гитлера, его военно-империалистическая трактовка права на аннексию, его обоснование интервенции против СССР, его звериная ненависть к советскому строю—все это десятки раз уже было сказано до Гитлера, все это целиком списано из богатого архива германского империализма. Точно так же и Розенберг с его безграмотной «теорией» народного империализма, с его концепцией блока с твердолобыми, с его разработанным планом совместной работы с украинскими сепаратистами не более как жалкий плагиатор старых работ по этому вопросу.

Украина в планах фашистских империалистов

Естественно, что, придя к власти, национал-социалисты объявляют идею о вассальной Украине одним из важнейших принципов своей внешней политики.

Отличие теперешних властителей Германии от героев брест-литовского периода 1918 г. заключается лишь в том, что ненависть германских фашистов 1933 г. против первого государства трудящихся бесконечно усилена сейчас бессильной злобой по поводу непрекращающегося роста могущества и силы СССР.

Дальнейшее укрепление внутреннего положения СССР, рост его индустриального могущества, грандиозные успехи социалистического земледелия, неуклонная политика мира — таков тот единственный ответ, который трудящиеся массы могли дать и дают на провокации германских фашистов.

Но и в самой Германии не могут остаться без отпора провокации германского фашизма. В 1918 г., когда германские батальоны шли на Украину, германский рабочий класс находился еще под пятой германского милитаризма. Он не имел тогда своей собственной революционной партии, не имел еще опыта широкой революционной борьбы. В 1933 г., несмотря на торжественные декларации фашистских палачей, хвастающихся, что они задавили коммунистическое движение, в недрах германского рабочего класса, руководимого героической коммунистической партией Германии, идет опромное революционное брожение.

В условиях неслыханного террора компартия ведет борьбу против гитлеровского режима, подготовляя предпосылки победоносной пролетарской революции в Германии.

Два фактора: мощь СССР и его гигантские успехи в области социалистического строительства, с одной стороны, и революционное движение германского рабочего класса, с другой, — обрекают на полное бесплодие антисоветскую политику германского фашизма.

Однако полная безвыходность внутрихозяйственных противоречий фашистской Германии при все обостряющихся классовых противоречиях толкает и будет толкать фашизм на путь военных авантюр.

В апреле и в мае 1933 г. фашистское правительство делало официальные заявления, что оно хочет жить в мире и дружбе с СССР, несмотря на разницу хозяйственной и политической структуры. Эти заявления свидетельствовали о том, что первые попыт-

ки организовать крестовый поход против СССР провалились. Приходилось пока что заявлять о своем миролюбии.

Действительность очень быстро показала, что миролюбивые декларации германского фашизма были простым тактическим маневром. Уже в июне—июле 1933 г. по всей Германии разворачивается бешеная кампания против СССР, организованная вновь созданным министерством пропаганды. Спешно фабрикуются выставки писем «голодающих» в СССР немецких поселенцев. Лихорадочно разыскиваются фотографии голодных сцен во всех странах света и преподносятся на страницах фашистских газет под заголовком «Голод в СССР». На станциях железных дорог расклеиваются антисоветские плакаты. Попы истерически клеветают на СССР с церковных кафедр. Против СССР в огромных количествах выпускаются огромные брошюры. Фашистские штурмовики на улицах распевают песни о походе на Россию. Все радио ставится на службу новой антисоветской кампании! Так полным ходом шла подготовка «общественного мнения» к новой антисоветской аванюре.

Однако под влиянием идущей по всему миру информации о прекрасном урожае в СССР «голодная кампания» явно проваливается.

В этот период не было недостатка и в антисоветских выступлениях внешнеполитического порядка.

В июле 1933 г. в Берлине был издан роман некоего Франца Германа под названием «Земля в пламени» (роман будущего, из периода 1937—1938 гг.).

Автор, немецкий военный летчик, рассказывает в своем романе, как в 1937 г. сто германских офицеров против воли национал-социалистического правительства крадут несколько новейших самолетов у фирмы Юнкерс и улетают на Украину на помощь разразившемуся там антисоветскому восстанию. Восстание на Украине возглавляет некий Александр Герков, конечно «богатый землевладелец».

Герков поднял восстание, воспользовавшись уводом частей Красной армии на север СССР, на который в это время напали соединенные силы англичан и французов. Геркову с самого начала ясно, что «без чужой помощи восстание невозможно», эта «чужая» помощь должна прийти конечно из Германии! «Добро пожаловать, — восклицает Герков, обращаясь к прибывшим немецким офицерам, — добро пожаловать в Россию!

Добро пожаловать на Украину,— вы мужественные немцы!»

Пользуясь тяжелым положением СССР на севере, где в это время успешно развивается наступление англичан и французов, немецкий полковник фон-Брендис от имени «восставшей» Украины едет для переговоров в Москву, где ему удастся добиться от Советов осуществления следующих трех требований «Украины»:

«1) полная независимость Украины и безусловное признание ее суверенитета;

2) полная безнаказанность для всех граждан советских республик, явно или тайно борющихся за украинское дело;

3) отказ от всякой коммунистической пропаганды Советов на Украине».

В точности воспроизвести для 1937 г. § 6 Брест-Литовского договора и предоставить оформление «независимой» Украины немецкому полковнику— вот предел ограниченной фантазии фашистского автора.

Эта безграмотная, антихудожественная белиберда Франца Германа несколько не интересовала бы нас, если бы не одно маленькое обстоятельство. На обложке книжки жирным шрифтом сообщается от издательства, что «министр-президент и министр воздухоплавания Германии Геринг принял посвящение этой книги».

Итак, программа «освобождения Украины» при помощи немецких офицеров, при содействии германских полковников, санкционируется авторитетом второго лица в германской фашистской иерархии—Герингом.

В августе 1933 г. появляется специальная статья по украинскому вопросу в одном из влиятельнейших журналов Германии «Der Ring»—органе берлинского «клуба господ». Автор, скрывшийся за инициалами «Граф фон-С.», подвергает прежде всего критике ту политику, которую немецкие оккупационные войска вели на Украине.

Анализируя опыт украинской оккупации, автор пытается заглянуть и в будущее. Конечно, рассуждает он, украинцы теперь более чем раньше проникаются чувством своей отличности от русских. Однако, прибавляет он осторожно, нельзя установить с точностью, как велико число «сознательных украинцев». Конечно украинцы более подходят к Европе и более хотят сближения с ней, чем русские, однако, когда пробьет час украинской действительности, трудно предсказать с точностью. «Это может, пожалуй, длиться целое десятилетие. Но что украинский народ в один прекрасный момент сыграет значительную роль в политике, куль-

туре и в хозяйстве, это можно сказать наверное»¹.

Эта двусмысленная, осторожная статья неизвестного автора из «клуба господ» показывает, что в недрах «господских» и фашистских клубов продолжают попрежнему взвешиваться шансы нового похода на Украину, в целях превращения ее в германского вассала.

В августе же 1933 г. появляется номер журнала «Volk und Reich», издающегося на деньги немецкого государства и в основном посвященного пропаганде идей так называемой «Срединной Европы». Это понятие (введенное в практику в 1915 г. Науманом, написавшем о Срединной Европе целую книгу) является и сейчас излюбленным коньком германских империалистов. Срединная Европа должна включить в себя кроме Германии также и всю бывшую австро-германскую монархию и, по мере возможности, ряд областей Восточной Европы, в том числе и Украину. Неудивителен поэтому интерес журнала «Volk und Reich» к Украине. Прежде всего отметим статью Вольфганга Роте под кричащим заголовком «Духовная мобилизация в борьбе за Восток». Автор останавливается на вопросе о том, до какой степени недостаточно германская наука, германская школа, германское искусство, германская публицистика занимались до сих пор проблемами Востока. О таких жизненно важных для Германии районах, как Литва, Белоруссия, Украина, нет ни одной серьезной книги. А между тем изучение Востока— это не требование минутной политической конъюнктуры и не узкая проблема для специалистов,—это действительно серьезная проблема для грядущих десятилетий.

Автор утверждает, что «восточная часть Срединной Европы резко выдвигается, как такая часть, судьбы которой всегда были тесно связаны с судьбой Германии».

«Это пространство и его история неотделимы от германизма, который один стоял в соприкосновении со всеми народами ближнего Востока. Вместе с тем мы ни в коем случае не должны терять из виду ту силу, которая стоит за обломками (?) восточной части Срединной Европы, именно СССР и русский народ»².

Статья кончается знаменательными словами: при изучении Востока «дело идет о том, чтобы выковать духовное оружие, распространить мир и прежде всего подгото-

¹ Там же, стр. 542.

² «Volk und Reich», S. 702.

жить наш собственный народ к будущим решениям на Востоке»¹.

Нетрудно понять, что за всем этим прячется не что иное, как призыв к «идеологической» подготовке войны против СССР.

Следующая непосредственно за статьей Роте статья Акселя Шмидта по украинскому вопросу ставит все точки над «и». Аксель Шмидт выступил впервые с проектом отделения Украины в специальном сборнике царской России, подготовленном под редакцией Зеринга накануне Бреста. В течение четырех лет (1918—1922) Аксель Шмидт был управляющим делами немецко-украинского общества и одним из редакторов журнала «Die Ukraine». Ближайший помощник Рорбаха, Аксель Шмидт в течение более десятилетия разрабатывал вместе с ним «украинскую проблему» под углом зрения немецких империалистических интересов.

В цитируемой нами статье Аксель Шмидт конечно прежде всего повторяет старый тезис Рорбаха о том, что «Украина представляет из себя центральную проблему в Европе». «До тех пор,—пишет он,—покуда 40-миллионный украинский народ не образовал собственного государства, до тех пор Восточная Европа не успокоится».

В том, что «независимая Украина» немедленно станет союзником фашистской Германии, Шмидт «не сомневается» так же, как он не сомневался 16 лет назад. «Германия и Украина,—утверждает он,—политически (?) связаны друг с другом и экономически друг друга прекрасно дополняют»².

Эти империалистические претензии германского фашизма нашли свое отражение не только в литературе, но и в ряде выступлений официальных фашистских «вождей». Достаточно напомнить происки Розенберга в Лондоне, меморандум Гугенберга, отношение фашистской Германии к «пакту четырех» и наконец последние речи ответственных руководителей германской внешней политики на Нюренбергском партийном съезде германских национал-социалистов. Нюренбергский съезд фашистов в начале сентября 1933 г. прошел под знаком двух «идей»: 1) борьбы с коммунизмом и 2) борьбы против евреев (разумеется не богатых)! В эти две «идеи» съезда отчетливо были вплетены и антисоветские ноты.

Возьмем например речь г. Розенберга на тему «О расовой обусловленности внешней политики». Отбросим в сторону несусвет-

ную чушь, которую порою этот недоучившийся белогвардеец. Остановимся на его важнейших выводах.

В исключительно высоких тонах Розенберг описывает заслуги «национальной революции» по спасению Европы от большевизма. «Коммунизм,—с ужасом говорит он,—господствующий уже на одной шестой части земного шара, под непрекращающимся давлением политических и финансовых требований (!) перенесся бы и на Среднюю Европу. Поэтому мы рассматриваем приостановку этой всемирно разрушительной идеи в Германии не только как спасение для самой Германии, но и как спасение для всей Европы».

Здесь Розенберг садится на знакомого уже нам конька защиты «белой расы» от прозякающей ей с Востока опасности. «Мы обращаем внимание других наций, их вождей, их молодежи на напряжение, господствующее на Дальнем и Ближнем Востоке, напряжение, которое становится все более и более всемирно угрожающим».

Крайне интересно было выступление на Нюренбергском партийном съезде министра продовольствия и сельского хозяйства молодого фашистского карьериста Дарре.

Его речь—это прежде всего кулацко-юнкерский протест против пролетариата, против городов и против промышленности. «Мы должны констатировать, что города, даже мелкие и средние, по каким-то неизвестным причинам оказываются прямо и косвенно вредными для расы нашего народа, что наше сельское население представляет единственный расовый источник, которым мы обладаем. Те 13 проц. превышения рождаемости над смертностью, которые показывает наша статистика в отношении сельского населения, есть единственная гарантия того, что мы в XX столетии вообще сможем удержаться хозяйственно и политически как народ».

Эта кулацко-юнкерская теория является «обоснованием» необходимости завоевания новых земель для германского «крестьянства», именем которого прикрывается фашистский империализм.

Что касается рассуждений самого Гитлера на Нюренбергском партийном съезде, то наибольшего внимания заслуживает его речь по расовому и «национальному» вопросам.

Мир, согласно Гитлеру, делится на расы, высшие и низшие. Разница между отдельными расами и внешняя и внутренняя огромна. Расстояние между низшими и высшими расами больше, чем то, которое

¹ «Volk und Reich», S. 710.

² Там же, стр. 717.

лежит между низшими людьми и высшими обезьянами. Если бы в мире не было нескольких рас, которые ныне определяют его культурный облик, то тогда вообще нельзя было бы говорить о человеческой культуре. Не климат и не воспитание являются тому причиной, но сам человек, одаренный провидением высшими способностями.

Изложив эту поповскую чушь, Гитлер переходит к очень «поучительным» замечаниям насчет сожителства различных рас. «Высшая раса,—говорит он,—высшая в организаторском смысле слова, подчиняет себе низшие и вступает тем самым в отношении, которое охватывает уже различные расы. Именно благодаря этому возникает подчинение множества людей воле немногих, объясняемое правом сильного, единственным правом, которое с естественной точки зрения является единственно мыслимым, так как оно разумно».

Только подобное «сожителство» рас, основанное на подчинении низших рас высшим, и создает, по мнению Гитлера, великие культуры.

Германской расе самим богом предназначено подчинить себе другие народы—вот «гениальное открытие» вождя германского фашизма. Мотив неизбежной завоевательной политики звучит в этих заявлениях Гитлера совершенно отчетливо.

С'езд германских фашистов в Нюрнберге воочию показал незыблемость и преемственность германского империализма.

Авантюристическая апрессия во внешней политике, «курс» на подчинение германско-

му господству других народов и на преодоление всемирного большевизма, призывы ко всей Европе объединиться для «крестового похода» против СССР—таковы «планы» фашистских «вождей».

Что касается национал-социалистических «масс», то им приказано воодушевлять себя при всяких шествиях воинственными песенками против СССР на подобие следующей:

«Эй, барабанщик, бей,

В Россию хотим итти мы походом!

В Россию хотим итти мы вглубь!

Пусть большевики чувствуют нашу силу».

Взяв исходным пунктом своей внешней политики концепцию, лелеемую германской военщиной и империалистами в течение 80 лет, разрабатывавшуюся десятками лет во всех деталях политиками, военными, учеными и журналистами, подогретую классовой ненавистью к СССР, германские фашисты сеют свои империалистические семена в широких массах мелкой и средней буржуазии, десятилетиями обрабатывавшейся в этом направлении. Провалившись в первом туре своей антисоветской политики, вынужденные сейчас приспособляться к обстановке, германские фашисты не оставляют надежды вновь вернуться к активным попыткам образования антисоветского блока, к активным шагам по осуществлению своих планов о расчленении Советского союза. Им это не удастся! «Времена теперь не те, г. Розенберг», правильно писала 13 марта 1933 г. «Правда» по этому поводу. И СССР уже теперь не тот, что во времена Бреста, и германский пролетариат тоже. Следующие возможные туры антисоветской политики германского фашизма обречены на такой же безнадежный провал, как и их первый тур.

ОТМЕНА КАПИТУЛЯЦИЙ

В

ТУРЦИИ

Прошло десять лет со дня образования самостоятельной Турецкой республики, отстоявшей в вооруженной борьбе против империалистов Антанты свою национальную независимость.

В эти тяжелые годы борьбы турецкого народа против полукOLONиального рабства, за отмену всяких экономических и юридических привилегий в виде капитуляций, которыми пользовались иностранцы, только Советская Россия оказала братскую помощь турецкому народу, сумевшему в героической борьбе добиться полной отмены капитуляций и тем самым вырвать одно из главнейших звеньев в империалистической цепи, сковывавшей экономическое и национальное развитие Турции.

Уже в конце XVII и в XVIII вв. европейские страны стали превращать Турцию в рынок сбыта своих фабрикатов. Чтобы облегчить продвижение товаров, полностью затормозить возможное промышленное развитие Турции и укрепить свои экономические и политические позиции в этой стране, капиталистически развившиеся европейские государства, пользуясь упадком Оттоманской империи, добились превращения капитуляций, существовавших в Турции с тридцатых годов XVI столетия и бывших в свое время признаком силы Оттоманской империи, в источник огромных юридических и экономических привилегий для себя.

Свое наиболее яркое выражение капитуляции в том виде, в каком они стали одним из сильнейших орудий закабаления Турции, нашли в турецко-французском договоре 1740 г. Во всех позднейших капитуляционных договорах с Турцией других иностранных государств были восприняты основные положения этого договора. Эти основные положения заключались в том, что подданные иностранных государств, заключивших капитуляционные договоры (а таковыми были все более или менее крупные европейские государства), пользовались правом свободного поселения и передвижения, неприкосно-

венностью личности и жилища, освобождением их от подсудности оттоманским учреждениям и судам (право суда над иностранцами принадлежало иностранным консульским судам), освобождением их от уплаты местных налогов, незначительным обложением импортных товаров таможенными пошлинами, рядом преимуществ в вопросах права собственности, коммерческого и морского права и др.

Понятно, что при наличии таких привилегий для иностранцев туземный капитал, столь терпевший от феодального произвола султанского режима, не имел никаких возможностей развиваться и мог в лучшем случае играть подсобную для иностранного капитала роль, не будучи совершенно в состоянии с ним бороться.

Было бы грубой ошибкой предполагать, что европейский капитал, пользуясь капитуляциями, развивал кипучую торгово-промышленную деятельность в стране. Отнюдь нет. Лишь в торговле иностранный капитал проявлял известную активность в меру своих экспортно-импортных потребностей, захватив в свои руки весь внешнеторговый аппарат. В промышленности же Турции иностранный капитал принимал очень слабое участие (большой частью капиталовложения инокапитала в промышленности были связаны с экспортом сырья). Вместе с тем иностранцы пользовались капитуляциями, чтобы, во-первых, всячески затруднить экономическое развитие страны, которое могло нанести вред их интересам, и, во-вторых, как мощным орудием для вмешательства во внутренние дела Турции и давления на ее внешнюю политику¹. В эпоху империализма, когда Турция приобрела первостепенное значение как территория, на которой разыгрывалась обостренная борьба между важнейшими империалистическими государствами за мировое господство, особенно усилилось значение капитуляций во втором отмеченном нами смысле. Поэтому экономические привилегии, даваемые капитуляциями иностранным подданным (хотя бы незначительное обложение импортных товаров пошлинами), имели для этих государств уже

¹ В качестве примера укажем, что когда турецкое правительство испрашивало у иностранных государств разрешения на увеличение таможенных пошлин с 8 до 11 проц. ad valorem, Россия обусловила свое согласие тем, чтобы добавочные поступления, полученные благодаря повышению ставки, были переданы на расходы для Македонии, где она имела особые политические интересы.

меньшее значение, нежели юридические (особенно изъятия из-под местной судебной юрисдикции), и, как увидим ниже, тогда, когда встал вопрос об отмене капитуляций, иностранные государства, в частности Россия, которая имела меньше экономических позиций в Турции, чем другие государства, особенно отстаивали юридические привилегии для своих подданных.

Вместе с тем конечно совершенно ясно, что без отмены капитуляций нечего было и думать о возможности самостоятельного экономического развития. Однако всякие делавшиеся в прошлом попытки даже не только отменить, а лишь облегчить некоторые пункты капитуляционных договоров наталкивались на упорное сопротивление иностранных государств. Лишь воспользовавшись войной, младотурки начали ставить более решительно вопрос об отмене капитуляций, причем вокруг этого вопроса происходила борьба германофильской и антантофильской группировок внутри самого турецкого правительства. Так, за три недели до отмены капитуляций сторонник антантовской ориентации, министр финансов Джавид-бей посетил советника русского посольства в Константинополе Гулькевича и требовал согласия России, Англии и Франции на уничтожение капитуляций для того, чтобы дать ему и его сторонникам в правительстве возможность бороться с группой, державшейся немецкой ориентации, указывая, что державы могут обусловить это изгнанием немецкой миссии из Турции¹.

На предложение Джавид-бея министр Сазонов дал в секретной телеграмме от 8(21) августа послам в Париже и Лондоне любопытный ответ, который мы считаем необходимым привести полностью²:

«Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 780.

Сообщив содержание этой телеграммы французскому и английскому послам, я просил их рекомендовать их правительствам не отвергать целиком оснований, предлагаемых Джавидом. Хотя вероятность соглашения с Турцией сомнительна, однако мы полагаем, что не следует отталкивать более умеренные элементы.

Если правительство, при коем вы аккредитованы, согласно с нашей точкой зрения, мы могли бы в вопросе капиту-

¹ См. секретную телеграмму русского посла в Константинополе Гирса министру иностранных дел от 6 (19) августа 1914 г. № 780 в сборнике «Царская Россия в мировой войне», т. 1, стр. 18, изд. Центрархива и Гиз, 1926 г.

² Там же, стр. 30. Подчеркнуто нами.

ляций предложить туркам формулу, которая дала бы более кажущееся, чем по существу, удовлетворение их самолюбию.

Сазонов».

Нечего говорить о том, что это «щедрое» предложение никого не прельстило. Эта телеграмма является лишь одним из многих доказательств того, что русский империализм сам хотел быть с Турцией во враждебных отношениях, чтобы иметь возможность овладеть проливами и Константинополем.

Пользуясь состоянием войны между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией, Францией и Англией, с другой, младотурецкое правительство 26 августа (10 сентября) 1914 г. в ноте, отправленной послам иностранных государств, сообщило об отмене капитуляций с первого октября того же года. Оно указало в этой ноте, что «правительство считает слишком обременительным для Блистательной Порты те привилегии, которые имеют у нас европейцы. Эти капитуляции не совместимы с честью и достоинством Оттоманской империи, так как ставят ее в зависимое положение по отношению к европейским державам»³.

Надо сказать, что по существу капитуляции перестали действовать с начала войны, но, когда турецкое правительство официально уведомило об этом иностранные державы, получился любопытный оборот: и антантовская группа стран и Германия с Австро-Венгрией—оба воюющих друг с другом лагеря—выступили единым фронтом против «одностороннего акта», отмены капитуляций Турцией. Организатором этого общего протеста явился итальянский посол Гаррони. Текст ноты был установлен представителями воюющих держав через посредство того же итальянского посла. «Нота была передана великому визирю,—по сообщению Гирса,—решительно всеми послами великих держав, в том числе и австрийским и германским»⁴.

Этот факт разоблачает тех ученых немецких востоковедов и практиков-колонизаторов, которые старались и стараются представить немецкий империализм как исклю-

³ Цитируем по брошюре А. М. Ладыженского «Отмена капитуляций в Турции». Москва, 1914 г. Сей автор, верный слуга русского самодержавия и отечественного империализма, силится доказать «неправильность» односторонней отмены младотурками капитуляций.

⁴ Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. Вступительная статья, стр. 70. Литиздат НКВД, М., 1924 г.

чительного защитника турецких интересов. Так например известный немецкий востоковед Беккер в мрачных красках изображает то пагубное влияние, которое оказывали капитуляции на Турцию. Народное хозяйство Турции, говорит он, определялось не интересами самой Турции, но частнохозяйственными интересами европейских капиталистов или политической амбицией великих держав. Но Германию он ставит в особое положение. Все страны кроме нее были против независимости Турции и ее усиления. И лишь одна Германия стремилась к тому, чтобы сделать Турцию сильным государством¹.

Приведенный выше факт об отношении Германии к такому большому для Турции вопросу, как капитуляции, показывает истинное лицо этих востоковедов (Беккер конечно не один), служивших интересам своего отечественного империализма.

Как мы уже отмечали выше, в эпоху империализма иностранные державы, и в частности Россия, придавали исключительное значение тем сторонам капитуляций, которые изымали их подданных из-под местной подсудности. Об этом прямо пишет Гирс в своем письме Сазонову от 22 сентября (5 октября) 1914 г., т. е. через 12 дней после отмены капитуляций. «Вопрос об отмене капитуляций, — пишет он, — не нов и должен был служить предметом обсуждения при заключении Турцией экономических и финансовых соглашений с великими державами. Являясь ныне односторонним актом оттоманского правительства и нарушением прав и преимуществ, установленных трактатами, отмена капитуляций не могла не вызвать протеста держав, особенно в той части их, которая касается обеспечения юридических и личных прав иностранных подданных в пределах Оттоманской империи»².

Надо отметить, что одной из немаловажных причин отмены капитуляций, предпринятой младотурками, было стремление последних разрядить весьма сгущенную атмосферу внутри страны, создавшуюся благодаря мобилизации, реквизициям и т. д. Об этом тот же Гирс сообщает в вышеупомянутом письме, на это же ссылается Джавид-бей в своих разговорах с советником русского посольства Гулькевичем. В письме Гирс пишет:

«Произведенная в Турции мобилизация, привлекая под оружие около 1 млн. сол-

дат, из коих правда лишь 400 тыс. вооружены настоящим образом, связанные с нею реквизиции, поборы и всевозможные злоупотребления, тяжело отразившись на населении, создали в стране крайне напряженное состояние, выход из коего так или иначе должен быть найден. Для частичного разрядки сгущенной атмосферы партия умеренных провела отмену капитуляций, видя в ней меру, могущую, с одной стороны, дать известное удовлетворение общественному мнению, а с другой, — послужить оправданием мобилизации и тех жертв, которые понесла страна».

Отменив капитуляции, младотурки сами сразу же испугались своего решительного шага — «как бы чего не вышло», они боялись наказания их державами за это «самовольие» после окончания войны и сразу же после отмены капитуляций начали пятиться назад, о чем нам оставил интересные документы русский посол в Константинополе.

В срочной секретной телеграмме министру иностранных дел от 2(15) сентября 1914 г. (т. е. через 5 дней после отмены капитуляций) он сообщает: «По вынесенному мною впечатлению сегодняшнего моего разговора с Талаатом и Халилем заключаю, что турки начинают сознавать поспешность, с которою они отменили капитуляции, и опасаться последствий ее по окончании войны».

Оба министра видимо желали бы войти в соглашение с нами. Они частным образом сказали мне, что готовы отделить экономическую часть вопроса от юридической, отложив отмену последней на некоторое время. Им важна главным образом ныне экономическая свобода, ввиду невозможности без нее удовлетворить бюджетным требованиям»³.

Гирс далее усиленно уговаривает Сазонова, говоря: «Лично полагаю, что нам следовало бы идти им навстречу теперь же, чтобы нашим отказом не играть наруку немцам и этим опаста на время, пока мы заняты войной, самую главную для нас сторону капитуляций, касающуюся юридического обеспечения наших подданных».

Младотурки не только на словах начали трусливо отказываться от существеннейших сторон акта об отмене капитуляций, но и начали, по словам того же Гирса, реализо-

¹ Becker, Islamstudien, т. II, стр. 263. 1932 г.

² «Царская Россия в мировой войне», т. I, стр. 47.

³ «Царская Россия в мировой войне», т. I, стр. 40. Подчеркнуто нами.

вать свой отказ на деле. Как сообщает Гирс Сазонову в цитированном выше письме: «Хамиль-бей заявил мне, что Порта отдала секретное предписание не применять нового порядка в делах судебных» (подчеркнуто нами). Более того: «Вместе с тем Халиль-бей заявил, что им образована особая комиссия для обсуждения проекта судебных реформ, в состав коей вошли европейцы, состоящие на службе турецкого правительства, в роде графа Остророга, англичанина Кларка и нескольких турецких сановников. Выработанный комиссией проект будет представлен на рассмотрение иностранных представителей в Константинополе» (подчеркнуто нами).

Трусливая природа младотурок обнаруживается в их словах и делах с достаточной яркостью.

Вследствие вступления Турции в войну капитуляции во время войны фактически перестали действовать. Но после того как Турция потерпела поражение, страны Антанты поспешили принять все меры к тому, чтобы восстановить режим капитуляций, дававший им в Турции так много политических и экономических привилегий.

Не приходится говорить о том, что страны Антанты на оккупированной ими части турецкой территории, в частности в Константинополе, восстановили режим капитуляций, здесь они как военные оккупанты были вообще полными хозяевами. Но юридическое оформление восстановления режима капитуляций было произведено в знаменитом кабальном для Турции Севрском договоре, подписанном в Севре 10 августа 1920 г. Ст. 261-я этого договора гласит: «Режим капитуляций, вытекающий из договоров, конвенций и обычаев, будет восстановлен в пользу тех союзных держав, которые прямо или косвенно пользовались им до 1 августа 1914 г., а его выгоды будут распространены на те союзные державы, которые не пользовались им к 1 августа 1914 г.»¹.

Ст. 136-я этого же договора устанавливает, что будет создана специальная комиссия из представителей Британской империи, Франции, Италии и Японии для изготовле-

ния «проекта судебной реформы, имеющей целью заменить в Турции в судебной области современный режим капитуляций. Изготовленный комиссией проект будет представлен правительствам вышеозначенных и нейтральных держав, и как только Главные союзные державы его утвердят, они оповестят о том оттоманское правительство, которое отныне соглашается принять новый режим». При этом время вступления этого «нового режима» устанавливается опять-таки «Главными союзными державами».

Севрский договор, как известно, не был реализован, он был сметен восставшим турецким народом. С оружием в руках против империалистических государств защищал последний свое право на национальную независимость. Имея не только обеспеченный тыл в России после Октябрьской революции, но и мощную поддержку Советской России в этой борьбе, пользуясь противоречиями в самом лагере империалистов, Турция сумела нанести решительное поражение империалистическим странам, пытавшимся надеть на нее ярмо колониального рабства. Уже после поражения страны Антанты долго делали вид, что не признают себя побежденными, и пытались в основном восстановить в Турции режим капитуляций. Первую роль в этом деле играла Англия, руководившая в данном случае основным своим устремлением — превратить Турцию в плацдарм для борьбы с пролетарской революцией в России. Вопрос о капитуляциях играл на Лозаннской конференции основную роль, и резкое разногласие именно по этому вопросу и было причиной частых прерывов переговоров между турецкой и союзными делегациями. На конференции по этому вопросу была создана специальная комиссия под председательством маркиза Гаррони, того самого Гаррони, который организовал в 1914 г. общий протест обеих воюющих между собой империалистических сторон против отмены капитуляций.

Основные разногласия пошли по вопросам о юридическом и имущественном положении иностранцев, т. е. по основному содержанию капитуляций. Выше мы указывали на то огромное значение, которое придавали империалистические страны именно юридическим правам своих подданных, и на Лозаннской конференции они долго и упорно пытались их сохранить. Но, натолкнувшись в этом вопросе на решительное сопротивление турецкой делегации, сознававшей свою силу и имевшей в этом вопросе полную поддержку Советской России, они вынуждены

¹ «Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне», под ред. проф. Ю. В. Ключникова и проф. А. В. Сабанина, стр. 79. Литиздат НКВД, М., 1927 г.

были отступить, стараясь сделать при этом хорошую мину при плохой игре. Согласившись в мае 1923 г. на отмену капитуляций «со всех точек зрения», союзники предлагали при этом формулу, согласно которой стороны «соглашаются отменить» режим капитуляций. Турецкая делегация категорически возражала против этой формулировки и выдвинула другую, согласно которой стороны признают «полностью отмененными» все проявления этого института. 4 июня была принята турецкая редак-

ция¹, которая в самом тексте договора в ст. 28-й окончательно сформулирована следующим образом:

«Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они принимают каждая, поскольку то ее касается, полную отмену капитуляций в Турции со всех точек зрения».

Так революционным путем было вырвано одно из важнейших звеньев в цепи империалистического закабаления Турции.

¹ Проф. Ю. В. Ключников, Вступительная статья к цитированным договорам, стр. XII.

„ . . . Тот факт, что планы империалистов — „раздел Турции“ между крупнейшими капиталистическими державами и ликвидация самостоятельного турецкого государства — не осуществились и новая, молодая Турция ныне празднует десятилетие своего существования, стал возможным только потому, что потрясения мировой войны и победоносная пролетарская революция в России коренным образом изменили международную обстановку, подорвали силы империализма и создали новые условия для развития бывших зависимых и угнетенных народов . . . “

КРАКОВСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

(К десятилетию 6 ноября 1923 г.—6 ноября 1933 г.)

От редакции

В нашей исторической литературе краковскому вооруженному восстанию уделяется сравнительно мало внимания. Редакция, публикуя настоящую статью, освещающую подготовку и ход событий во время краковского восстания, надеется, что эта статья послужит толчком к более детальной и глубокой разработке этого важнейшего и актуально-политического вопроса.

Стачечное движение в Польше в 1921—22 гг.

Уже при самом своем образовании послевоенная Польша переживала острый революционный кризис, который в 1919—1920 гг. еще более усилился. Можно определенно утверждать, что Польша в эти годы была накануне пролетарской революции, накануне создания Польской советской республики. Господствующие классы Польши, «неустойчивое положение правительства которой,—писал в 1920 г. Ленин,—вынуждает идти на какую угодно авантюру с войной», в поисках капиталистического выхода из кризиса затеяли войну против Советской России.

Под давлением штыков Красной армии и непрекращавшегося революционного движения внутри страны Польша вынуждена была пойти вопреки мнению своих хозяев (Франция) и союзников (Врангель и Петлюра) на мир с Советской Россией.

О силе революционного движения внутри Польши можно судить по тому, что только в IV квартале 1920 г. было 136 крупных забастовок, охвативших 306.559 стачечников. В результате было потеряно, по официальным данным, 1.500 тыс. рабочих дней.

Но революционное движение и после заключения Рижского договора продолжало бушевать во всех углах Польши.

В начале февраля 1921 г. начинается общепольская забастовка железнодорожников, проходившая под лозунгами отмены милитаризации железных дорог, повышения жизненного уровня железнодорожников и освобождения политических заключенных.

Правительство пыталось заменить бастующих железнодорожников штрейкбрехерами и войсками. На этой почве произошел ряд крупных столкновений, которые

обычно кончались ранениями и убийствами бастующих и массовыми арестами. Под давлением революционно настроенных масс Центральная комиссия профсоюзов, находившаяся в руках социал-фашистской партии Польши—пепеэсовцев, и правление профсоюза железнодорожников вынуждены были объявить всеобщую забастовку протеста по всей стране. Это был «левый» маневр пепеэсовцев, которые, считаясь с настроениями масс, не могли не пойти на всеобщую забастовку, но сделали все, чтобы сорвать ее. Забастовка продолжалась только 2 дня. 1 марта она по приказу профсоюзного пепеэсовского руководства была прекращена. Благодаря маневрам пепеэсовцев железнодорожники забастовку проиграли.

В начале июня 1921 г. бастует 32 тыс. рабочих нефтяной промышленности. В июне же начинаются повстанческое движение против польских оккупантов в б. Виленской и других губерниях и мощные аграрные волнения на Волыни и в Западной Белоруссии.

11 июля в Лодзинском и других текстильных районах начинается всеобщая забастовка текстильщиков. Забастовщики выдвинули требование повышения заработной платы и улучшения условий труда. Во главе забастовщиков становится польская компартия. 13 и 24 июня компартия организовала грандиозные демонстрации бастующих текстильщиков в Лодзи. В каждой из демонстраций участвовало свыше 100 тыс. рабочих.

Главное правление профсоюза текстильщиков, находившееся в руках пепеэсовцев, принимало все меры к тому, чтобы сорвать забастовку. Но благодаря руководству компартии стачечники держались стойко и прекратили стачку лишь 30 июня, добившись удовлетворения ряда требований.

11 августа 1921 г. в городе Холме происходят голодные беспорядки. Железнодорожники вместе с рабочими города Холма задержали отправляющийся за границу состав с мукой в несколько десятков вагонов. Был создан рабочий комитет, который распределил муку между нуждавшимися трудящимися города и его окрестностей. Местные власти бессильны были что-либо предпринять. Но с приходом военных подкреплений было арестовано 14 наиболее активных железнодорожников. Рабочие устроили многотысячную демонстрацию, требовавшую освобождения арестованных. Произошли столкновения с полицией, но демонстранты силой освободили арестованных. В результате столкновений с полицией было убито 2 рабочих и 4 были ранены.

Волна стачечного и революционного движения в Польше охватывала все новые и новые слои рабочего класса и трудящихся, все новые и новые районы и провинции Польши.

В 1922 г. эта волна немного спадает.

И все же в марте 1922 г. вспыхивает всеобщая забастовка в Познанской и Поморской провинциях. А в августе в той же Познанской провинции начинается одна из крупнейших забастовок сельскохозяйственных рабочих, охватившая 1.367 имений. Полиция спровоцировала столкновения, в результате чего были убиты 12 рабочих и один ребенок. Сельскохозяйственные рабочие продержались около десяти дней и добились частичного удовлетворения своих требований.

23 августа 1922 г. происходит всеобщая забастовка текстильщиков и в сентябре— всеобщая забастовка работников почты, телеграфа и телефона.

Но если в 1922 г. стачечная волна была слабее по сравнению с 1921 г., то уже с начала 1923 г. она усиливается и из месяца в месяц поднимается вверх.

Подъем стачечного и революционного движения в Польше в 1923 г.

1923 год для Польши, как и для других капиталистических стран, был годом углублявшегося экономического и политического кризиса. Польский злотый быстро катился вниз, непомерно увеличивая дороговизну.

Положение рабочего класса значительно ухудшилось. Число безработных росло с каждым днем. Уже в 1922 г. предприниматели перешли в наступление на рабочий класс, стремясь уничтожить те социальные

завоевания, каких добился польский рабочий в период 1919—1921 гг.

При помощи реакционного правительства Витоса предприниматели развертывают наступление против 8-часового рабочего дня, за понижение заработной платы.

Несмотря на растущую дороговизну, в ряде отраслей промышленности начинается снижение номинальной заработной платы.

Реальная ценность заработной платы в начале 1923 г., даже по официальным данным правительственного органа министерства труда, составляла 30 проц. довоенной, тогда как стоимость продуктов возросла почти до 200 проц. их довоенной стоимости.

Положение трудящегося крестьянства также значительно ухудшилось и было ниже голодного уровня существования.

В то время как польские кулаки, покровительствуемые правительством Витоса, богатели, 10 проц. крестьянства, согласно официальным цифровым данным министерства земледелия, не было в состоянии прокормить свои семейства. Достаточно привести только общие данные о распределении земли в Польше, чтобы увидеть причины тяжелого положения польского крестьянства. В руках 18 тыс. светских и духовных помещиков было сосредоточено 11 млн. га лучшей земли. Кроме того около 4 тыс. шляхтичей (дворян) владело 7½ млн. га земли. В то же время основная масса польского середняцкого и малоземельного крестьянства, насчитывающего 2.109.587 хозяйств, владела менее чем 4 млн. га земли. 12-миллионная крестьянская масса жила и сейчас живет впроголодь.

Витос, возглавлявший правительство «сильной руки», оказывал широкую правительственную помощь помещикам и фабрикантам за счет понижения и без того низкого жизненного уровня трудящихся масс.

ППС, выполнявшая роль правительственного агента в рабочем классе, выступала против стачек и всеми мерами стремилась не дать им развернуться.

Но доведенные до отчаяния польские рабочие вопреки пепезовцам уже с начала 1923 г. еще более решительно вступают в стачечную борьбу.

В январе 1923 г. вспыхивает целый ряд стачек текстильщиков в Лодзи и его районе, в Белостоке, в Бельске и Бялой. Наиболее крупные забастовки были в Бельске и Бялой. Они возникли в связи с тем, что фабриканты не выполняли договора о прогрессивном повышении заработной платы в то время, как цены на продукты неимоверно

росли. К текстильщикам присоединились рабочие всего Теминского округа, и забастовка стала всеобщей. Рабочие заняли электростанции и газовые станции в Бельске и Бялой, прекратив подачу электрического тока и газа. Прибывшие войска ничего не могли сделать. Только после того, как предприниматели согласились повысить заработную плату на 90 проц. и подписали коллективный договор, стачка прекратилась.

Эта крупная победа текстильщиков сыграла значительную роль в росте стачечного движения в 1923 г. Стачки вспыхивали то в одном, то в другом городе. Но предприниматели, отступившие в январе 1923 г., снова переходят в наступление, отказываясь выполнять подписанный ими коллективный договор. И 12 июня всеобщая стачка текстильщиков снова охватывает весь район Бельска и Бялой.

К забастовке присоединились металлисты, деревообделочники и строители. Но стачка была проиграна благодаря предательскому поведению реформистских вождей профсоюза текстильщиков.

Своей высшей, кульминационной точки стачечная волна 1923 г. достигает в октябре—ноябре.

9 октября начинается всеобщая стачка металлистов и горняков в Верхней Силезии. Во главе забастовки становится революционный стачечный комитет. Основным требованием забастовщиков было повышение заработной платы. Несмотря на предательские проiski реформистских вождей, ведущих переговоры с предпринимателями и правительством, стачечники все же добились некоторого повышения заработной платы.

15 октября началась всеобщая стачка горняков в Домбровском бассейне, охватившая свыше 70 тыс. шахтеров.

22 октября начинается всеобщая стачка текстильщиков во всем Лодзинском текстильном районе. 27 октября к бастующим присоединились рабочие Жирардовской мануфактуры.

В конце октября возникает всеобщая железнодорожная забастовка.

Этот мощный размах стачечного движения по всей Польше в конце октября и в начале ноября происходил в период углублявшегося экономического кризиса и небывалого снижения жизненного уровня масс. Этот размах стачечного движения в Польше происходил в период, когда в Болгарии шли вооруженные бои между рабочим клас-

сом и трудящимися, с одной стороны, и фашистами — с другой, когда в Германии происходили революционные бои, переросшие в Гамбурге в вооруженное восстание. Все это не могло не оказать своего влияния и на Польшу. Доведенные до отчаяния польские рабочие подняли свою борьбу на высшую ступень в ноябре 1923 г., когда всеобщая железнодорожная стачка в центре движения железнодорожников — в Кракове — стихийно переросла в вооруженное восстание.

Как всеобщая стачка железнодорожников переросла в вооруженное восстание

В середине октября 1923 г. в Варшаве происходил профессиональный съезд железнодорожников. Съезд выдвинул ряд экономических требований и решил, что если предприниматели не удовлетворят этих требований, то 22 октября будет объявлена всеобщая забастовка железнодорожников. На съезде был избран «комитет четырех», который должен был вести все переговоры с предпринимателями и подготовить стачку. Но «комитет четырех», состоявший из пепезовцев, ничего не предпринимал.

Массы железнодорожников волновались и толкали свои низовые организации на борьбу.

22 октября, несмотря на антизабастовочные циркуляры и телеграммы пепезовского руководства, началась железнодорожная забастовка. Первыми забастовали машинисты Краковского железнодорожного узла. В тот же день к ним присоединились почтовики и железнодорожники всей Краковской линии. В последующие два дня забастовка крепла и перебрасывалась на другие железнодорожные линии. По мере развития забастовки участились столкновения с членами буржуазных штрейкбрехерских организаций. С каждым днем забастовка разгоралась и, как огонь, охвативший горючий материал, вспыхнула почти во всей Польше. Движение охватило многотысячные массы польских железнодорожников.

Вначале пепезовские воротилы думали локализовать движение. 24 октября в органе профсоюза железнодорожников они писали: «... Принимая во внимание опасность, которая угрожает железным дорогам ввиду этой хаотической и дикой забастовки, следует изо всех сил стремиться ликвидировать ее». Стремясь задушить забастовку, пепезовские вожди сначала примкнули к ней. Правительство со своей стороны провело массовые аресты (в октябре было арестова-

но около 2 тыс. рабочих). 31 октября были введены полевые суды, шла милитаризация железных дорог. Железнодорожники призыва 1893 — 1901 гг. были призваны в казармы, где их подвергали усиленной военной муштровке.

Несмотря на совместные усилия правительства и пепезовцев сорвать забастовку, она ко 2 ноября охватывает почти всю Польшу. Коммунистическая партия Польши призывает ко всеобщей забастовке вплоть до полного удовлетворения требований, т. е. повышения заработной платы, отмены милитаризации железных дорог и освобождения всех арестованных. Железнодорожники и почтовики требуют от пепезовской Центральной комиссии профсоюзов объявления всеобщей забастовки, но Центральная комиссия, чтобы выиграть время, не отвечает на это требование; в это же время вожди ППС ведут тайные переговоры с правительством.

Между реформистскими вождями профсоюзов и массой стачечников начались крупные расхождения. В связи с явным предательством со стороны Центральной комиссии профсоюзов делегация краковских железнодорожников заявила, что, если не будет объявлена всеобщая стачка, железнодорожники Краковского узла перейдут в коммунистическую партию. Тогда из страха потерять влияние на массы ППС объявляет всеобщую забастовку... «для защиты демократической Речи Посполитой». Это был один из крупнейших «левых» маневров пепезовцев. Через два дня уже было опубликовано воззвание о прекращении всеобщей стачки, и таким образом польскому пролетариату был нанесен удар в спину.

Правительство знало, что у революционных масс бастующих нет подлинно революционного руководства. КПП, призывавшая ко всеобщей забастовке, имела известное влияние в массах, но оно было еще недостаточным. Поэтому правительство рассчитывало покончить с забастовкой, нанеся удар по ее центру, по Кракову. Краковский воевода Галецкий совместно с генералом Чикелем и комендантом гарнизона Бекером разработал военный план против забастовщиков. В Западную Галицию, а в частности в Краков, были стянуты многочисленные силы полиции из Кельц, Люблина и т. д., а также пехотные части из Познани, Западной Украины и Западной Белоруссии. На военном совещании у генерала Чикеля решено было кроме полиции и пехоты бросить против стачечников также кавале-

рию, броневики и аэропланы. Главной оперативной базой был избран старинный королевский замок Вавель, расположенный неподалеку от Рабочего дома. Нападение на рабочих было назначено на 6 ноября, когда после митинга в Рабочем доме краковские пролетарии должны были двинуться на демонстрацию. На Вавеле и прилегающих к нему монастырях с благословения духовенства были установлены пулеметы. Полиция, пехотные и уланские части расположились в центре города и по окраинам. План разгрома рабочих был разработан очень детально, с соблюдением всех военно-стратегических условий уличного боя. Генерал Чикель мечтал о том, как империалистическая Польша окружит его ореолом спасителя отечества.

Однако генерал Чикель не предвидел одного маленького обстоятельства. Он забыл, что польские, белорусские и украинские солдаты вышли из тех же захудалых крестьянских изб, из тех же рабочих кварталов, что и забастовщики, по которым им был отдан приказ стрелять.

Когда утром 6 ноября рабочая демонстрация во главе с женщинами и детьми столкнулась лицом к лицу с войсками, солдаты заволновались. Штыки вместо того, чтобы вонзиться в груди рабочих и их семей, были подняты вверх. Этим моментом воспользовался рабочий Петжик. Он вскопчил на под'езжавшую крестьянскую телегу, врезался в ряды войск и полиции. Цепь была прорвана, войска смешались с рабочими, солдаты и рабочие стали брататься. В этот момент раздались отдельные выстрелы, вслед за ними ружейные залпы. И вскоре королевский замок Вавель открыл пулеметный огонь по бастующим краковским железнодорожникам.

На площади появились первые ручейки крови и трупы убитых рабочих и солдат.

Тогда рабочие вместе с наиболее сознательными из солдат открыли огонь по полиции, которая, не выдержав натиска, отступила в панике.

Против «бунтовщиков» были двинуты уланские части. Рабочие отбили кавалерийскую атаку и перешли в наступление. Рядовые уланы, видя, что рабочие стреляют в офицеров, сложили оружие. Положение краковских властей становилось критическим, так как у них уже почти не оставалось надежных войск. Но рабочие, начавшие наступление, не имели никакого плана и не знали, что предпринять дальше. Воспользовавшись временным замешательством, генерал Чикель решил двинуть против восстав-

ших три броневика. Краковские рабочие и часть солдат, не щадя своих жизней, двинулись вперед, несмотря на обстрел броневиков, и, захватив один броневик, водрузили на нем красное знамя.

Восставшие рабочие к часу дня захватили центр города. Пехотные полки отказались идти в наступление. Вновь прибывавшие войска слагали оружие. Отдельные группы солдат уходили из казарм и отдавали оружие рабочим.

Это стихийное восстание выдвинуло своих боевых руководителей, но они не сумели повести за собой войска на захват замка Вавель, где был штаб Чикеля, и на захват других правительственных зданий.

Потерявшие фактически власть, не имеющие за собой никакой вооруженной силы, генерал Чикель и воевода Галецкий начали переговоры с пепеэсовскими лидерами Марекком и Бобровским. И в то время как краковские рабочие сражались на улицах, Марек, Бобровский и Станьчин договорились о предательстве рабочих. Явившись на площадь, эти господа от ренегатства, лицемерно нападая на правительство, стали уговаривать рабочих разойтись и передать дальнейшую судьбу борьбы в руки ППС. Под предлогом, что правительство пошло на все уступки и забастовка выиграна, пепеэсовцы приступили к разоружению рабочих. Под тем же предлогом всеобщая забастовка была прекращена. Не имея достаточно революционного опыта, краковские рабочие дали себя разоружить.

О некоторых уроках краковского вооруженного восстания

Только благодаря контрреволюционной роли пепеэсовцев краковские власти сумели подавить вооруженное восстание, которое они сами вызвали к жизни своими провокационными мерами. Всеобщая стачка переросла в вооруженное восстание не только потому, что накопилось огромное количество горючего материала, но и потому, что буржуазия первой начала вооруженную борьбу против рабочего класса, и он взялся за оружие, чтобы отстоять свои права и в начавшейся гражданской войне уничтожить господствующие классы.

Эту свою классовую задачу он не сумел тогда выполнить благодаря предательской роли пепеэсовцев и отсутствию боевого политического руководящего штаба коммунистической организации.

В первые же дни после восстания была

устроена грандиозная (70 тыс.) демонстрация похорон жертв восстания. Краковские власти, не чувствовавшие себя еще достаточно твердо, не могли помешать этой демонстрации. Но после того как в Краков были доставлены более надежные воинские части, начались массовые аресты участников восстания и разгул политического террора.

Контрреволюционная роль пепеэсовцев особенно ярко была вскрыта во время процесса участников восстания, состоявшегося в июле 1924 г. На этом процессе защитник обвиняемых пепеэсовцев сказал: «...И кто же выступает в роли ликвидатора краковского восстания? Та самая ППС, которая якобы начала революцию. Мы должны констатировать, что ППС не хотела революции и события разыгрались помимо нее...»

Когда прокурор потребовал от сейма выдачи пепеэсовских депутатов Марека и Бобровского, тех самых, которые уговорили краковских рабочих сложить оружие, то пепеэсовский депутат Либерман заявил в сейме: «... Депутаты Марек и Бобровский выступили как пацификаторы (умиротворители). Депутаты сейма, имеющие авторитет и моральное влияние, призадумались бы, следует ли им взять на себя подобную посредническую роль, если роль их была бы рассматриваема как принятие руководства над массами».

Это заявление депутата Либермана красноречиво и убедительно вскрывает предательскую роль пепеэсовцев в краковском восстании. ППС оказала польской буржуазии крупнейшую услугу, разоружив восставших рабочих, и неудивительно поэтому, что буржуазный суд в Кракове вынес оправдательный приговор обвиняемым пепеэсовцам.

Почему же у краковских рабочих в момент вооруженной борьбы не оказалось боевой организации? Кто является виновником того, что краковские рабочие были предоставлены самим себе?

Во время краковского восстания и в предшествовавший ему период компартия Польши находилась под руководством правооппортунистической группы вождей, так называемых «трех В» (Варский, Валецкий, Вера Костржева), которые, защищая Брандлера и Троцкого на международной арене, выдвигали для Польши лозунг рабоче-крестьянского правительства, на практике сводящегося не к диктатуре пролетариата, а к парламентским комбинациям с реформистами и представителями кулацкой партии. Эти правооппортунистические вожди, защищая

на словах лозунг рабоче-крестьянского правительства, на деле выступали против диктатуры пролетариата, против советов рабоче-крестьянских и солдатских депутатов, против лозунга советской Польши. Оппортунистическое руководство не вело борьбы за массы, не готовило их к решающим боям за власть. И в самый ответственный момент, момент восстания, у рабочих не оказалось своего подлинного руководящего штаба.

Что касается тактики единого фронта, то она проводилась таким образом, что когда вожди ППС дали сигнал к прекращению октябрьской железнодорожной забастовки, то Варшавский комитет КПП во имя «честного» проведения единого фронта также согласился на прекращение забастовки.

Это правооппортунистическое руководство в компартии Польши было разоблачено во время V конгресса Коммунистического интернационала т. Сталиным, под руководством которого работала специальная польская комиссия.

В резолюции, принятой V конгрессом Коминтерна по польскому вопросу, говорится:

«ЦК КПП, политически руководимый группой Варского, Костржевой и Валецкого, оказался при всей своей революционности на словах неспособным проводить на деле линию КИ. Проводимая им политика, кото-

рая понизила революционную боеспособность партии, являлась выражением оппортунистических традиций и навыков руководящей группы ЦК, навязавшей партии свою позицию»¹.

ИККИ обратился к польской партии с открытым письмом, в котором подверг суровой критике правооппортунистический уклон, и помог партии преодолеть его.

Прошло десять лет со дня краковского вооруженного восстания. Рабочий класс, крестьянство и угнетенные национальности в Польше вели за это время упорные бои, неоднократно переходящие в вооруженную борьбу. Коммунистическая партия Польши при помощи Коммунистического интернационала, руководимого т. Сталиным, сумела стать организатором, руководителем и вождем рабочего класса и трудящихся масс Польши. Чрезвычайно упорные и победоносные бои рабочего класса, широкое крестьянское и национально-освободительное движение под руководством компартии Польши за последние годы говорят о том, что она сумела стать подлинным вождем революционного движения в Польше и что она поведет массы в решительный бой за польский Октябрь, за Польскую советскую республику.

¹ V конгресс КИ. Стенографический отчет, ч. 2-я, стр. 166.

НАЧАЛО ВТОРОГО ЭТАПА

КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(От революции общенационального фронта
— к революции рабочих и крестьян)

В начале 1927 г. в Кантон (тогда еще центр национально-революционного Китая) выехала международная рабочая делегация в составе представителей революционного пролетариата ряда стран: английского — Том Манн, французского — Дорио, американского — Браудер. Секретарем международной рабочей делегации был автор этих строк.

Международная рабочая делегация прибыла в Китай в момент, когда китайская революция вступала во второй этап своего развития, когда мощный размах крестьянского движения — организация крестьянских союзов и крестьянских комитетов, могучая забастовочная волна в городах и создание советов и профессиональных союзов — отбросил буржуазию в лагерь контрреволюции, а Чан Кай-ши готовил контрреволюционный переворот.

В своих тезисах о «Вопросах китайской революции» (апрель 1927 г.) т. Сталин характеризовал первый этап китайской революции как революции общенационального фронта, когда «мощное движение рабочих и крестьян еще не успело развернуться» и буржуазия поддерживала революцию, стараясь «использовать ее в своих целях... ограничить ее размах»...¹

Необходимо подчеркнуть, что в 1925 — 1926 гг. китайская буржуазия при всей своей относительной слабости была гегемоном так сказать *de facto*. Крестьянским движением в тот период руководила буржуазия, а не революционный пролетариат; многомиллионная городская мелкая буржуазия нахо-

дилась в этот период под влиянием национальной буржуазии, а не под влиянием революционного пролетариата. Кроме того национально-революционная армия была не под влиянием и контролем коммунистического авангарда пролетариата, а под влиянием Гоминдана.

С самого начала революции 1925 г. шла борьба между революционным пролетариатом и буржуазией за гегемонию. Исторически только пролетариат мог на данном этапе китайской революции стать гегемоном революции, ибо феодально-милитаристские клики играли роль агентов империализма; финансово-компрадорская буржуазия никогда в антиимпериалистическом движении участия не принимала и по своей природе не могла этого делать, а промышленная буржуазия или национал-реформистский лагерь шел с национал-революционным лагерем только постольку, поскольку его классовые интересы не были задеты ни пролетариатом, ни крестьянством.

После опыта исторических шанхайских событий лета 1925 г., после опыта героической кантон-гонгконской стачки, которая на время парализовала твердыни британского империализма на юге Китая, и после богатого опыта Северного похода китайский пролетариат к концу 1926 г. и к началу 1927 г. отвоевывает гегемонию в революционно-освободительном движении.

Именно мощное развитие движения рабочих и крестьян в результате правильной политики Коминтерна на первом этапе китайской революции явилось выражением борьбы двух путей китайской революции: «либо национальная буржуазия разобьет пролетариат, вступит в сделку с империализмом и вместе с ним пойдет в поход против революции для того, чтобы кончить ее установлением господства капитализма. Либо пролетариат ототрет в сторону национальную буржуазию, укрепит свою гегемонию и поведет за собой миллионные массы трудящихся в городе и деревне для того, чтобы преодолеть сопротивление национальной буржуазии, добиться полной победы буржуазно-демократической революции и перевести ее потом на рельсы социалистической революции со всеми вытекающими отсюда последствиями»².

Именно это могучее развитие аграрной революции, революции рабочих и крестьян, под руководством пролетариата привело к сделке Чан Кай-ши с империализмом — против китайской революции.

¹ И. Сталин, Сб. «Об оппозиции», стр. 552.

² Там же, стр. 551.

В декабре 1926 г. VII пленум ИККИ, предвидя развитие событий именно в таком направлении, писал: «Движение находится... накануне новой перегруппировки классов. На этой стадии развития основной силой движения явится блок — более революционного характера, — блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при устранении большей части крупной капиталистической буржуазии... Гегемоном движения на этой стадии все более и более становится пролетариат»¹.

Подготовка переворота Чан Кай-ши, самый этот переворот означали создание контрреволюционного центра в Южном Китае. Вместе с тем он означал под'ем революции на высшую ступень, обострение борьбы за победу того или иного пути китайской революции.

Международная рабочая делегация прибыла в Кантон в феврале 1927 г. Северный поход был в полном разгаре. Чан Кай-ши продвигался на север и на восток.

Шанхай еще не был в его руках.

Уже образовалось центральное ханькоуское правительство². Атмосфера в Кантоне была крайне напряженной. Революционные профсоюзы и компартия еще действовали и были легальны, но генерал Ли Ти-син, кровавый палач кантонской коммуны, уже готовил контрреволюционный переворот. Правда, Ли Ти-син еще выступал на массовых митингах и банкетах, устраиваемых в честь МРД, со страстными речами о «мировой революции», о «едином фронте китайских трудящихся масс с международным революционным пролетариатом», о «борьбе против империализма, милитаризма и капитализма». Но, прикрываясь этими речами, Ли Ти-син разоружал рабочие пикеты, мобилизовал фашистские отряды кантонского союза механиков, ограничивал деятельность красных профсоюзов...

Покинув Кантон 6 марта, делегация направилась в Ханькоу.

Мы проезжали провинцию Цзянси. Первый «привал» наш был в г. Шучоу, еще в Гуандунской провинции (г. Шучоу — конечный пункт недостроенной Кантон-Ханькоуской ж. д., в 18 — 20 часах от Кантона). Из Шучоу мы добрались до Ханькоу частично пешком, частично на речных джонках.

¹ VII пленум ИККИ, декабрь 1926 г.

² Ханькоуское правительство было образовано в начале 1927 г. левым Гоминданом. В это правительство временно, до отхода левого Гоминдана в лагерь контрреволюции, входили и коммунисты.

Гарнизонам г. Шучоу командовал генерал Чэн, выдававший себя за врага Чан Кай-ши и сторонника ханькоуского правительства.

Чэн проявлял необычайную любезность к МРД, сопровождая нас по всем организациям...

Характерно, что этот гоминдановский генерал, единственная «революционная заслуга» которого состояла в том, что он сопротивлялся приказу Чан Кай-ши покинуть свое теплое местечко (где он совместно с магистратом и помещиками грабил крестьян не меньше чем другие члены Гоминдана) и выехать на фронт, на определенном этапе, при отсутствии коммунистического революционного руководства, казался окрестным крестьянам единственным защитником их интересов.

Нам рассказывали представители крестьянского союза, что ряд крестьянских делегаций приходил из деревень с просьбой к генералу Чэн не покидать района и не оставлять их на произвол реакции...

Интересно и характерно для первого этапа китайской революции, что в войсках генерала Чэна и вообще в революционных армиях существовал политотдел. Мы видели листовки, брошюры и местную газету, издававшиеся этим политотделом. Подобные политотделы сыграли огромную роль в Северном походе, но эта тема требует особой разработки.

В беседе с нами один из политотдельцев, энергичный, революционно настроенный парень, показывая книгу «Новая Россия», написанную секретарем Чан Кай-ши, возмущался тем, что книга трактовала нэп как капитализм, утверждая, что эта трактовка нужна Чан Кай-ши, чтобы заставить революционный Китай идти по пути капитализма.

Наконец мы прибыли в провинцию Цзянси. Цзянси со своими 25 миллионами жителей и территорией в 70 тыс. кв. миль является экономически отсталым районом. Современной индустрии в Цзянси почти нет, поэтому незначительны кадры индустриального пролетариата. Исключение составляют Пинсянские угольные копи, недалеко от хунанской границы. Но продвижение национально-революционной армии с ее политотделами через эту провинцию революционизировало широкие массы трудящихся провинции. Они организовались в профсоюзы и крестьянские союзы.

Прибыв 16 марта в г. Нананфу, или иначе Нанан, с 50 тыс. жителей, мы отправились

к городскому магистрату (вроде ратуши, вернее маленького дворца).

Мы сразу почувствовали, что находимся в полосе открытой реакции и контрреволюции.

Правда, в фойе ратуши мы увидели тот же портрет Сун Ят-сена, но лозунги, украшавшие его, заставили нас насторожиться:

«Политика Сун Ят-сена главным образом преследует цель возвышения государства». «Сунятсенизм стоит выше вильсонизма». «Сунятсенизм не имеет ничего общего с марксизмом». «Мы должны освободить Китай мирным способом».

До сих пор во всех городах, местечках и селах мы видели портреты Сун Ят-сена между портретами Маркса и Ленина. До сих пор всегда и везде гоминдановские генералы в своих речах пытались отождествлять сунятсенизм с марксизмом, принцип «мин-шен» (один из трех сунятсеновских принципов, означающий «народное благоденствие») с социализмом.

Здесь же лозунг решительно подчеркивал:

«Сунятсенизм не имеет ничего общего с марксизмом».

Этот лозунг был прекрасным выражением новой стадии китайской революции, выражением предательства Чан Кай-ши и окончательного отхода крупной буржуазии и помещиков от революции к контрреволюции.

В тот же день от представителя профсовета Нанана мы узнали о зверском убийстве Чэн Цан-ши, председателя профсовета города Канчоу, где мы как раз намеревались остановиться.

О Чэн Цан-ши нам подробно рассказал представитель местного крестьянского союза, получивший секретное письмо от руководителя цзянсинского провинциального крестьянского союза.

Чэн Цан-ши был одним из активнейших организаторов профсоюзного движения в южном Цзянси, где он работал с октября 1926 г.

Являясь председателем профсовета района Канчоу и членом исполкома провинциального профсовета, он был организатором и вождем ряда крупных массовых стачек в Канчоу, из которых наиболее значительной была стачка за повышение зарплаты служащим у торговцев шолком. Стачка кончилась неудачей. Все остальное произошло «нормальным» для любой капиталистической страны путем: заговор, в котором участвует сам магистрат; исполнителем убий-

ства является офицер. Потом «мотивировка»: «Чэн Цан-ши хотел убить представителя магистрата... Чэн Цан-ши отказался перерегистрировать профсоюзы, как этого требовал закон... Чэн Цан-ши требовал для рабочих неслыханного повышения зарплаты... чуть ли не 500 проц...» и т. д. и т. п.

Весть об убийстве т. Чэн Цан-ши и о запрете профсоюзов в Канчоу пронеслась по всем районам. «Мы не знаем, чего ожидать и кто следующий»,—заявили нам руководители профессиональных и крестьянских союзов в Нанане.

Они просили МРД расследовать это дело по приезду в г. Канчоу.

Перед отъездом из Нанан мы послали следующий меморандум местному отделению Гоминдана:

«г. Нанан, 17 марта 1927 г.

Председателю Гоминдана.

Дорогой товарищ!

В ходе наших бесед и интервью с представителями различных местных рабочих и крестьянских организаций, при которых вы лично присутствовали, мы узнали об одном исключительно печальном и возмутительном событии. Мы имеем в виду убийство профсоюзного вождя Чэн Цан-ши, совершенное руководителями вновь сформированной 1-й дивизии в городе Канчоу. Для вас должно быть ясно, как наша делегация восприняла это сообщение. Так как мы приехали в Китай для того, чтобы приветствовать национально-революционное движение и для того, чтобы изучить условия его развития, мы считаем своим неотложным долгом расследовать на месте этот случай в Канчоу. Одновременно мы вам пересылаем копии телеграмм, посланных нами всем гражданским и военным властям, а также всем революционным организациям в Канчоу, в которых мы оповещаем о нашем приезде и о желании расследовать случившееся. Будем очень признательны вам, если вы тоже оповестите партию Гоминдана о нашем прибытии туда.

Посещение Канчоу входило в наш первоначальный маршрут. Теперь это становится исключительно срочной необходимостью.

С революционным приветом

Международная рабочая делегация.

(Подписи)

Том Манн (Англия).

Дорио (Франция).

Браудер (САСШ).

Столяр (секретарь делегации)».

До Канчоу мы сделали ещё одну остановку в местечке Канкан. Здесь мы узнали подробности о событиях в Канчоу. Представитель крестьянского союза заявил нам, что убийство Чэн Цан-ши никоим образом не является местным или изолированным явлением. Весь самоназначенный цзянсийский провинциальный комитет является открытым орудием Чан Кай-ши в борьбе против национального правительства. Разгром профсоюзов и крестьянского движения идет полным ходом. Нас предупредили, что в Канчоу ныне действуют 5 контрреволюционных организаций: 1) так называемые узкие националисты, действующие под кличкой «Возбуждающийся лев», с центром в Шанхае, 2) союз торговцев, 3) городской отдел просвещения, 4) лига женщин, состоящая большей частью из дочерей и жен богатых купцов, и 5) райком Гоминдана, руководимый архиреакционными элементами. Сначала эти организации работали тайком, подпольно. Но после прибытия в Канчоу некоего Ли-Пинг, агента Чан Кай-ши, и комиссара вновь сформированного 1-го полка, эти организации начали действовать открыто. Здесь мы также узнали, что одним из последних ак-

тов т. Чэн Цан-ши, павшего жертвой этой контрреволюционной своры, было закрытие им местной реакционной газеты, которая писала: «Приветствовать Россию — равносильно желать здоровья вору».

Приехали мы в Канчоу 19 марта. Решив категорически отказаться от принятия каких-либо выражений «гостеприимства» от убийц т. Чэна, мы остались на наших лодках у пристани.

Первыми нашими посетителями были представители местных реакционных и контрреволюционных организаций. Один из них назвал себя «исполняющим обязанности магистрата» (нам потом сообщили, что тот магистрат, который был организатором убийства т. Чэн Цан-ши, сбежал из города). Другой «гость» назвал себя «представителем настоящего Гоминдана»...

Следует отметить, что в каждом местечке, селе или городе, куда мы прибывали, местные общественные организации, посылая своих представителей для встречи и приветствия МРД, передавали через них визитные карточки, на которых были написаны названия представляемых организаций.

И в Канчоу мы получили множество таких карточек.

Но в то время как в других местах профсоюзы и крестьянские организации были первыми, которые нас приветствовали и немедленно связывались с нами, здесь, в Канчоу, не было ни одного представителя от профессионального или крестьянского союза.

Итак, в нашу лодку в первую очередь вошел «исполняющий обязанности магистрата» и его спутник, «представитель настоящего Гоминдана».

На наш вопрос, кого они представляют, мы получили следующий дословный ответ:

«...Видите ли, здесь имеется только небольшое количество людей, понимающих национальную революцию и действительные принципы д-ра Сун Ят-сена... Массы еще очень невежественны, и их политический уровень очень низок... Все так называемые вожди местных (массовых) организаций не являются уроженцами этого района. Они обычно присылаются сюда центральными органами извне...»¹.

¹ Здесь интересно отметить, что этот аргумент против революционного руководства массовыми организациями и мотивировка устранения революционных вождей потому, что «они не местные, а насаждаются извне», очень хоро-

Изуродованный труп т. Чэн Цан-ши

Международная рабочая делегация. Справа налево т. Дорио (Франция), т. Браудер (САСШ), т. Том Махи (Англия)

«Начиная с прошлого года, здесь возникло большое количество профессиональных и крестьянских союзов. Но у них не было настоящего руководства.

«Вот почему два-три месяца назад политический совет провинции Цзянси издал приказ о перерегистрации рабочих и крестьянских организаций. Все существовавшие до сих пор организации должны были быть распущены и реорганизованы в подготовительные или временные органы, которые должны служить только фундаментом для настоящих профсоюзов и крестьянских объединений будущего...»

После такого разъяснения эти «представители» попросили нас сойти на берег и выступить на организованном ими митинге. МРД категорически отказалась, настаивая на созыве митинга массовыми рабочими и крестьянскими организациями. Кроме того, МРД потребовала, чтобы ей была дана возможность опубликовать манифест ко всему населению Канчоу. Не получив определенного ответа на эти требования, МРД поставила следующие вопросы представителям властей:

шо известен в Европе и Америке в борьбе реформистов и социал-фашистов против революционного движения.

Вопрос. Существуют ли теперь какие-нибудь профсоюзы в Канчоу? Если да, то какие?

Ответ. Есть два союза: союз парикмахеров и союз купцов.

Вопрос. Это все?

Ответ. До недавних пор существовало какое-то общее профсоюзное объединение (профсовет). Но эта организация больше не существует потому, что она отказалась перерегистрироваться.

Вопрос. Что требуется, чтобы профсоюз считался законным?

Ответ. Каждый профсоюз должен сдать свой устав и программу действий и ждать пока они будут одобрены властями, до тех пор они не могут функционировать.

Вопрос. Отказался ли канчоуский профсоюз регистрироваться и послужило ли это причиной его закрытия?

Ответ. Канчоуский совпроф был плохой организацией... Слишком много требований со стороны профсоюзов вредно для крестьян, ибо цены на товары поднимаются...

...Вот например: после того, как образовался союз кули, перевозящих рис, эта организация потребовала, чтобы все возчики риса вступили в союз. Она также требует от

своих членов и вступительных и членских взносов и т. д. Это плохо для всех... Кроме того раньше, когда не было профсоюзов, зарплата повышалась время от времени, скажем на 1 цент в день. Теперь профсоюзы требуют в несколько раз больше. Это невыносимо. Это приводит к конфликтам, которые молодые и неопытные гоминдановцы не в состоянии уладить...

Вопрос. Все ли союзы закрыты? Почему и с каких пор?

Ответ. Общий совет профсоюзов был закрыт после одного серьезного инцидента. По закону этот союз должен был считаться только подготовительной временной организацией. Поэтому ему было запрещено иметь при себе вооруженные профсоюзные пикеты¹, а также собирать членские взносы... Но руководитель этой организации отказался выполнить этот приказ. Магистрат попросил его притти к нему, чтобы уладить этот вопрос. Произошел спор, и Чэн Цан-ши был убит.

Вопрос. Чэн Цан-ши был убит, но почему же все профсоюзы закрыты?

Ответ. Потому, что не оказалось никого, кто мог бы руководить ими...

В ту же ночь к нам тайком пришли за-

¹ Все профсоюзы в 1925—26 г. имели свои собственные вооруженные рабочие отряды для охраны и помощи стачечникам и т. п.

нанные в подполье представители местных профсоюзов и крестьянских организаций. Они знали о нашем прибытии, но выжидали ночи. Вот почему от них не было карточек.

После убийства т. Чэн Цан-ши все профсоюзы были распущены, а помещения заняты частями упомянутой 1-й дивизии. Все собрания и совещания происходили нелегально. Пришедшие к нам товарищи подробно рассказали о деятельности т. Чэн Цан-ши, который в течение 4 месяцев сорганизовал в районе Канчоу 53 союза с 27 тыс. членов. Контрреволюционные элементы не осмеливались поднять голову, пока был жив этот стойкий революционер, вождь всего местного революционного движения.

Представители подпольных организаций передали нам фотографию трупа т. Чэна и другие документы.

Они просили ответить на следующие вопросы:

Что происходит в рядах национально-революционного фронта?

Чьи интересы представляет и защищает Чан Кай-ши? Действительно ли он предал дело революции?

Если так, то что намерены делать национальное правительство и ЦК Гоминдана? Можно ли ожидать, что будут приняты меры для подавления реакции и восстановле-

На массовом рабочем митинге в Контоне, 1927 г.

ния профессиональных и крестьянских союзов?

Товарищи подчеркивали, что арест Чэн Цан-ши произошел на митинге, созванном в память второй годовщины со дня смерти Сун Ят-сена.

За несколько дней до нашего приезда в Канчоу состоялась районная конференция Гоминдана, откуда представители рабочих были просто изгнаны. Некий Ху Чи-шанг, представитель провинциального Гоминдана, на этой конференции заявил, что «рабочие еще политически не дозрели, чтобы быть представленными на гоминдановских конференциях».

Через два дня положение в Канчоу радикальнейшим образом изменилось (правда, временно).

В течение этих двух дней (19 и 20 марта) наши сампанки¹ стали центром кипучей деятельности: связи, информации, совещаний, интервью и т. д.

Были получены ободряющие телеграммы от центрального Гоминдана и национального правительства (Ханькоу), а также от хупейских и хунаньских профсоюзных и крестьянских организаций. Рабочие и крестьянские массы Канчоу почувствовали, что они не одни. Они начали понимать, что происходит определенная перегруппировка классовых сил на национально-революционном фронте.

Чан Кай-ши выступил открыто и был заклеен как предатель революции, как агент крупной буржуазии и помещиков. Положение стало более ясным.

Среди посетивших МРД были также представители политотдела 16-й дивизии революционной армии, недавно прибывшей в Канчоу.

В беседе с нами политотдельцы высказались против Чан Кай-ши, против местной реакции и контрреволюции. Тогда МРД предложила немедленно принять меры по восстановлению рабочих и крестьянских организаций и созвать массовые митинги. Необходимо было очистить профсоюзные помещения от частей 1-й дивизии.

Между политотделом 16-й дивизии и профсоюзами наладилась тесная связь. Представители собирались и совещались на наших лодках. Было решено устроить на следующий день большой массовый митинг.

20 марта состоялась митинг, а после него демонстрация, первая после долгого пере-

¹ Лодки.

Том Манн произносит речь на могиле Сун Ят-сена. Высокая фигура справа — г. Дорио

рыва. Несколько тысяч рабочих и крестьян собрались на берегу у пристани, где стояли наши сампанки. Международная делегация впервые со времени прибытия в Канчоу вышла на берег и возглавила грандиозную демонстрацию, которая прошла через весь город.

Митинг был открыт начальником политотдела 16-й дивизии. 200 вооруженных солдат приняли участие в митинге и были готовы защищать рабочих, профсоюзных и крестьянских вождей, вышедших снова из подполья. К каждому штыку был прикреплен бумажный флажок с лозунгами о едином фронте рабочих и крестьян с солдатами и совместной борьбе против империализма и изменников революции.

...На трибуну поднялся новый председатель канчоуского совпрофа, рука об руку с 70-летним Томом Манном, что произвело огромное впечатление на всех присутствовавших.

Революционные силы отвоевали Канчоу у реакции.

21 марта мы покинули Канчоу и впоследствии узнали, что политотдел 16-й дивизии сдержал свои обещания—профсоюзы

действительно были восстановлены,—и что некоторые руководители местной реакции заплатились за контрреволюционный переворот.

На пути в Нанчан мы останавливались в Лянкоу, Цзянфу, Чангшу и других местах, где выступали на массовых митингах.

В местечке Цзянфу (или Цзи-ан) крестьяне рассказывали нам о своем невероятно тяжелом положении: они платили ренту в 50—60 проц. своего урожая (независимо от того, хороший или плохой был урожай); ростовщики драли с бедноты до 40 проц. на займы; магистраты и джентри¹ в союзе с помещиками эксплуатировали крестьян нещадно; коррупция и продажность были общими явлениями; крестьяне не имели абсолютно никаких политических прав — культурная монополия давала джентри все козыри в руки для безграничного закабаления крестьян. Христианская религия играла весьма активную роль: многие крупные торговцы в этом районе приняли христианство, стали католиками или протестантами, и заставляли своих служащих и подмастерьев изучать закон божий. Эти служащие и подмастерья работали до 15 часов в день и получали от 3 до 5 китайских долларов (3 — 5 руб.) в месяц. Предприниматели открыто боролись против профсоюзов, увольняли слу-

жащих, принадлежащих к профсоюзу, непослушным они прямо угрожали конскрипцией в армию.

И все же, несмотря на репрессии, революционное движение развертывалось, принимая все более бурные формы.

24 марта в городе Чангшу (или Цанг-Цуцен) на массовом митинге, организованном профсоюзами, мы узнали о реорганизации национального правительства.

Эта весть сразу подняла настроение у рабочих, крестьян, а также городской и мелкой буржуазии. В тот же день был получен манифест хунаньского провинциального совета профсоюзов, где Чан Кай-ши характеризовался как изменник китайской революции и как милитарист-диктатор.

Здесь же мы узнали, что рабочие этого города провели однодневную забастовку протеста против убийства т. Чэн Цан-ши. Местные профсоюзы выпустили манифест с призывом к борьбе против убийц Чэна и против реакции и контрреволюции.

К вечеру 25 марта мы прибыли в Нанчан, столицу провинции Цзянси.

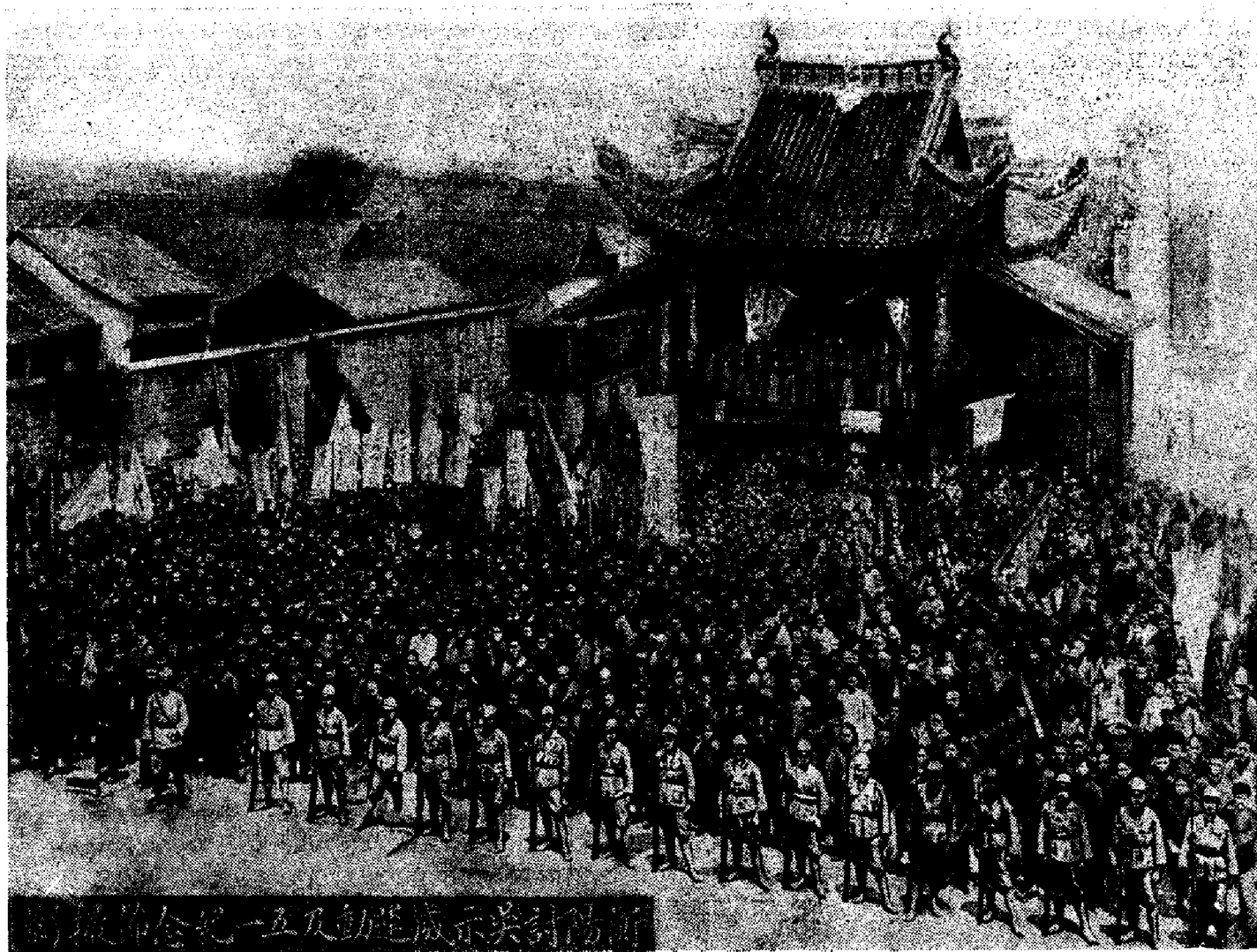
Из расклеенных по всему городу плакатов и газет мы узнали, что Нанкин и Шанхай взяты национальными войсками во главе с Чан Кай-ши.

Первая мысль, промелькнувшая у всех: «Историческое событие! Нанкин и Шанхай в руках национальных армий». Вторая: «Но

¹ Представители родословной и чиновной знати, имеющие фактическую власть над крестьянами.

Рабочие массы на митинге. Кантон, 1927 г.

Революционный праздник в Хенани

ведь во главе этих войск стоит Чан Кай-ши, изменник революции, начавший разгром рабочих и крестьянских организаций».

И действительно: по всему Нанчану рядом с плакатами и извещениями о «великой национальной победе» были расклеены объявления о введении военного положения. Все собрания и массовые митинги были запрещены. Когда мы вернулись из города, мы узнали, что в наше отсутствие приходили представители генштаба 3-й армии. Но опять не было ни одного представителя от профсоюзов. Причины мы узнали позже.

Первую информацию о создавшемся положении в Нанчане мы получили вечером от товарищей из политотдела 7-й дивизии (3-й армии).

Чан Кай-ши был в Нанкине, где начал создавать собственный правительственный центр. Нанчан был на военном положении, в нем фактически развернулась гражданская война. 3-я армия охраняла город и пока оставалась верной национальному правительству и ЦК Гоминдана, охраняя

помещения нанчанского совпрофа. С другой стороны, генштаб в Нанчане являлся центром контрреволюции. Городской комитет гоминдановской организации выступал за национальное правительство и в защиту рабочих и крестьянских организаций, в то время как провинциальный комитет Гоминдана был целиком и полностью в руках назначенцев Чан Кай-ши. Эти агенты Чан Кай-ши терроризировали всю провинцию.

Даже военная охрана, которая была предоставлена нашей делегации нанчанскими властями, разделилась на два лагеря: 4 солдата этой охраны были посланы контрреволюционным генштабом, остальные 12 принадлежали к частям третьей армии.

Утром 26 марта нас посетили три представителя контрреволюционного провинциального правительственного центра. Один из них, Кун Сю-цанг, все время хвастал тем, что жил в Англии и что отлично знаком с Макдональдом и Гендерсоном. Он беспрестанно подчеркивал в разговоре: «Господа Макдональд и Гендерсон, как вам известно,

не принадлежат к III интернационалу. Они являются вождями II интернационала»...

Эта тройка, возглавляемая упомянутым Кун Сю-цангом, приходила к нам раз восемь в этот день. И каждый раз они считали своим долгом справляться о нашем здоровье, самочувствии и каждый раз предлагали нам осмотреть «всемирно знаменитые окрестности города Нанчана»...

На политические темы они почти отказывались говорить и сделали лишь несколько общих замечаний.

«Создавшееся положение не совсем нормально... Есть люди, которые хотят повести революцию слишком далеко... Массы еще не подготовлены для такой революции...»

И каждый раз, когда мы пытались выжать из этих «джентльменов» какую-нибудь информацию о профсоюзах и крестьянских организациях, мы получали один и тот же ответ: «Нанчан — красивый город. Мы будем очень рады устроить для вас экскурсию в его окрестности».

В промежутках между этими визитами агентов Чан Кай-ши нам удалось повидаться с представителями городского комитета Гоминдана, профсоюзов и крестьянских организаций.

Мы узнали, что сейчас же по прибытии в Нанчан Чан Кай-ши немедленно приступил к «реорганизации» Гоминдана и провинциального правительства, назначив на все руководящие посты своих агентов. Стало известно, что новое провинциальное правительство уже подготовило проскрипционный список (черный список) руководителей рабочих и крестьянских организаций и в первую очередь всех известных коммунистов.

Здесь мы опять узнали, что контрреволюционные организации вели энергичную пропаганду среди крестьян против профсоюзов, «которые требуют повышения зарплаты и этим самым повышают цены на товары, ударяя по карману крестьян». Реакции даже удалось создать специальный отряд из деклассированных, пауперизированных элементов деревни для разгрома профсоюзов.

Рабочие Нанчана вступили в бой с реакцией. Первым выступлением была забастовка печатников, отказавшихся печатать орган контрреволюционных властей. 28 марта специальные войска генштаба окружили типографию и пытались заставить рабочих выпустить газету. Но это им не удалось.

Политические убийства по образцу Канчоу стали обычным явлением.

Коммунисты и сочувствующие КП или Советскому союзу исключались из Гоминдана. Агенты Чан Кай-ши назначили новый городской комитет Гоминдана. Центральный орган нанчанского Гоминдана был запрещен. Был издан приказ об аресте действительного городского комитета Гоминдана. Профсоюзы и крестьянские союзы подвергались «перерегистрациям», т. е. фактическому разгрому.

Вечером 26 марта стало известно о приказе ханькоуского правительства распустить провинциальный комитет Цзянси. Этот приказ был встречен большим энтузиазмом масс, вызвал значительное оживление и сразу поднял авторитет ханькоуского центрального правительства в массах и в армии.

После ряда совещаний международной рабочей делегации с руководителями местных профсоюзов политотдельцами 3-й армии и представителями городского комитета Гоминдана было единогласно решено организовать массовый митинг под руководством названных организаций.

Митинг был назначен под открытым небом, несмотря на военное положение, введенное контрреволюционными войсками.

МРД выступила предварительно на специальном собрании частей 7-й дивизии 3-й армии, на котором присутствовало свыше 4 тыс. солдат и командиров.

После речей членов МРД выступили многие рядовые солдаты и офицеры и произносили клятвы в верности национальному правительству и центральному Гоминдану.

28 марта в открытом поле собралось свыше 10 тыс. рабочих и крестьян. Митинг охранялся вооруженными солдатами 7-й дивизии. Политотдельцы видны были повсюду; они раздавали литературу, листовки и газеты. Митинг окончился большой демонстрацией, которая прошла через центр города к вокзалу, откуда наша делегация уехала в Цзюцзян.

Массы пели революционные песни и будили город возгласами: «Долой Чан Кай-ши!».

На реке Янцзы мы видели линкоры и крейсера империалистических держав. Положение в Цзюцзяне было не лучше, чем в Нанчане.

Районный комитет Гоминдана был в руках контрреволюции. Городской комитет Гоминдана преследовался реакцией.

Политотдел 6-й армии еще пытался защищать профсоюзные и крестьянские организации. 18 марта контрреволюция устроила манифестацию всех реакционных элементов под лозунгами: «Долой ЦК Гоминда-

на», «Долой представителей России и III интернационала». В тот же день международная рабочая делегация выехала в Ханькоу.

Этот рассказ о том, как был воспринят переворот Чан Кай-ши в глубокой китайской провинции, еще раз показывает грандиозные революционные возможности китайских трудящихся масс. Под

правильным руководством Коминтерна эти революционные возможности развились в грандиозную силу. Силы аграрной революции, революции рабочих и крестьян под гегемонией пролетариата, создали в Китае революционные советы.

Эти мощные силы осуществляют в Китае победу Октября.

„...Отсюда два пути китайских событий. Либо национальная буржуазия разобьет пролетариат, вступит в сделку с империализмом и вместе с ним пойдет в поход против революции, для того, чтобы кончить ее установлением господства капитализма. Либо пролетариат ототрет в сторону национальную буржуазию, упрочит свою гегемонию и поведет за собой миллионные массы трудящихся в городе и деревне для того, чтобы преодолеть сопротивление национальной буржуазии, добиться полной победы буржуазно-демократической революции и перевести ее потом на рельсы социалистической революции со всеми вытекающими отсюда последствиями“.

(СТАЛИН, Сборник „Вопросы китайской революции“, 1927 г.).

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ БАКУ

В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ*

15 лет назад, 20 сентября 1918 г., от руки английских палачей и их верных агентов — меньшевиков и эсеров, погибли вожди и руководители бакинского рабочего класса — Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов, Зевин и др.

Гибель 26-ти является одной из трагических страниц борьбы революционного пролетариата за социалистическую революцию. Память о них жива не только в сердцах бакинских пролетариев, она жива в сердцах пролетариев и трудящихся всего Советского союза.

В каких условиях погибли 26 бакинских комиссаров, каково было соотношение классовых сил в Закавказье в этот период?

Тов. Сталин в статье «Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма», написанной им в марте 1918 г. в связи с расстрелом революционных солдат под Шамхором, так характеризовал соотношение классовых сил в Закавказье, которые сложились к революции 1917 г.: «Характерной чертой Закавказья, — писал он, — является его экономическая отсталость. Если не считать Баку, этот промышленный оазис края, движимый главным образом заграничным капиталом, то Закавказье представляет аграрную страну с более или менее развитой торговой жизнью по краям, у берегов морей, и с крепкими еще остатками чисто крепостнического уклада в центре. Тифлисская, Елизаветпольская, Бакинская губернии до сих пор изобиловали крепостническими татарскими беками и феодальными грузинскими князьями, владеющими огромными латифундиями, располагающими специальными вооруженными бандами и державшими в своих руках судьбы татарско-армянско-грузинских крестьян. Этим собственно и объясняются те

резкие формы аграрных «беспорядков», в которые нередко выливается там недовольство крестьян. Здесь же следует искать причину слабости и некристаллизованности рабочего движения в Закавказье (если не считать Баку), сплошь и рядом затемняемого аграрными «беспорядками». Все это создает благоприятную почву для политической коалиции имущих классов и так называемой «социалистической» интеллигенции, в своем большинстве дворянской, против разыгрывающейся теперь в стране рабоче-крестьянской революции».

Эта коалиция имущих классов сразу же после Октябрьской революции нашла свое выражение в создании закавказского комиссариата и закавказского сейма, возглавивших борьбу против пролетарской революции. Сознательно став на путь провокационного развязывания националистических инстинктов, эти организации и партии, ими руководившие, восстановили трудящихся одной национальности против другой. Видя, что нарастание революционной волны, быстрое революционирование рабочего класса и беднейшего крестьянства создавали условия, при которых власть буржуазно-помещичьих классов должна была быть неминуемо свергнута, они пытались устроить в Закавказье поголовную межнациональную резню. Не только пролетариат Закавказья и его передовой отряд — бакинские рабочие, — но и крестьянство Закавказья уже с конца 1917 и начала 1918 гг. начали чрезвычайно быстро революционизироваться.

«Вернувшиеся с фронта закавказские солдаты, — писал в той же статье т. Сталин, — разнесли по деревням аграрную революцию. Запылали усадьбы мусульманских и грузинских помещиков. Устои крепостнических остатков подверглись решительному штурму со стороны «обольшевизированных» солдат-крестьян. Очевидно пустые обещания закавказского комиссариата о передаче земли крестьянам не могли уже удовлетворить охваченных аграрной волной крестьян. От него требовалось дело, но не контрреволюционное, а революционное».

Передовым отрядом в этой борьбе шел бакинский пролетариат, имеющий за своей спиной десятилетия героической борьбы с царизмом и буржуазией.

За 10 дней до захвата власти большевиками в Петрограде Бакинский совет рабочих и солдатских депутатов по инициативе большевистской организации выносит свое первое решение (15 октября) о передаче власти советам. Правда, это решение Бакинско-

* Доклад зав. культпропом ЗКК ВКП(б) т. Сефа на траурном заседании Баксовета совместно с рабочими организациями 20 сентября 1933 г., посвященном 15-летию со дня расстрела 26 бакинских комиссаров.

го совета еще не передало власти целиком и полностью в его руки. Не было ликвидировано двоевластие, характеризующее этот этап борьбы бакинского пролетариата за власть. Но именно в этот период, особенно начиная с Октябрьского переворота, силы и влияние Бакинского совета систематически растут.

Преодолев кратковременные колебания в своих рядах, Бакинский совет в ноябре выносит решение о необходимости передачи всей власти в руки советов, становится на путь решительной борьбы за советскую власть.

Таким образом во всем Закавказьи сталкиваются две силы, начинается подготовка к вооруженной борьбе за власть. С особой силой эта подготовка ведется с января 1918 г. В то время как большевистские партийные организации в Баку и других крупных центрах начинают организовывать и вооружать революционных рабочих, готовя их к решающим боям за захват власти в руки пролетариата, за ликвидацию власти буржуазно-помещичьей коалиции, буржуазно-помещичья контрреволюция в Азербайджане, возглавленная партией муссават, не менее лихорадочно готовится к борьбе за захват власти в свои руки в Азербайджане, и в первую очередь в Баку, сделав центром сосредоточения контрреволюционных сил Гянджу (Елисаветполь), организуя национальные полки, вооружая, путем физического истребления возвращающихся с фронта революционных солдат, помещичьи банды.

31 марта 1918 г. в решающей схватке сталкиваются эти две силы в Баку. Контрреволюция первой начинает вооруженную борьбу. В ответ на это бакинский пролетариат под руководством большевистской партийной организации приводит в боевое состояние свои силы и переходит в решительное наступление на отряды буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Тов. Шаумян в своем докладе Совету народных комиссаров РСФСР писал:

«Закавказье вступило в полосу активной вооруженной борьбы за советскую власть. В течение трех дней—30, 31 марта и 1 апреля — в г. Баку шел ожесточенный бой. С обеих сторон принимали участие в городских боях более 20 тыс. человек».

Бои за власть окончились победой большевизма и полным разгромом и капитуляцией сил контрреволюции.

Бакинские большевики провозглашают лозунг борьбы за установление советской власти во всем Закавказьи.

«Город Баку нужно превратить,— гласило постановление Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов от 15 марта 1918 г., — в опорный пункт для борьбы за советскую власть Закавказья. Необходимо создать реальную силу вокруг совета и, опираясь на российскую революционную власть и на советы Северного Кавказа, оборонять себя и распространить свое влияние и свою мощь на всю территорию Закавказья».

Разгромив силы буржуазно-помещичьей контрреволюции, бакинские большевики создали исполнительную власть в лице Бакинского совета народных комиссаров, не допустив в его состав представителей меньшевиков, дашнаков и эсеров.

Четыре месяца бакинские большевики находились у власти, четыре месяца в условиях осажденного лагеря, окруженные со всех сторон внутренней контрреволюцией и интервентами, боролись они за социализм.

Чем же заслужили бакинские коммунары любовь всех рабочих и трудящихся и звериную ненависть всех врагов и предателей рабочего класса?

Стоит просмотреть изо дня в день четырехмесячную деятельность бакинских коммунаров, чтобы понять, что и любовь и ненависть они заслужили по делам.

Организовавшийся 1—2 апреля 1918 г. Бакинский совет народных комиссаров с первых же дней своей деятельности распустил городскую думу, закрыл меньшевистские газеты, наложил на бакинскую буржуазию контрибуцию в 50 млн. руб., издал постановление о конфискации помещичьих земель, мобилизовал рабочих на дальнейшую борьбу с контрреволюцией, провел в жизнь национализацию нефтяной промышленности, банков, морского и сухопутного транспорта.

Самой замечательной страницей деятельности Бакинской коммуны является та борьба, которую провели бакинские большевики за экспроприацию нефтяной промышленности у буржуазии — за нефть для пролетариата Советской России.

Бакинский пролетариат, с таким успехом в настоящий момент борющийся за 1½ млн. т. нефти в месяц, особенно остро должен чувствовать весь пафос этой борьбы бакинских коммунаров.

С первых же дней своей деятельности Бакинский совет народных комиссаров поставил перед рабочими задачу национализации нефтяной промышленности.

Для того, чтобы провести в жизнь это ме-

роприятие, бакинские большевики выдержали большую борьбу.

Бакинский совет народных комиссаров послал ряд телеграмм в Москву с просьбой об утверждении национализации нефтяной промышленности.

28 мая в Баку была получена следующая телеграмма:

«Чрезвычайному комиссару по делам Кавказа Шаумяну. Председателю Совета народных комиссаров Джапаридзе. Комиссару по народному хозяйству Фиолетову. Уполномоченному Вышсовнархоза Досеру, Агапову, Салько.

Совет народных комиссаров утвердил национализацию нефтяной промышленности. Подробные инструкции везет с собой Тер-Габриелян, выехавший 26 мая. Нефтяной комиссариат упразднен. Все дела переданы в руки главного нефтяного комитета. Сталин-Джугашвили».

Опираясь на эту телеграмму, бакинские большевики под руководством Шаумяна издали декрет о национализации нефтяной промышленности.

В ответ на это все националистические и так называемые правосоциалистические партии подняли отчаянный вой и улюлюканье, заявляя, что большевики этим мероприятием разрушают нефтяное хозяйство. Нефтяная буржуазия—Тагианосовы и К^о—начинает бомбардировать письмами и телеграммами Высший совет народного хозяйства, Главконнефть и добивается того, что Выснархозтоп предлагает национализацию нефтяной промышленности отменить.

Бакинские большевики не поверили на слово оппортунистам из аппарата Высшего совета народного хозяйства и Главконнефти. Национализацию нефтяной промышленности они не отменили, сообщив гг. Ленину и Сталину, что нефтяная буржуазия экспроприирована, нефть и нефтяные недра национализированы и отказ от этого мероприятия будет крупнейшим поражением бакинского пролетариата в борьбе за социализм.

В ответ на это Совет народных комиссаров РСФСР, по предложению Ленина и Сталина, объявил 1 июля 1918 г. всероссийский декрет о национализации всей нефтяной промышленности.

Эту поддержку и это доверие бакинские большевики сумели оправдать. Они не только объявили национализацию нефтяной промышленности, но, национализировав ее, поставили перед всем бакинским пролетариатом вопрос об ее организации.

В своем воззвании к бакинским рабочим Бакинский совет народных комиссаров писал:

«Свершилось то, что всегда являлось мечтой и боевым лозунгом пролетариата. Волей его величества бакинского пролетариата огромное богатство, созданное народным трудом, отнято у паразитов общественного дела и передано трудовому народу в лице его Республики советов; нанесен непоправимый удар капиталистическому господству бакинской буржуазии.

Товарищи, будем помнить, огненными словами выжжем в своем мозгу следующее правило, которое большинство из вас давно уже признало самым важным для дела революции. Необходимо ввести в своей среде жесткую труддисциплину, каждая организация на своем месте, каждый должен быть подчинен распоряжению избранных товарищей. Каждый делает в рабочие часы свое дело, мало заметное на первый взгляд, но которое составляет одно из звеньев великой цепи завоеваний революции».

Объявив декрет о национализации, Бакинский совет народных комиссаров, бакинские большевистские организации потребовали от всех рабочих жесткой производственной дисциплины. Создав органы рабочего контроля, Бакинский совет народного хозяйства одновременно издал инструкцию, в которой предлагал не подменять административного руководства руководством предприятий. «Все технические распоряжения администрации,—говорилось в этой инструкции,—должны быть немедленно и точно выполнены рабочими и служащими, и в случае сомнений контрольных органов в правильности этих распоряжений они должны, не задерживая выполнения их, довести об этом до сведения Совета народного хозяйства».

Основная задача национализации нефтяной промышленности состояла в том, чтобы дать нефть борющемуся пролетариату, и эту почетную задачу бакинские пролетарии под руководством большевиков выполнили.

Если бакинские большевики в первый месяц своей власти (апрель) вывезли в Советскую Россию, главным образом через Астрахань, всего 5 млн. пуд. нефти, то в мае, после объявления о трестировании нефтяной промышленности и введения рабочего контроля, они вывезли 11 млн. пуд., а в июне и июле, после объявления национализации

нефтяной промышленности, по 30 млн. пуд. нефти в месяц, давая пролетариату Советской России каждый день 1 млн. пуд. нефти.

За 4 месяца своей деятельности бакинские большевики дали Советской России 75 млн. пуд., или 1.250 тыс. т. нефти. Эта нефть длительный период помогала большевикам Советской России драться против объединенных сил буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Национализовав нефтяную промышленность, бакинские большевики должны были сделать следующий шаг — национализировать и каспийское пароходство, и это они сделали. Опять посыпались телеграммы, опять поднялись вой и улюлюканье со стороны нефтяной буржуазии, опять-таки в решающий момент вождь нашей партии т. Сталин оказал поддержку бакинским большевикам.

«В вопросе о национализации каспийского флота,—писал он,—можете действовать решительно, не обращая внимания на телеграмму, можете быть уверены, что СНК будет с вами. Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу».

Воодушевленные поддержкой т. Сталина, бакинские большевики провели национализацию каспийского пароходства и с честью справились с важнейшей задачей вывоза нефти в Советскую Россию в помощь борющемуся пролетариату.

Однако, проведя ряд важнейших мероприятий,—национализовав нефтяную промышленность, проведя декрет о национализации всех помещичьих земель, разогнав городскую думу, закрыв меньшевистскую газету, организовав фронт вооруженной борьбы с буржуазно-помещичьей контрреволюцией за сохранение советской власти в Баку и т. д., бакинские большевики допустили и ряд ошибок.

Бакинские большевики понимали, что для победы пролетарской революции необходимо установление прочного союза с крестьянством. Тов. Джапаридзе в своем выступлении 8 апреля 1918 г., сейчас же после захвата власти, говорил:

«Мы знаем, что если не привлечь на свою сторону крестьян, то наше положение сильно осложнится, так как жить вечно окруженными врагами нельзя. Вся наша прежняя политика сводилась к тому, чтобы выиграть время, необходимое для организации крестьян».

«Необходимо сказать мусульманской бедноте,—писали «Известия Бакинского совета», — дать ей понять, что, борясь против контрреволюционных повстанцев, мы боремся за кровные интересы самой мусульманской бедноты. Нужно показать ей, что власть советов—это ее власть».

Но, понимая, что без союза пролетариата с тюркской крестьянской беднотой победа социалистической революции не может быть прочна, бакинские большевики не сумели организовать этот союз, не сумели охватить своим влиянием широкие слои тюркского трудящегося крестьянства. Произошло это потому, что они не выполнили одной из основных директив, данных т. Сталиным: «Для того, чтобы власть там, т. е. на окраинах, стала народной, нужны специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития. Необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин. Не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей советской власти»¹.

Мало того, после захвата власти и организации Совета народных комиссаров они оставили существовать в качестве не только легальных партий, но и официальных фракций совета рабочих депутатов партии меньшевиков, эсеров, дашнаков. Эти партии открыто выступили против власти советов, против большевиков, организовав новый фронт борьбы, создавая опасность для советов с тыла, пользуясь отсталыми настроениями отдельных слоев бакинских рабочих, применяя грязные методы борьбы с большевиками, в первую очередь играя на голоде.

Это был тяжелый период для всей Советской России. «Не раз нам приходилось указывать... — говорил Ленин в июле 1918 г., — что время перед новым урожаем является самой трудной, тяжелой и критической полосой для начавшейся в России социалистической революции. Теперь, я думаю, мы должны сказать, что высший пункт этого критического положения достигнут»².

В Баку продовольственный вопрос принимал катастрофический характер. Рацион достиг одной четверти фунта хлеба на два дня, причем и эту норму не всегда можно было

¹ Статья т. Микояна, «Бакинский рабочий» от 20 сентября 1933 г.

² Ленин, т. XXIII, стр. 151. Речь на заседании ЦИК 29 июля 1918 г.

получить. Отчаяние закрадывалось в сердца наименее стойких защитников Бакинской коммуны. Хлеб регулярно доставляться не мог, так как на Северном Кавказе начали хозяйничать банды казачьей контрреволюции. Часть хлеба, идущего в адрес Баку, была перехвачена закавказской контрреволюцией. Уже в мае в своем воззвании Бакинский СНК писал:

«Товарищи, продовольственные затруднения продолжают. Несмотря на все старания совета рабочих и солдатских депутатов и его исполнительных органов, закупленный в громадном количестве хлеб доставляется в ничтожных размерах. Товарищи, на этой почве, на почве голода и недовольства, возмущение проникает в ваши души. Еще и еще раз мы призываем вас не приходить в отчаяние. Голод—хорошая почва для провокации. Не поддавайтесь, товарищи, агитации наших врагов».

И в этот тяжелый для борцов и защитников Бакинской коммуны момент опять приходит на помощь т. Сталин. 29 мая он телеграфирует:

«Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я — Сталин — нахожусь на юге, скоро буду на Северном Кавказе. Линия Хасаф — Юрт — Петровск будет исправлена во что бы то ни стало. В помощь для Баку будет отправляться регулярно все. Сегодня выезжает нарочный из Царицына с письмом Шаумяну. Хлеб пошлем во что бы то ни стало. Просим укрепить фронт Аджикабул, не падать духом».

И в тот же день в реализацию этой телеграммы пришло сообщение от т. Орджоникидзе:

«Завтра отправляем 10 тыс. пуд. хлеба водой. Издано распоряжение о немедленной отправке двух маршрутных поездов—Ставропольской и Терской».

И хлеб пошел. Он пришел водой через Шендриковскую пристань, но его было недостаточно и хватило его ненадолго.

Наступила жара. В Баку началась холера. На фронте бойцы доходили до обморочного состояния. Нехватало воды.

В этот напряженнейший для защитников Бакинской коммуны момент эсеры, меньшевики и дашнаки пустили грязную клевету, что большевики желают сдать Баку немцам, в то же время они сами тайно посылали своих представителей в Персию к английскому агенту, генералу Денстервилю, с просьбой притти в Баку в целях избавления имущих классов от власти советов.

Одним из роковых шагов для жизни Ба-

кинской коммуны было приглашение бичераховского отряда.

Кочевавший в Персии Бичерахов, английский агент, как впоследствии выяснилось, заявил о своем желании притти в Баку, стать на защиту власти советов.

Положение на фронте во второй половине июня резко меняется. Регулярные турецкие части, возглавляемые немецкими инструкторами, усилили фронт наступавшей на Баку контрреволюции, а меньшевистско-эсеровско-дашнакская агитация разлагала тыл. В июне месяце меньшевистско-эсеровско-дашнакский блок начал широкую кампанию среди рабочих г. Баку за приглашение англичан якобы для того, чтобы спасти Баку от разгрома наступающих турецких войск и тюркской буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Бакинские большевики, проводя независимую международную политику, решительно выступили против этого предложения. Однако под влиянием этой агитации, в условиях жесточайших лишений и голода, под ударами наступающих на Баку вооруженных сил контрреволюции часть бакинского пролетариата дрогнула.

Если 16 июля, при голосовании вопроса о приглашении или неприглашении англичан, бакинские большевики получили поддержку, то уже 25 июля 1918 г. большинство Бакинского совета против воли большевиков голосовало за приглашение англичан в Баку.

«...Тысячу раз правы были наши бакинские товарищи, — писал по этому поводу Ленин, — которые, нисколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом со штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность».

Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т. е. отдаться англо-германскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на де-

ле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами—единственно правильный шаг бакинских товарищей...»¹.

Кто же являлся вдохновителем этой независимой международной политики бакинских большевиков?

Опять-таки т. Сталин. В тот момент, когда меньшевики, дашнаки и эсеры развили бешеную агитацию за приглашение англичан, бакинские большевики запросили у Ленина и Сталина, как быть. И получили ответ, указывающий точное направление дальнейшей деятельности бакинских большевиков в тех труднейших условиях, в которых они оказались.

- Тов. Сталин писал: «По последним сведениям народнические фракции Бакинского совдепа добиваются призыва варягов—англичан якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, готовят почву для оккупации Баку и его районов. Вместе с тем несомненно, что попытка народнических партий кустарным образом разрешить вопрос международной политики в то время, когда V всероссийский съезд советов определенно высказался за независимую политику Российской советской республики, независимую как от немцев, так и англичан, такая попытка народнической партии является грубым нарушением организованной воли народов России в угоду кучке англо-французских империалистов. Именем Всероссийского ЦИК и Совета народных комиссаров я требую от всего Бакинского совета, от армии и флота полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решения V съезда советов я требую от Бакинского СНК безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иностранного капитала, вплоть до ареста членов соответствующих миссий».

Насколько исчерпывающе отвечала телеграмма т. Сталина на запрос бакинских большевиков, видно из телеграммы т. Ленина, который вслед за телеграммой т. Сталина сообщал:

«Могу только поддержать вполне теле-

грамму Сталина против народнической фракции Бакинского совдепа и относительно воли V съезда советов».

Однако, выполнив директиву Ленина и Сталина о проведении независимой международной политики, бакинские большевики не сумели провести в жизнь указания т. Сталина о решительной борьбе с агентами иностранного капитала.

30 июля 1918 г. под влиянием военного поражения, явившегося результатом предательского ухода с фронта отряда Бичерахова и частей Амазаспа, не добившись должных результатов на рабочих митингах, на которых большинство голосовало за приглашение англичан, бакинские большевики добровольно ушли от власти.

Правильно ли поступили бакинские большевики, добровольно сдав власть? Конечно нет. По этому поводу т. Сталин в своей статье «К расстрелу 26 бакинских товарищей агентами английского империализма» писал:

«В августе 1918 г., когда турецкие войска подошли вплотную к Баку, эсеро-меньшевицкие члены Бакинского совета, вопреки большевикам, увлекли за собой большинство совета и призвали на помощь английских империалистов. Бакинские большевики во главе с Шаумяном и Джапаридзе, оставшись в меньшинстве, сняли с себя полномочия и очистили поле для политических противников».

Власть меньшевиков, эсеров и дашнаков—«диктатура Центрокаспия»—вернула эвакуировавшихся в Астрахань большевицких руководителей, посадила в тюрьму Шаумяна и его соратников и, как вы знаете, впоследствии предательски с ними расправилась.

Что может быть ярче и убедительнее той характеристики, которую дал вождь нашей партии т. Сталин этому гнусному убийству: «В «цивилизованных» странах принято говорить о терроре и ужасах большевиков. Причем англо-французских империалистов изображают обычно как врагов террора и расстрелов. Но разве не ясно, что никогда еще советская власть не расправлялась со своими противниками так низко и так подло, как «цивилизованные» и «гуманные» англичане, что только империалистические людоеды, насквозь прогнившие и потерявшие всякую моральную силу, могут нуждаться в ночных убийствах и разбойничьих нападениях на безоружных политических работников противоположного лагеря?.. Приглашая англичан в Баку и предавая большевиков, бакинские меньшевики и эсеры дума-

¹ Ленин, т. XXIII, стр. 155—156.

ли «использовать» английских «гостей» как силу, причем предполагалось, что хозяевами в стране останутся меньшевики и эсеры, «гости» же уйдут во-свояси. На деле получилось обратное: «гости» стали неограниченными хозяевами. Эсеры и меньшевики превратились в неперемных участников злодейского и низкого убийства 26 комиссаров».

Бакинские большевики в конце июля 1918 г. потерпели временное поражение. Однако опыт четырехмесячного пребывания у власти дал бакинскому пролетариату чрезвычайно много. Пройдя через период реакции и захватив в апреле 1920 г. окончательно власть в свои руки, бакинский пролетариат учел уроки Бакинской коммуны, учел все ее ошибки, использовал для дальнейшей борьбы за строительство социализма весь тот колоссальный накопленный опыт, который приобрели бакинские большевики за кратковременный четырехмесячный период своего пребывания у власти.

Подводя итоги борьбы бакинских большевиков за строительство социализма, мы отмечаем еще раз ту гигантскую роль, которую сыграл в жизни Бакинской коммуны вождь нашей партии т. Сталин.

Только благодаря мудрому руководству гениального Ленина и его великого соратника Сталина, их непосредственной помощи бакинские большевики за 4 месяца пребывания у власти смогли достигнуть тех успехов, о которых мы сегодня говорили, так же, как бакинский пролетариат в настоящее время смог достигнуть таких успехов в борьбе за выполнение нефтяного плана только под непосредственным руководством и при повседневной помощи вождя нашей партии т. Сталина.

К ПЯТНАДАТИЛЕТИЮ

ГИБЕЛИ „26“

(1918 — 1933 гг.)

«Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку. Среди нашей добычи находится один из знаменитых героев — Шаумян, которого давно окрестили кавказским Лениным. Они сеяли ядовитые семена недоверия к нашим союзникам англичанам, благородно отозвавшимся на зов бакинцев о спасении. Они все твердили, что рядом с английскими империалистами сражаться честным революционерам позор...»

Так писал, горя бешеной ненавистью к большевикам, орган закаспийского правительства эсеров «Голос Средней Азии» в своей передовой 20 сентября 1918 г. И в ту же ночь закаспийские социалисты-революционеры при активном участии английских интервентов в Закаспии зверски убили вождей бакинского пролетариата — 26 комиссаров.

25 июля 1918 г. на чрезвычайном расширенном заседании Бакинского совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов была принята резолюция объединенного блока эсеров, меньшевиков и дашнаков о приглашении английских войск в Баку.

Предложение большевиков «отстаивать Баку своими революционными силами и положить конец всякой растлевающей и дезорганизующей агитации за приглашение англичан» было отвергнуто большинством 23 голосов.

«Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны» — так расценивал Ленин позиции бакинских большевиков во главе с Шаумяном.

Но, занимая совершенно правильные позиции в этом вопросе, бакинские большевики вместе с тем проявляли излишнюю мягкость в отношении предательских партий и совершили крупнейшую ошибку, добро-

вольно передав власть контрреволюционным мелкобуржуазным партиям.

Измена Бичерахова¹, верного сатрапа и пса английского империализма, оголившего 30 и 31 июля фронт, и очередное предательство партии армянской буржуазии «Дашнакцутюн»², не пожелавшей выставить на фронт своих воинских частей, сделали, как это признал Бакинский совнарком, дальнейшее пребывание большевиков у власти при этих условиях бесполезным и недопустимым. Передовой отряд английских войск быстро приближался к Баку.

31 июля на экстренном заседании Бакинского совета Совнарком во главе со Степаном Шаумяном сложил свои полномочия. После оглашения декларации, в которой заявлялось о нежелании быть пособником английских империалистов и соучастником в предательстве российской рабоче-крестьянской советской власти, Совнарком объявил о своем уходе от власти и эвакуации военных сил и государственного имущества Советской России в Астрахань.

Значительная часть бакинских рабочих поверила лживым обещаниям контрреволюционных партий, что только англичане могут принести спасение советской власти, что только с помощью вооруженных сил англичан можно отбить подступавшего уже к воротам города вооруженного врага — турецкую армию и муссаватистские³ банды, что только они помогут закрепить завоевания, достигнутые в результате пролетарской революции, и ликвидировать голод.

Волна контрреволюционных восстаний эсеров против советской власти, разлившаяся в июле 1918 г. по всей России, докатилась и до Баку.

Власть советов в Азербайджане, проделав за короткий срок своего существования (31 марта — 31 июля 1918 г.) громадную

¹ Бичерахов Лазарь, полковник, возглавлял отряд партизан белогвардейцев и эсеров в Закаспийской области. Состоял на службе у англичан.

² Дашнакцутюн — армянская националистическая партия — возникла в Турецкой Армении в начале 90-х годов. В 1921 г. дашнаки были окончательно изгнаны из СССР. Сейчас за границей Дашнакцутюн из реформистской националистической партии переродилась в прямую агентуру империализма.

³ Муссават (равенство) — тюркская буржуазно-демократическая партия федералистов. После советизации Азербайджана часть Муссавата ушла в подполье, часть эмигрировала. В эмиграции Муссават находится в тесном союзе с грузинскими меньшевиками и вместе с ними составляет резерв мирового империализма для борьбы с СССР.

работу в области социалистических мероприятий, потерпела временное поражение.

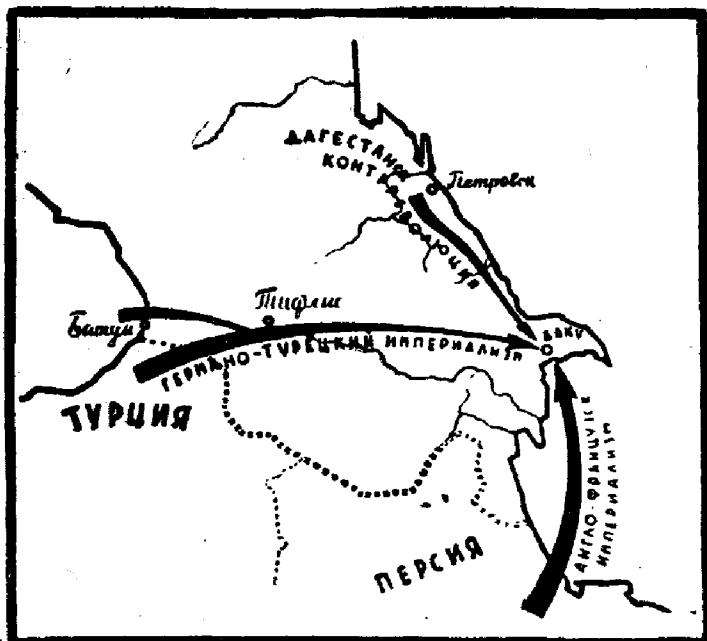
Перефразируя слова Маркса, можно сказать, что созданное на ее развалинах правительство «национальной обороны» — Диктатура Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета — с самого своего рождения не могло быть не чем иным, как правительством народной измены.

На состоявшемся 8 августа торжественном объединенном заседании Диктатуры Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета совместно с англичанами, где происходил официальный прием представителей английского командования, почти ни слова не было сказано о практических мероприятиях по обороне осажденного Баку, по ликвидации голода. Нечего и говорить, что о сохранении и спасении советской власти в Баку даже не заикнулись.

В своей статье «Физиономия новой власти», помещенной 11 августа в нелегальной газете «Бакинский рабочий» № 126, Степан Шаумян писал по этому поводу:

«Пусть товарищи-рабочие задумаются над этим вопросом. Мы говорим: четыре оратора на приеме у англичан не посмели заикнуться о советской власти потому, что им этого не позволили бы англичане — злейшие враги советской власти, не заикнулись и потому, что сами ораторы и их партии не признают никакой советской власти, они уже похоронили в Баку советскую власть».

Меньшевицкие же ораторы в своих выступлениях выражали твердую уверенность в том, что «свободная Англия протянет руку» свободной России и окажет ей свою помощь.

Баку в блокаде интервентов и контрреволюции в 1918 году

Своим поведением бакинские правые «социалистические» партии лишним раз подтверждали правильность данного Лениным объяснения успехов англо-французского империализма. «Мы прекрасно знаем,—писал Ленин,—что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой. Мы всегда говорили,—и революции это подтверждают,— что когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающих возможность наживать в их помещичьих интересах,—когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы к отечеству и независимости; мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистическими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример — Украина и Тифлис»¹.

Эта характеристика, данная Лениным, может быть полностью отнесена к Баку, где англо-эсеровский блок в описываемый период временно торжествовал победу.

Однако контрреволюционные партии понимали, что для закрепления своей победы нужно оторвать бакинских рабочих от большевизма, от его вождей, от Октябрьской революции и ее детища — советской власти, во имя защиты которой наемникам англо-французского капитала удалось ввести в заблуждение большинство бакинских рабочих и склонить их к приглашению англичан.

Уже в первые дни после свержения правительства большевиков и прихода англичан начался перелом в настроении рабочих. Героическая защита города большевиками в памятные дни 31 июля — 5 августа лучше всего опровергала клевету об измене, пущенную предателями против большевиков. Неоспоримые факты разбивали явно провокационные сообщения бесчестных клеветников² о желании правительства большевиков передать Баку туркам. К тому же нель-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 158.

² В статье «Бесчестным клеветникам», опубликованной в упомянутом нелегальном номере «Бакинского рабочего», Шаумян разоблачал провокационные приемы и преступный обман партии контрреволюционного блока. Он заканчивал эту статью следующими словами, оправдывавшими себя всем ходом дальнейшего развития революционной борьбы: «Газета дашна-

Расстрелянные бакинские комиссары (слева направо): т.т. Мешади Азизбеков, Алеша Джапаридзе, Степан Шаумян и Ваня Фиолетов

зя было скрывать явно недостаточной помощи, оказываемой англичанами новому правительству Диктатуры Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета как в военно-техническом, так и в продовольственном отношении. Пророческие слова Шаумяна: «Вы не нашли еще Англии, но вы потеряли центральную российскую власть. Вы не нашли еще Англии, но вы потеряли нас», сказанные им на последнем заседании Бакинского совета по поводу результатов голосования, сбывались.

Пребывание Шаумяна и народных комиссаров с большевистскими отрядами на Петровской площади, где они расположились после первой, неудавшейся эвакуации в Астрахань, с каждым днем и часом становилось все более угрожающим для существования нового правительства. Петровская площадь, обратившаяся в уголок Советской республики, манила к себе обманутых рабочих.

«Наша численность,— писал Степан Шаумян 13 августа своей жене в Астрахань,— увеличивается все новыми и новыми вооруженными отрядами. В городе настроение уже изменилось и улучшилось по отношению особенно старается натравить на меня лично темные заблужденные массы и добиться самосуда надо мною. Это нетрудное дело. Это может быть удастся вам, но это не поможет вам, господа; суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете».

нию к нам, особенно в рабочих кругах. Весь город и особенно правительство очень боятся нас. Диктатура Центрокаспия и дашнаки потеряли голову. До сих пор англичан прибыло всего 500 — 600 чел. Вчера вечером наши молодцы из отряда Петрова¹, который нагоняет страх на всех городских контрреволюционеров, захватили и привели к нам двух английских офицеров, мы их освободили. После этого является ко мне Макдонель с визитом для выражения своего уважения...»

Англичане и их друзья прекрасно учитывали, что «шаумяновская цитадель», как называл Петровскую площадь один из «диктаторов», Садовский, будет усиливаться и может заговорить языком пушек.

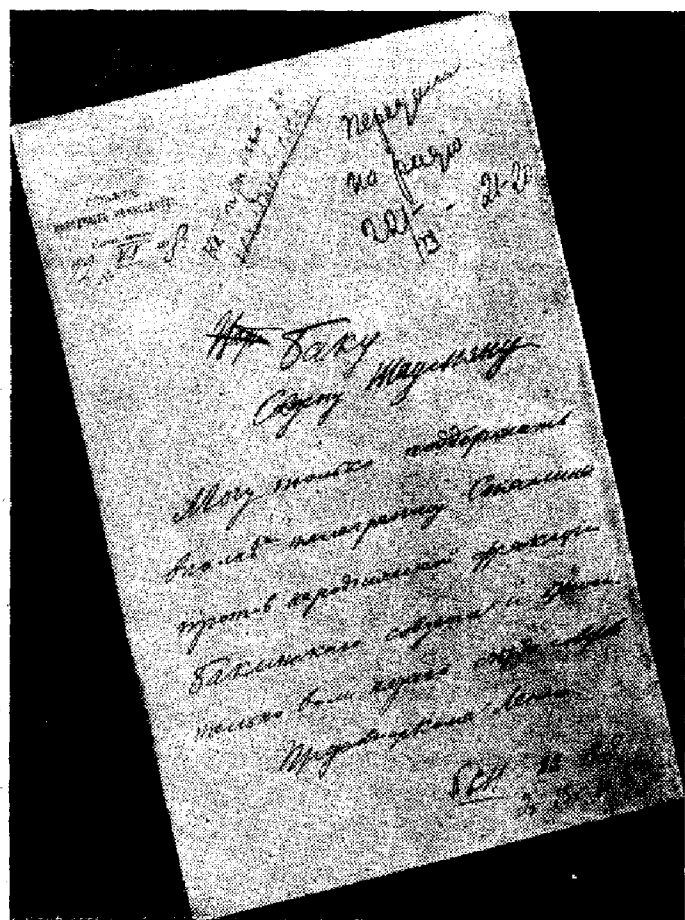
Большевики или Диктатура Центрокаспия — вот две силы, по линии которых шла дифференциация рабочего класса. В этом отношении чрезвычайного интереса заслуживает опубликованное в «Знамени труда» 11 августа письмо в редакцию «К защитникам революции», в котором автор, требуя немедленного переизбрания ненадежных для правительства эсеров Бакинского совета и фабрично-заводских комитетов, между прочим писал: «Этими перевыборами мы прекратим то нежелательное явление, наблюдавшееся теперь: «Ты куда идешь, товарищ? К Петрову? Да.—Я пойду к Биче-

¹ Петров — представитель центральной власти в Баку, левый эсер, командир московского отряда большевиков. Погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

рахову и т. д.». Англо-эсеровскому правительству прежде всего необходимо было расправиться с советским лагерем. Препирательства Диктатуры с Шаумяном начали надоедать английскому генералу, привыкшему к колониальным методам расправы. Не понимая хитрых и извилистых маневров эсеров, он потребовал от них прекращения «пустых» разговоров и открытия решительных действий. В противном случае Денстервиль угрожал серьезным вмешательством во внутренние дела, до замены «вялой власти» правительством союзников с передачей ему, Денстервилю, всей полноты гражданского и военного управления¹.

Однако колебания, овладевшие рабочими и судами военной флотилии, все же не были достаточными для того, чтобы обеспечить большевикам победу, тем более, что призывы большевиков к свержению англичан и правительства контрреволюции не находили отклика в среде солдат дашнакских отрядов, а на помощь из Астрахани в ближайшие дни нельзя было рассчитывать. Вот почему на партийной конференции, созванной 10 августа для намечения дальнейших

¹ Денстервиль, Поход на Кавказ и Персию. Мемуары. Изд. «Советский Кавказ», Тифлис, 1925 г., стр. 197 и др.

Телеграмма, написанная рукой Ленина, Шаумяну

действий, большинством 22 голосов против 8 было принято решение об уходе с тем, чтобы, собрав силы, вернуться и разгромить и англичан и германо-турок. В Баку специально для партийной работы было оставлено несколько большевиков, в том числе т. Микоян.

Эвакуация большевиков и большевистских отрядов была наруку Диктатуре не только потому, что с их уходом прекращал свое существование революционный лагерь, но и потому, что для эсеров открывалась возможность расправы с ними в открытом море, где Диктатура чувствовала себя несомненно сильнее, чем на суше. Именно этим обстоятельством объясняется провокационное согласие Диктатуры на отплытие советских отрядов и комиссаров из Баку. Но, дав согласие, эсеры потребовали от большевиков передать правительству Диктатуры все свои военные запасы.

Партийная конференция категорически отказалась удовлетворить требования эсеров, ибо оставление оружия в Баку означало вооружение контрреволюции.

Настойчивость эсеров в этом вопросе диктовалась желанием помочь оружием своим закаспийским товарищам по борьбе с большевиками. Об этом Садовский официально заявлял несколько позднее, 18 августа, на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Однако задержка пароходов и последовавший за этим арест комиссаров были вызваны отнюдь не отказом сдать оружие, как это объяснялось правыми партиями.

Возможность очередного предательства со стороны контрреволюционного блока казалась Шаумяну вполне реальной, и для того, чтобы обезопасить себя от нападения на море, большевики пытались установить связь с военной флотилией.

«Сегодня вечером, часов в восемь,— писал Степан Шаумян в цитированном выше письме,— предполагаем отправиться. Зайдем вероятно в Петровск для выяснения положения, а затем все, или я один, направимся в Астрахань. «Каро» сегодня вынес окончательное решение «в нашу пользу»— быть с нами. Сегодня надеемся воздействовать на «Ардаган»... Из военных судов «Авиатик» также с нами».

В ночь на 14 августа большевистские отряды во главе с комиссарами отплыли из Баку. Предусмотрительно отправив «Каро» в сторону Петровска и дав возможность пароходам отойти не далее острова Жилого, Диктатура послала свои суда для распра-

Куна
Александр Николаевич
Бичерахов Кошак
военная функция
присвоение № 108 от 19 9 00

Присвоение № 108 от 19 9 00
Пароходские приемы пароходов Туркмен
в приписанности отрядов Амурова
в комиссаров до 200 человек и еще до 200
человек дружи отрядов также в
люди каковы были на пароходах разгул
мелки и 17 отрядов Петровых и
парохода Вятка и Туркмен также
разоружены едновременно владения отрядов
принимать первая моя как капитан-депутат
тириши и я один имелось приказание
функции урны на пароходах из Баку
и вторые на пароходах из Баку
уехали в Петровых арестованных
были комиссары Шаумяна Петровы и
другие вено 24 человек также в пути
наказаны отрядов Амурова письменно
приказали капитану Туркмена сего
вены в Астрахани приказание у нас
имелось в судовом комитете это
приказание отказались исполнить и только
после долгих переговоров с Амуровым
и представителем арестованных
и указаниям оказались погибнуть в
такие недостатки вены не дам в такие
вены вострыми от военных
согласился прийти на в

в Петровых а в Краске
Кому Амуров арест-

Вены на судействе арестованных
комиссаров сиречь от суда в Астра-
хани отряды на разоружены владения
таже эти среди них было много сторонни-
ков комиссаров также вдобав в этом
деле много может доложить капитан
парохода и пассажиры также комиссары
завели это у комиссаров было
много денег в маленьком красном
своем чемодане который не найдено также
просили сразу телеграфировать
первое как поступить с бывшими
комиссарами и Амуровым приехали
полагали если на вострыми и
возвращение от вены стороны предать
их военно-полевому суду также
вострыми разоружили также использовать
оружие и снаряжение отряда для наших
отрядов в вены сильно нуждаемся
и нужно судить самим пущены
ныне обидно пароходов Вятка
и Туркмен и у вены пассажи-
ров и камажур пароходов для
обнаружения денег в 153

Присудили старому Куна

Телеграмма Куна Бичерахову об аресте бакинских комиссаров

вы с «беглецами». Было бы наивно предпо-
лагать, что Диктатура не заметила ухода
19 пароходов. Она сознательно создала про-
вокационную обстановку бегства, чтобы
арестовать Шаумяна и других руководи-
телей бакинского пролетариата.

Но Диктатуре пришлось потратить мно-
го времени и труда, чтобы уговорить ко-
манды «Ардагана», «Геок-Тепе» и «Астра-
беда» открыть огонь по большевистским
пароходам. Три дня шла деятельная пере-
писка радиogramмами между Диктатурой
и посланными ею судами. «Ардаган» требо-
вал точных указаний от Центрокаспия, как
поступить с задержанным отрядом, упро-
жая пустить в Астрахань петровцев, заявив-
ших: «Топите, отряд в Баку не пойдет». Командир «Ардагана» Костюченко извещал:
«Стрелять по русским не будем». Такайшви-
ли с «Геок-Тепе» сообщал, что команда ре-
шила не обстреливать отряд. В ответ на
это эсеровские «герои» в полном согласии
с англичанами, приветствовавшими переход

от разговоров к действиям, приказали ко-
мандам военной флотилии «во имя спасе-
ния Баку для России» немедленно применить
вооруженную силу.

Провокационные лживые фразы оказали
наконец требуемое действие на колеба-
вшихся моряков. Начался дикий обстрел
большевистских отрядов, лишенных воз-
можности сопротивляться на непригодных
для боевых операций судах. Первые сна-
ряды были пущены по «Ивану Колесникову»,
где находились большевистские вожди. Били
в самое сердце. Не имея возможности взять
комиссаров живыми на суше, правительство
приказывало привезти их с моря хотя бы
мертвыми.

Вынужденно выброшенный белый флаг
прекратил обстрел. Комиссары вместе с от-
рядами были возвращены в Баку для того,
чтобы, как было указано в радиogramме
Диктатуры, был произнесен над ними
«справедливый приговор».

Руководители Диктатуры, торжествуя по-

беду, вышли во главе с меньшевиком Садовском, Белунцем, представителем Чрезвычайной комиссии Васиным, дашнаком Тер-Мкртичевым и др. встречать «побежденных». Заместитель председателя чрезвычайной комиссии эсер Далин, выступавший на процессе Фунтикова в качестве свидетеля, показывает¹, что список большевиков, подлежащих аресту, был направлен накануне возвращения в Баку пароходов через председателя комиссии Васина Диктатуре Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета. Кандидаты намечались членами правительства коллективно. Список подлежащих аресту дополнялся тут же на пристани.

Обезглавив бакинский пролетариат, оставив в основном на свободе только лиц, как писало эсеровское «Знамя труда», третьего разряда, Диктатура задерживала и незначительных беспартийных советских работников по одному подозрению их в личной близости с отдельными большевиками. На пристани было арестовано до 35 чел. Офицюз отметил, что «с пароходов были сняты и интернированы все члены бывшего Совнаркома, члены Военно-революционного комитета и некоторые лица по указанию исполкома и Диктатуры Центрокаспия». «Интернированные» были брошены в тюрьму. Остальные большевики и красноармейцы отряда Петрова после разоружения были высланы в Астрахань. Материалы по делу вместе с арестованными революционерами во главе с Шаумяном, Джапаридзе, Фиолетовым, Азизбековым, Басиным, Коргановым, Петровым и другими были переданы Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, взяточничеством и мародерством.

Аресты продолжались. Белый террор усиливался. Чрезвычайная комиссия была беспощадна к тем, чье имя было связано с эвакуацией, кому можно было предъявить обвинение в подрыве своими действиями основы существующей власти, священной частной собственности.

«Социалисты» с честью справлялись с заданиями английского командования.

Созванная «социалистами» 18 августа расширенная конференция фабрично-заводских комитетов и правления профессиональных союзов вынесла по докладу Садовского резолюцию о доверии и полной поддержке временной власти, «поднявшей со всей Россией знамя борьбы против германских на-

сильников». К принятой резолюции было присоединено внесенное меньшевистской фракцией дополнение, которое заканчивалось признанием конференцией бывших комиссаров предателями и врагами народа. Это дополнение облегчало Диктатуре расправу с большевистскими вождями.

И все же контрреволюционеры понимали, что немеленный расстрел комиссаров был политически невыгодным и опасным шагом. Комиссары во главе с Шаумяном, Джапаридзе, Фиолетовым и Азизбековым были связаны с бакинским пролетариатом крепкими нитями долгой революционной работы. Правительство это понимало и выжидало удобного случая для расправы с комиссарами.

Разгром большевистской организации, дискредитация ее в глазах бакинского пролетариата посредством дискредитации ее вождей — вот что характеризует всю полуторамесячную деятельность правительства Диктатуры.

Арест большевиков и заключение их в тюрьму показали еще недостаточной гарантией для изоляции бакинских рабочих от «вредных» влияний. Тогда была пущена в ход новая кампания подлой клеветы и гнусной провокации, теперь уже связанная с обвинением большевиков в мародерстве и казнокрадстве.

Вся контрреволюционная печать, захлебываясь от удовольствия, помещала все вымыслы продажных писак.

Провокационные слухи сеяли среди населения и муссаватисты, не отставая в своих клеветнических выпадах против большевиков от дашнаков и других контрреволюционных партий.

Между тем продовольственное положение города с каждым днем становилось все хуже и хуже. Легенда об огромных продовольственных запасах у англичан разбивалась об упрямые факты. Снабжение даже самих британских отрядов встречало большие трудности.

Продовольственный кризис грозил катастрофой.

В поисках выхода правительство Диктатуры бросилось в Красноводск и Ашхабад.

Связь с контрреволюционным Закаспием устанавливается не только путем взаимной письменной информации, часто проскальзывающей в прессе, но и личным взаимным представительством. Баку посылает в Закаспий вагоны снарядов. Красноводск и Аш-

¹ Дело № 125 Верховного суда СССР за 1925 год, т. III, стр. 90.

хабад шлют «братьям» хлеб, отрывая последние куски от голодных рабочих.

Но и Ашхабад не мог спасти Баку от голода.

Правительство Диктатуры ожидало голодных бунтов.

В десятых числах сентября стали распрстраняться листовки с призывом от голодных граждан собраться на Петровской площади для выяснения положения.

Газеты недвусмысленно указывали на то, что и здесь не без козней «внутреннего врага» (так по-жандармски называли социал-предатели большевиков.—А. Б.). Но населению и в первую очередь рабочим стала ясна полная беспомощность эсеров в продовольственном кризисе.

Не лучше обстояло дело с обороной в Баку.

«Социалисты», зная малочисленность англичан, пригласили последних, меньше всего имея в виду защиту города.

Несмотря на приближение к городу турок, с каждым днем усиливалось дезертирство и мародерство. Бакинские рабочие и дашнакские войска бежали с фронта.

С 1 сентября наступает агония города, продолжавшаяся две недели.

Дело обороны Баку проваливалось, и это было настолько же очевидно, как и невозможность правительства Диктатуры облегчить муки голода.

Рабочие все чаще обращали свои взоры в сторону большевиков, в сторону Баилловской тюрьмы, где сидели арестованные вожди. Это одно уже не давало возможности эсеровскому блоку развернуть наступление на экономические завоевания бакинских рабочих. Пришлось прервать начатую кампанию за денационализацию нефтяной промышленности до более подходящего момента.

Теперь же продовольственные и военные неудачи требовали усиления борьбы с большевиками, влияние которых росло по мере разоблачения подлинного лица правительства Диктатуры и контрреволюционных партий.

Результаты выборов в Бакинский совет III созыва, происходивших в условиях дикой травли большевиков, в условиях жесточайшей цензуры и запрещения большевикам агитировать как в районах, так и в армии, принесли немало разочарований правительству.

По списку № 5 большевиков в Бакинский совет было избрано 28 человек.

В составе избранных находились особенно ненавистные антипролетарским партиям

имена Шаумяна, Джапаридзе, Зевина, Филолетова, Мешади Азизбекова, Басина, Корганова, Малыгина и Богданова, содержащихся в тюрьме по обвинению в военно-политических и уголовных преступлениях.

Это было первым доказательством того, что бакинский рабочий не оторвался от большевиков, какими бы помыями клеветы не обливали их контрреволюционные партии.

Небольшая горсточка остававшихся на свободе большевиков (тт. Микоян, Стурюза и др.), ведших борьбу с предателями и работу по восстановлению партийной организации, держала в напряженном внимании членов совета. Они заставляли прислушиваться тех рабочих, которые еще находились в рядах предательских партий, но уже были недалеки от того, чтобы перешагнуть революционный рубикон.

Из 283 членов Бакинского совета около 40 были большевики и сочувствующие им. Правым партиям приходилось считаться с этим фактом.

Действительное соотношение сил в составе даже этого совета, кассации выборов которого как подтасованных требовали большевики, определялось не голыми цифрами, но растущими симпатиями бакинского рабочего к большевикам.

Это обстоятельство не могло не внушить ужаса «социалистическим» партиям. Поэтому на первом же заседании вновь избранного совета было отвергнуто предложение коммунистической фракции об освобождении, не дожидаясь следствия и суда, заключенных депутатов и о назначении интерпартийной следственной комиссии.

Эсерам нужно было спешить с окончанием «следствия»¹ и физическим уничтожением тех, кого они не смогли уничтожить политически.

7 сентября 1918 г. Чрезвычайная следственная комиссия правительства Дикта-

¹ Собственно о ведении следствия, даже в буржуазном понимании, не может быть речи. Заключенные в тюрьму большевики отказались, по вполне понятным причинам, от дачи каких бы то ни было показаний. В письме от 2 сентября 1918 г. Степан Шаумян писал: «Вчера приходил к нам для допроса следователь из старых николаевских следователей (Жуков А. Б.), выгнал его и заявил, что мы не признаем никаких следствий и судов» (из неопубликованных писем Шаумяна).

туры Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета вынесла постановление, по которому арестованные комиссары во главе со Степаном Шаумяном и Джапаридзе привлекались к ответственности за государственную измену и предательство.

11 сентября «Бюллетени Диктатуры Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета» сообщали об окончании работ военно-следственной комиссии и предании комиссаров военному суду. Одновременно было опубликовано и введено в силу временное положение о военно-полевом суде. Это совпадение было неслучайно.

Весь ход событий, происходивших в последние дни и часы перед падением Баку и переходом его в руки турок, неопровержимо доказывает, что англо-эсеровское правительство, поспешно эвакуируясь из Баку, решило оставить арестованных комиссаров на расправу туркам и муссаватистским бандам, тем самым приводя в исполнение предпрешенный приговор.

Неоднократные обращения большевиков к Диктатуре с требованием освобождения из тюрьмы или эвакуации арестованных из Баку оставались без ответа или прямо отклонялись.

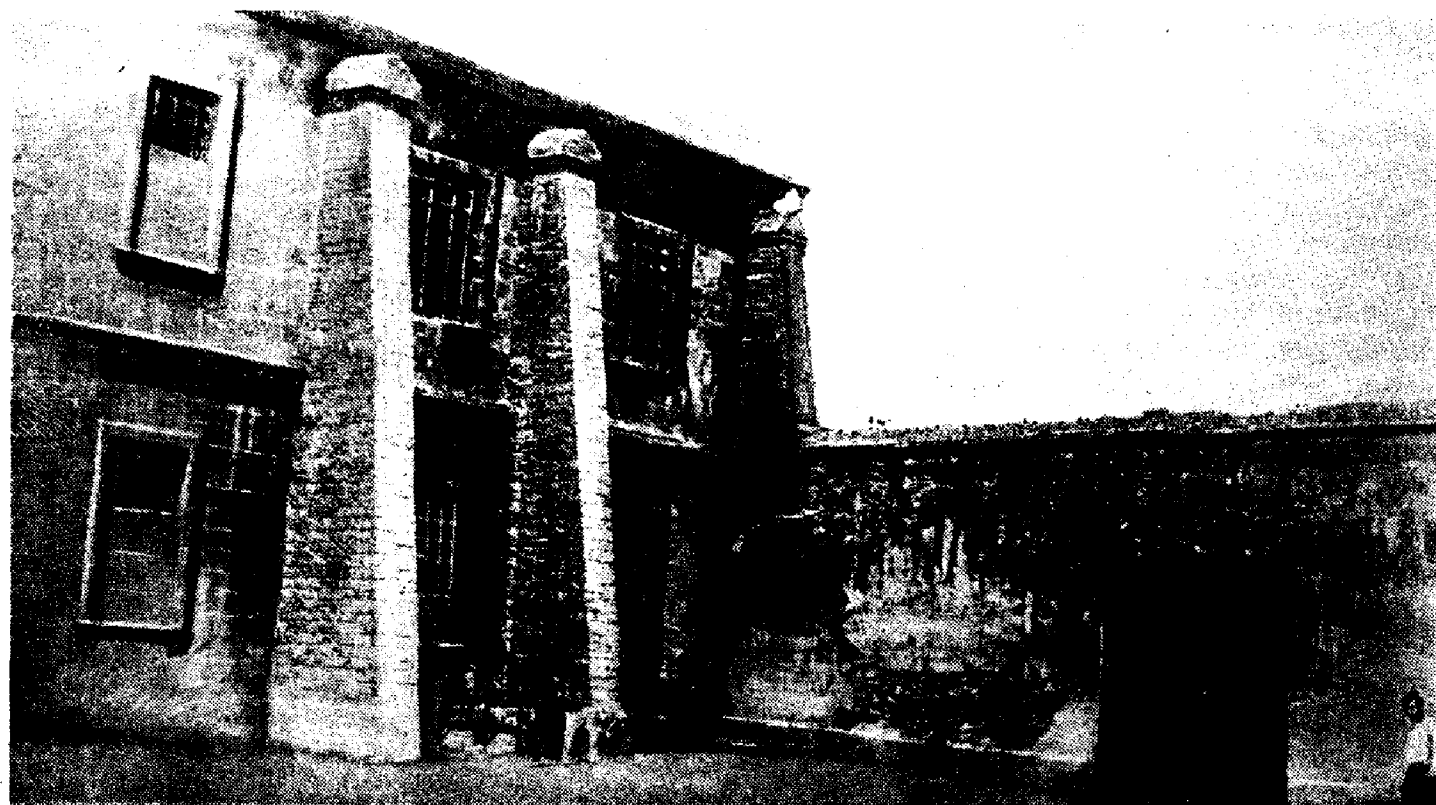
Тов. Микоян например в своем показании следователю по делу Фунтикова писал:

«Когда выяснилось, что сдача Баку неминуема, мы, находившиеся на свободе, начали беспокоиться о том, чтобы Центрокаспий не оставил наших товарищей туркам на растерзание.

Тогда я обратился в Центрокаспий с требованием освободить или эвакуировать арестованных; мне дважды было отвечено Садовским и Багатуровым, что Центрокаспий выносит два раза постановления об оставлении товарищей в тюрьме в Баку, не эвакуируя их, что было бы равносильно убийству их».

«Участь заключенных большевиков очевидно была Диктатурой решена—оставить их на растерзание турок и муссаватистов»—показывал в числе других свидетелей на процессе Фунтикова по делу об убийстве «26» Далин, бывший заместитель председателя Чрезвычайной комиссии правительства Диктатуры, эсер, которого никак нельзя заподозрить в особом пристрастии в тот период к большевикам.

Только благодаря исключительной решительности т. Микояна ему удалось в последний момент, под огнем уже врывающихся в город турецких отрядов и муссаватистских банд, избавить комиссаров от этой участи. Однако, освободившись от бакинских палачей, комиссары после неудачной попытки пробраться на пароходе в Астрахань попали в Красноводск и здесь очутились в

Байловская тюрьма, где сидели арестованные бакинские комиссары

плени у контрреволюционного правительства эсеров, пришедшего к власти в результате разрома большевиков при помощи английских интервентов во главе с генералом Маллесоном.

Бакинские комиссары были немедленно брошены в тюрьму.

Закаспийские палачи были хорошо осведомлены о той участи, которая ожидала арестованных комиссаров Баку.

«Их собирались судить и судить строго. Судьба решила иначе, и они в наших руках» — торжествовала ашхабадская эсеро-рская газета «Голос Средней Азии». «Мы живем в эпоху варварства,— продолжала передовица,— так будем пользоваться его законами. Око за око, кровь за кровь, голова за голову. За каждого убитого эсера и буржуа расстрел большевика... Отныне будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джаларидзе, Корганова, Шеболдаева и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Закаспийские палачи выполнили свое обещание. Они срочно привели в исполнение приговор, вытекающий из обвинительного акта, сфабрикованного бакинским правительством Диктатуры Центрокаспия и президиума Временного исполнительного комитета, но случайно не осуществленного им в Баку.

Только три дня находились бакинские комиссары в Красноводской тюрьме.

Но этого срока было достаточно уполномоченному закаспийского правительства, красноводскому диктатору Куну, для согласования необходимых формальностей, тем более, что председателем великобританской военной миссии в Ашхабаде в то время был Тиг-Джонс, знавший комиссаров как бесстрашных и стойких борцов за дело революции. Участь комиссаров была ясна.

«Представитель английской миссии в Ашхабаде Тиг-Джонс (глава миссии и один здесь) говорил мне лично до расстрела комиссаров, как и Дружкин, о необходимости расстрела, а после расстрела выражал удовольствие, что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен...» — писал впоследствии Фунтиков.

«Когда я спросил капитана Тиг-Джонса о том, известна ли ему судьба комиссаров, он мне ответил, что известна и что великобританская миссия считает это действие правильным» — писал по этому поводу министр

иностраных дел закаспийского правительства эсер Зимин.

Немного времени потребовала организация в Ашхабаде экстренного поезда, и члены закаспийского эсеро-вского правительства во главе с председателем Фунтиковым отправились в Красноводск. В ночь на 20 сентября 1918 г. была произведена зверская расправа над безоружными большевиками в глухой степи, на 207-й версте от Красноводска.

Закаспийские эсеры четверговали 26 бакинских комиссаров во главе со Степаном Шаумяном, Джаларидзе, Мешади Азизбековым, Ваней Фиолетовым.

По показанию Кузнецова, выступившего в качестве свидетеля на процессе Фунтикова, раскопанные им по инициативе группы рабочих через 1 год и 3 месяца тела комиссаров полностью подтверждают этот факт.

Вот что рассказывал свидетель Кузнецов на суде:

«Остановились между станциями Ачкауйма и Перевалом, на 207-й версте между телеграфными столбами 116 и 117.

Разыскивать долго не пришлось, так как, зайдя за песчаный огромный бугор, сразу показался на поверхности земли череп... Череп этот безусловно принадлежал трупам расстрелянных комиссаров, и мы приступили к раскопке земли под найденным черепом. Откопав самое незначительное количество земли, мы обнаружили человеческие кости; принадлежащие этому черепу. Причем кости эти целого скелета собой не представляли, а находились в раздробленном виде, но был ли вместе с костями найден второй череп, я не помню, ибо почти одновременно в шагах 3 — 4 была обнаружена еще могила, в коей при раскопке было найдено еще 8 трупов. Могила эту мы нашли скоро потому, что из-под поверхности земли мы заметили кусок одежды; это получилось потому, что наверное дикие звери и шакалы пытались эти трупы извлечь для пищи. В этой могиле еще не все истлело мясо, были видны волосы, а первый череп был голый. Одежда тоже сохранилась. Помню одежду матроса. У некоторых найдены были книги, деньги бакинские. Трупы найденных в третьей могиле 8 комиссаров, хотя и были в одежде, были совершенно неузнаваемы. Лежали они головами в разные стороны. В стороне от этой могилы мы нашли по треснувшей земле и четвертую могилу, в коей при раскопке было найдено

16 трупов. При обнаружении этих трупов мы все, присутствовавшие, были возмущены зверством белогвардейцев. Две или три головы были совершенно отделены и некоторые находились в ногах, а некоторые совершенно в стороне от туловища; кроме этого у нескольких трупов черепа были совершенно разможжены. Найденные трупы были в страшном беспорядке, перемешаны были головы и ноги.

Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов не были целыми, были перебиты на части и раздроблены...

Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били чем попало, ибо череп разбить на куски одной шашкой нельзя».

Так в пустынных степях Закаспия, далеко от Баку был обезглавлен бакинский и закавказский пролетариат обезумевшими от жажды мести палачами, под маскою социализма, и их соратниками—английскими интервентами.

Убийцы совершили свое дело втайне, не решившись об этом сказать бакинским рабочим. Они распространили ложный слух, что комиссары отправлены англичанами в Индию. Гнусные расчеты предателей не оправдались. Бакинские рабочие вскоре узнали правду.

И эта правда помогла бакинским рабочим под руководством большевиков преодолеть остатки влияния контрреволюционных пар-

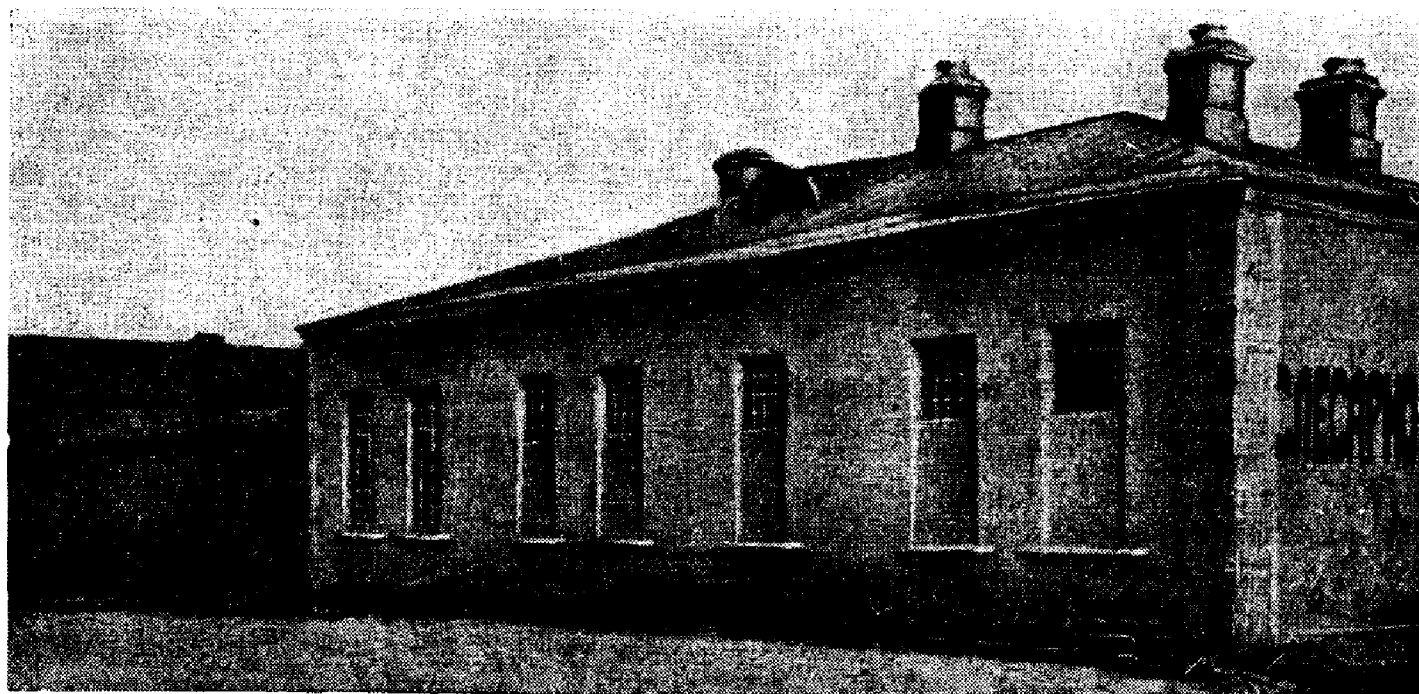
тий эсеров, меньшевиков, дашнаков и муссаватистов, до конца вскрыть их антипролетарскую сущность, осознать допущенные в моменты колебания под влиянием этих партий ошибки, за которые бакинскому пролетариату пришлось поплатиться кровью лучших своих представителей.

Уже спустя 6 мес. после убийства «26», 20 марта 1919 г., бакинские рабочие, за короткий срок испытавшие господство и предательство контрреволюционных партий, ужасы турецкой и английской оккупации, дали клятву на происходившей тогда еще в условиях тяжелого гнета буржуазно-помещичьего муссавата рабочей конференции хранить заветы погибших товарищей и пойти по их пути.

Убийство «26» звало трудящихся к новой борьбе за восстановление диктатуры пролетариата, за большевизм, за социализм.

И бакинские рабочие, возглавляя трудящееся крестьянство Азербайджана, под руководством коммунистической партии большевиков, при братской поддержке РСФСР сбросили контрреволюционное правительство муссавата и восстановили в Баку и во всем Азербайджане 28 апреля 1920 г. советскую власть.

К 15-летию гибели своих славных вождей Советский Азербайджан добился гигантских побед на фронте социалистического и культурного строительства, являющихся торжеством ленинской национальной политики, результатом борьбы против уклонов, за генеральную линию партии, за ленинский ЦК ВКП(б) во главе с т. Сталиным.

Красноводская тюрьма, где сидели арестованные комиссары

КАМО

Прошло больше десяти лет с того дня, как погиб т. Камо, один из замечательнейших большевиков, человек, проявивший в своей революционной работе исключительный героизм. Это был подлинный пролетарский революционер, подлинный большевик, обладавший непоколебимой волей, неутомимой страстью к борьбе. Его первым учителем в деле революции был Сталин, который дал ему его партийную кличку «Камо». Ленин относился к нему с необычайной любовью, и вся его жизнь является доказательством того, что он заслужил их уважение и любовь.

Кто был Камо?

Накануне своей смерти т. Камо заполнил анкету, охватившую основные моменты его жизни. Этот документ, по форме своей обреченный, казалось бы, на сухость, под революционной рукой Камо зацвел совершенно необычайными красками.

АНКЕТА

1. Название организации, выдавшей билет — Московск. орг. Кр.-Пр. район. к-т.
2. Фамилия — Петросов (Камо), имя — Семен, отчество — Иванович.
3. Год рождения — 1882 г.; родной язык — грузинский.
4. Социальное положение — революционер.
5. Образование — 3-классное училище.
6. Какие специальности знает — революционер.
7. Военная подготовка — не имею.
8. На каких языках говорит — грузинский, русский, армянский.
9. Какие местности Кавказа и России знает хорошо — Петроград, Москву и весь Кавказ.
10. Был ли за границей и где — в 19 государствах Европы.
11. Семейное положение, число членов семьи на иждивении — холост.
12. Время вступления в партию — в 1901 г.
13. Какой организацией принят — Тифлис. орг. РСДРП.

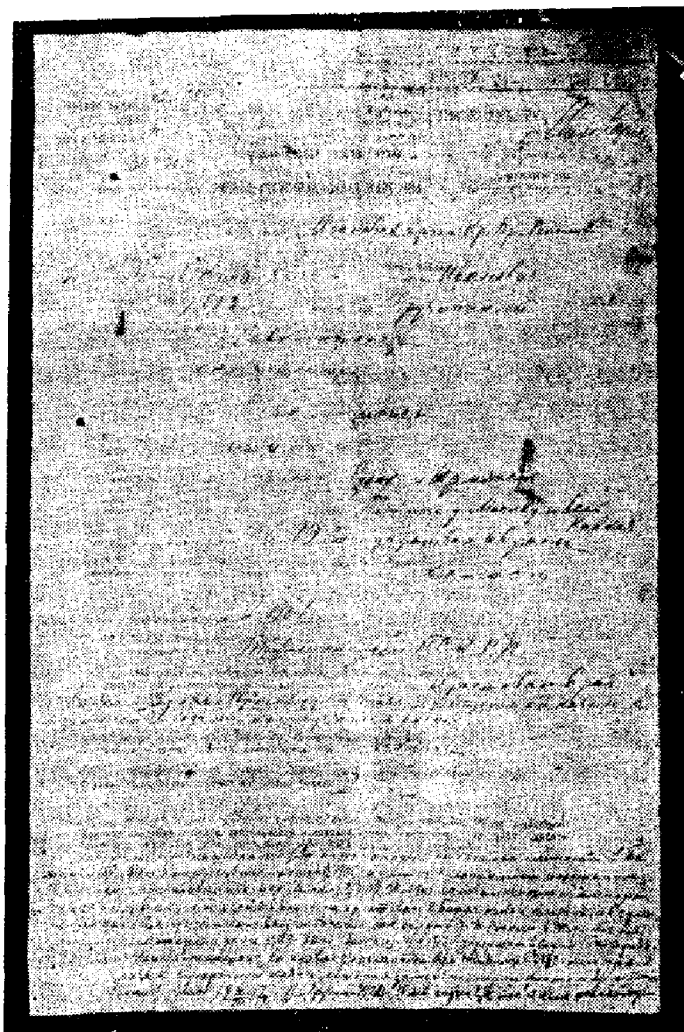
14. Подвергался ли репрессиям за партийную работу, когда, каким — арестован шесть раз, бежал три раза, приговорен четыре раза к смертной казни с заменой 20 годами каторжных работ.

15. Состоял ли в других партиях, каких, когда — нет.

16. В каких профсоюзах состоял до выдачи билета...

17. Краткие сведения о революционной деятельности в Красной армии, профсоюзах, на партерработе:

- 1) За транспорт нелегальной литературы в Батуме 1903 и 1904 гг. в тюрьме 10 м. (бежал);
- 2) 1905 г., за участие в вооруженном восстании 5 раз ранен и арестован 2½ м. (бежал);
- 3) 1907, 1908 и 1909 гг. за организацию транспорта оружия и взрывчатых веществ. В Германии арестован, в Берлинской тюрьме и в сумасшедшем доме 2 года, причем был выдан России как больной. В России в Тифлисе опять в тюрьме и сумасшедшем доме 1909 — 1911 гг. (бежал), в 1912 г. задержан в Софии (Болгария);
- 5) В Турции — Константинополе за провоз динамита;
- 6) В Тифлисе в 1913 г. был при-

Анкета, заполненная лично т. Камо в день его смерти 14 июля 1922 г.

Тов. Камо

говорен 4 раза к смертной казни, которая заменена манифестом 20-летней каторгой. Амнистирован 1917 г. 6/II; 7) В Грузии 1920 г. 15 января сидел 2½ мес., был освобожден.

Прекрасную характеристику Камо как человека и революционера дает Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине:

«Мы имели постоянную явку в столовой технологического института,—рассказывает она.— Это было очень удобно, так как через столовую за день проходила масса народу. Никто не обращал на нас внимания. Раз только пришел на явку Камо в нарядном кавказском костюме; он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет. Все в столовой бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя. «Бомбу принес» — мелькала, вероятно, у большинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз и какие-то засахаренные орехи. «Тетка прислала»,— пояснил как-то застенчиво Камо. Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу, Красину и Богданову. Бывал у нас в Куокалле. Подру-

жился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, о сестрах. Камо часто ездил из Финляндии в Питер. Всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо завязывала ему револьверы на спине.

Приехав в Петербург с документом предводителя дворянства, Камо примеривался, нельзя ли пробраться во дворец и убить царя...»

Но прежде чем рассказывать о жизни Камо, мы объясним, как возникло это его партийное имя.

В конце 90-х годов Камо еще юношей приехал в Тифлис готовиться к поступлению в вольноопределяющиеся. Готовил его к экзаменам т. Сталин, который очень быстро превратил уроки математики и правописания в уроки марксизма и революции.

«Раз,—передает т. Д. Сулиашвили,— когда т. Сосо (Сталин) занимался с Камо, в комнату вошел кто-то из товарищей и стал рассказывать о каком-то интересном происшествии. Камо в это время писал диктант. Он заинтересовался рассказом, но так как разговор происходил на русском языке, которым Камо в то время владел плохо, он, не поняв чего-то, стал беспокойно переспрашивать:

— Камо, слуши, камо? (вместо кому).

Говорившие расхохотались, и т. Сталин с тех пор иначе его не называл, как Камо. Прозвище это утвердилось за ним и вряд ли многие знали его настоящее имя».

Юность Камо

После смерти Камо остались обрывки его автобиографии, которую он писал в последние годы своей жизни. Он успел рассказать только о детстве и нескольких эпизодах первого периода своей революционной деятельности.

Камо родился в 1882 г. в г. Гори б. Тифлисской губернии. Когда ему было семь лет, его отдали в ученье. Затем он поступил в городское армянское училище. Это была типичная школа царской России, где учеников отупляли бессмысленной зубрежкой и ничему не учили.

«До поступления в это училище,—рассказывает Камо,—я хорошо знал русский язык. За три года учения я не только ничему не научился, но перезабыл и то, что знал. Говорить же по-русски я совсем разучился. Учился я очень плохо, особенно не любил арифметики. По поведению больше тройки никогда не было. В старших классах я любил историю и географию. Я очень любил истории Греции. И эта любовь со-

хранилась надолго. Попав в 1912 г. в Грецию, я с бесконечной любовью осматривал ее, любовался древними развалинами и несколько раз посетил Парфенон. До девяти лет я зачитывался Майн-Ридом. Был очень религиозен и пел в церковном хору.

Лет в пятнадцать я стал знакомиться со студентами. В политической жизни страны я тогда еще мало разбирался, но к студентам чувствовал симпатию.

В 1898 г. меня выгнали из школы за лень, и я поехал в Тифлис к тетке.

К этому времени семья моя обеднела, и я хотел подготовиться к экзамену на вольноопределяющегося. К экзамену меня готовил Сталин. Во время занятий он мне раз сказал:

— В лучшем случае из тебя выйдет офицер! Брось лучше эти экзамены, займись другой работой, а пока побольше читай.

Он стал давать мне литературу. Помню, мне очень понравились «Углекопы» Золя, в особенности Жан.

В то время я был националистом. Под влиянием Сталина, общения с передовыми рабочими социал-демократами я стал социалистом. Помню разговор с одним сознательным рабочим, который сильно повлиял на меня. Он мне сказал: «Во всякой нации есть хорошие и дурные люди. Посмотри кругом: дома, театры, соборы — все построено рабочими. Каждая улица замощена ими, а они живут, не пользуясь тем, что сами творят. Значит не вся нация нуждается в улучшении жизни, а часть ее, именно рабочие».

Первые шаги, арест и побег

Как только Камо примкнул к социал-демократии, он сразу же сделался подлинным революционером. На первых порах он выполнял работу по налаживанию связи между кружками, распространял нелегальную литературу, разбрасывал прокламации, участвовал в демонстрациях. В 1903 г. Камо удалось наладить печатание нелегальных армянских книг, устроив типографию.

В те времена т. Сталин работал в Батуме среди рабочих заводов Нобеля и Ротшильда. Он хотел перевести Камо для работы в Батум, но после мартовских событий (расстрел рабочей демонстрации в Батуме 9 марта 1902 г.) т. Сталина арестовали.

Несколько месяцев спустя Камо поехал в Батум, но также был арестован. «27 ноя-

бря 1903 г., — сообщает жандармское донесение, — по прибытии на станцию Батум поезда № 5 жандармский унтер-офицер Евтушевский задержал прилично одетого господина, приехавшего с этим поездом, показавшегося ему подозрительным, с небольшим парусиновым чемоданом и небольшой плетеной корзиной в руках; по вскрытии в них оказалось 1.073 листа прокламации Кавказского союза российской социал-демократической рабочей партии на русском, грузинском и армянском языках одного и того же содержания... При задержанном молодом человеке оказалось — паспортная книжка № 23 1902 г. на имя жителя г. Гори, священнического внука Семена Аршакова Тер-Петросова».

Сам Камо передает факт своего ареста так: «Осенью нужно было отправиться для работы в Батум... На поездку товарищи давали 25 руб. и всегда удивлялись по моим отчетам тому, как я ухитрялся так мало тратить. Билет стоил 4 руб. Я ехал в ту сторону с билетом, а обратно под скамейкой. Обедал я не больше одного раза за все время поездки и всегда был голоден... При аресте кроме литературы при мне было крайне компрометирующее письмо. Могли арестовать и того товарища, к кому оно было адресовано. Мне удалось в полицейском участке, куда сперва меня привели, украсть его со стола и проглотить».

Затем Камо перевели в Батумскую тюрьму, где он просидел в одиночке 4 месяца. Он решил бежать, но из одиночки бежать было невозможно. Тогда Камо настоял, чтобы его перевели в общую камеру. «Попав в общую камеру, я стал осматриваться, — говорит Камо. — Стены вокруг тюремного двора оказались сравнительно невысокими, аршин до семи. С одной стороны была гимназия, с другой бульвар. Я стал подговаривать товарищей к побегу, но надо мной только смеялись...». Но решение Камо было твердо. Оно стало еще тверже после того, как его приговорили к трем годам каторги.

«Настал, как мне казалось, удобный момент, — рассказывает Камо. — Ночь была темная, шел дождь. Перед тюрьмой стоял всего один солдат. Ни на западной, ни на восточной стороне никого из часовых не было. Солдату было приказано палить, не допуская на сажень до стены, я попробовал взобраться на стену, но по другую сторону оказался жандарм и мне пришлось возвратиться обратно в камеру. Однако я не откасался от побега. Так как я болел малярией, доктор разрешил мне рано утром гу-

лять. Как-то в одно яркое солнечное утро я гулял и следил за тенью солдата, который занялся свиньями соседнего двора. Этим свиней арестанты приучили проделывать разные штуки. Выбрав удобный момент, я рванулся, перепрыгнул через стену и упал. Встать было трудно, но я тотчас же встал, натер щеки, чтобы они были не такими бледными, поправил тужурку и по возможности спокойно пошел к углу улицы. Здесь стоял какой-то мальчик. Он спросил у меня, который час, я же просил его найти извозчика.

Вдруг вижу—по улице бегут два человека: куда мне скрыться? Я увидел на правой стороне улицы открытые двери и на случай опасности приблизился к ним. Но все обошлось благополучно. Люди эти бежали по своим делам. Я спокойно сел на извозчика и поехал по адресу, который получил в тюрьме. Товарищи, которые меня там встретили, так мне обрадовались, что хотели заплатить извозчику рубль. Мне едва удалось уговорить их не делать этого, чтобы не возбуждать подозрения, и заплатить, как было условлено, 30 коп.

Я был небрит, бриться же в парикмахерской было опасно. Товарищи принесли талахи¹, я ею намазался, и лицо мое стало совершенно гладким.

Никогда не забуду того прекрасного чувства свободы, которое я испытал, когда перепрыгнул через стену. Сияло солнце, море плескалось—и свобода, полная свобода после тюрьмы! Хотелось бежать, но бежать я боялся, я весь превратился в зрение, все ждал, не приметил ли меня кто-нибудь. Никогда больше не переживал я такого полного чувства радости...

Меня хватились только часа через два, когда приехал адвокат, чтобы опросить меня. Арестанты, не любившие одного тюремного служащего, сказали, что это он меня выпустил, и тот лишился службы...

Через неделю, 1 октября, я надел новую черкеску, выкрасил волосы и поехал на вокзал вместе с двумя провожавшими меня товарищами. Я благополучно добрался до Тифлиса.

В Тифлис мне пришлось приехать в день церковного праздника. Поезд был полон грузинскими князьями, была музыка, все подвыпили. Я назвался имеретинским князем. За мною ухаживали, а я играл на зурне. Когда мы стали подезжать к Тифлисскому вокзалу, я поспорил с одним князем, что

ему ни за что не пройти всю платформу, играя на зурне. Он хотел непременно выиграть пари, пошел с зурной, толпа за ним. Я воспользовался суматохой, нанял извозчика и скрылся. Все кричат, где князь, а князь исчез».

Жандармам не удалось напасть на след беглеца. По приезде в Тифлис Камо немедленно с головой окунулся в революционную работу.

Камо в 1905 году

До II съезда Камо был искровцем. При расколе партии он безоговорочно примкнул к большевикам и до конца своей жизни ни на минуту не порывал связи с большевистской партией.

Наступил 1905 год, год первой русской революции. Перед большевистской партией встала задача непосредственной подготовки масс к вооруженному восстанию. И Камо была поручена работа на самых ответственных и опасных участках этой борьбы. Он руководил нелегальной типографией на б. Бебутовской улице и выполнял в то же время разного рода задания нашей партии по подготовке вооруженного восстания. К концу 1905 г. Камо организовал тайный склад оружия.

Вскоре это оружие понадобилось. 12 декабря рабочие Закавказских железных дорог объявили всеобщую забастовку. Охрана была поручена вооруженным рабочим-дружинникам-милиционерам.

Самодержавие ответило на это об'язлением всего Закавказья на военном положении. Вскоре правительственные войска окружили цитадель тифлисских революционных рабочих—Надзаладеви (ныне Ленрайон). Произошло столкновение с рабочими, при котором было убито 9 товарищей и множество ранено. Весь район был разгромлен. Камо сражался в первых рядах и был ранен. Его захватили казаки. Он знал, что смерть неизбежна, но не потерял присутствия духа и решил прибегнуть к притворству, прикинувшись простачком, совершенно случайно попавшим в беду.

Камо привели в один из захваченных на Накаловке домов.

— Бунтовать захотел! А ну-ка, вздернем его! — решили казаки. Принесли веревку, привязали Камо к крючку на потолке... Камо задергался в предсмертных судорогах...

— Може и не виноват,—говорит один из казаков.

Камо без памяти сняли с петли.

¹ Талахи — глина с примесью вещества, уничтожающего волосы.

— Эй, слышь, ну скажи, был ты с ними или нет? — стали спрашивать его казаки, когда он пришел в себя.

— Ничего не знаю, я крестьянин, бунт не знаю,—отвечал Камо.

— Все равно, брат, смерти тебе не миновать. Лучше всю правду скажи,— убеждает его один из казаков.

Камо заставляют рыть собственную могилу. Он продолжает изображать из себя простака-крестьянина и делает вид, что не понимает того, что его заставляют делать, и усердно работает лопатой.

Когда могила была вырыта, казаки снова вздернули Камо к потолку. Но у Камо уже имелся некоторый опыт висельника. Ему удалось схитрить—он просунул в петлю подбородок, так что веревка не сжимала горла. Тут, в петле, Камо повезло: веревка вдруг порвалась, и Камо рухнул на пол.

Но даже после этой пытки Камо не потерял самообладания и продолжал играть свою роль. Казаков взяло сомнение. Больше вешать они его не стали, и отвели избитого, измученного, окровавленного Камо в Метехскую тюрьму.

Долго близкие и товарищи разыскивали Камо и не могли найти следов. Наконец в один счастливый день сестра его, бродя у стен Метехского замка, услышала знакомый голос, который раздельно произнес:

— Мой велосипед перенеси из подвала в комнату.

Значит жив, не только жив, но и здоров после ранения и стольких мучений!

В тюрьме Камо попрежнему не открывал своего имени, а выдавал себя за крестьянина из села Димиги (близ Тифлиса) Шаншиашвили.

Случай помог Камо. В тюрьме находился некий Шаншиашвили, арестованный по совершенно пустяшному делу. Заметив, что молодой Шаншиашвили слышал о нем и что он предан делу революции, Камо открыл ему свое имя и попросил его обменяться на несколько дней именами.

Молодой человек согласился. Скоро мнимого Шаншиашвили вызвали к следователю. Камо прикинулся простаком и рассказал, что он попал в руки казаков после дежурства в аптеке, где он будто бы служит учеником, когда шел на свидание с невестой. Когда началась стрельба и свалка, он побежал вслед за другими. Однако набегу он упал и расшиб себе голову об острый камень, чем и объясняется его повязка.

— Вы знаете Камо?

— Как не знать кама?¹ Еще бы не знать кама!

— Где вы его видели?

— Гм... Кто не видел кама? Вы тоже должно быть часто видели. В любой зеленой лавке!

Следователь рассердился на тупицу-арестанта, объяснив, что речь идет не о зелени, а о человеке и притом революционере.

Через несколько часов «Шаншиашвили»-Камо, как случайно арестованного, вызвали в тюремную контору и объявили радостную весть об освобождении. Широкие ворота Метеха раскрылись и профессиональный революционер вновь встал на боевую работу.

Боевые группы. Транспорт оружия из-за границы

После декабрьского поражения карательные экспедиции Алиханова — Аварского и других царских генералов залили кровью Грузию. Тифлис представлял собой настоящий осажденный город. Он был объявлен на военном положении. Жандармы и полиция охотились за революционерами. Партия ушла в глубокое подполье, создавая нелегальные типографии, склады оружия, мастерские по изготовлению револьверов и бомб. На все это требовалось много денег. Расходы на подполье и на организацию революционной работы росли, а средств не было никаких. И тогда партия решила произвести ряд экспроприаций денег, принадлежащих казне. Эта задача была поручена «боевым организациям» партии, которые сослужили немалую службу.

Камо поехал за границу для закупки оружия. Вернувшись оттуда, он стал руководителем тифлисской боевой дружины.

Первая экспроприация была совершена на Коджорской дороге близ Тифлиса. Во время подготовки и выполнения этой экспроприации полностью выявились организаторские способности Камо. В течение всего одной недели он разузнал все необходимые подробности: когда отправляется почта, по какой дороге, с какой охраной она идет и т. д. Он изучил местность, выбрал место для засады. Экспроприация удалась. Взято было не то семь, не то восемь тысяч рублей. Товарищи легко разогнали сопровождавших почту стражников, и никто на месте нападения не пострадал. Но через некоторое время на так называемом Солдатском базаре в Тифлисе был арестован один из

¹ Кама — по-грузински укроп.

участников «экса» — Какриашвили, которого опознал сопровождавший почту стражник. Какриашвили был присужден к смертной казни и повешен.

В феврале 1906 г. под руководством Камо был совершон второй экс — в Кутаисе. Историю кутаисской экспроприации мы знаем со слов участницы ее т. А. Сулаквелидзе.

Камо приехал в Кутаис, чтобы установить все необходимые для экспроприации данные и главное узнать, когда отправляются деньги из Кутаисского казначейства в Тифлис. Разузнав все эти детали, Камо вызвал из Тифлиса товарищей — Бачуа Купрашвили, Элисо Ломинадзе, Илико Чачиашвили, Ваню Каландадзе. Были среди эксистов и две женщины — Анета Сулаквелидзе и Саша Дарахвелидзе. На конспиративном заседании был выработан подробнейший план нападения. Экспроприация была произведена около Кутаисской женской гимназии, где перекрещиваются четыре улицы. Одна из этих улиц ведет к берегам р. Рион. Здесь, в переулке, у самого берега в ожидании сигнала к нападению собрались все названные выше товарищи кроме Камо. Камо разгуливал по улице от гимназии до моста, чтобы, как только покажется почта, вызвать их из засады. Поодаль стоял наготове извозчик (член боевой организации), а две женщины рассматривали вещи, выставленные в витрине магазина.

Показалась линейка, на которой везли деньги. Ее сопровождали, кроме кассира, конные стражники. Как только линейка поровнялась с переулком, Камо подал знак. Купрашвили бросил бомбу. Она упала прямо на линейку, взорвалась, убила кучера и лошадь, кассира же легко ранила. Сопровождавшие почту стражники в страхе разбежались.

Ваню Каландадзе с револьвером в руках схватил ящик с деньгами и перебросил его на извозчика, который согласно заранее выработанной программе под'ехал к месту действия; как только стражники разбежались. Женщины вместе с В. Каландадзе поспешно уселись на извозчика, и он погнал лошадей. Свернули на Балахванскую улицу, и тут В. Каландадзе выскочил из экипажа и скрылся. В конце Балахванской улицы заранее была снята комната, куда женщины отнесли ящик с деньгами.

Не успели они извлечь деньги из ящика и сжечь его, как весь район наводнен был казаками. Начались повальные обыски. Не было никакого сомнения, что казаки оце-

нят дом, в котором была снята конспиративная комната.

Оставлять деньги дома было невозможно, так как соседи могли видеть, что какие-то посторонние люди внесли ящик в дом. Но еще более рискованно было выйти на улицу. После тяжелых колебаний решили все-таки, что больше всего шансов на спасение, если убраться из квартиры, — и вот товарищи Анета и Саша обложили себя под платьем ассигнациями (было взято 15 тыс. руб.) и с самым беззаботным и веселым видом вышли из дома. На улице патрули обыскивали буквально всех прохожих. Подойдя к казацкой заставе, женщины вступили в шутливый разговор с казаками. Начальство, ведавшее обысками, было введено в заблуждение. Ускользнув от обыска, товарищи наши благополучно прибыли на квартиру Б. Бибинойшвили на Архиерейской улице, где их ждал Камо.

Через месяц деньги были пересланы в ЦК большевиков. Они были крайне нужны для подготовки V съезда партии (который состоялся в Лондоне).

Если оружием кавказские товарищи были снабжены довольно обильно, то с бомбами дело обстояло неважно. Запас бомб, привезенный Камо из Петербурга, подходил к концу. Нужно было съездить за ними в Финляндию, где находились мастерские бомб большевистской боевой организации.

Для этой поездки Камо достал паспорт на имя предводителя дворянства князя Кокки Дадиани. Мы видим Камо в новой одежде. Он аристократ. Переодевшись в блестящую черкеску, едет он в Петербург и блестяще выполняет партийные поручения. Но больше так рисковать нельзя. Необходимо было устроить мастерскую бомб на Кавказе, и Камо приступил к выполнению этой задачи.

Камо организовал химическую лабораторию в селении Авчалы близ Тифлиса. К этому времени он поселил в аристократической квартире в Сололаках Сашу Дарахвелидзе и Анету Сулаквелидзе. Он запретил всем товарищам по группе навещать их. Приходил к ним только один Камо — и почти всегда в разных костюмах, то в форме казачьего офицера, то в штатском с иголки костюме.

С каждым приходом Камо количество запасов оружия в аристократической квартире увеличивалось. Он приносил с собою то револьверы, то бомбы, то динамит.

Бомбы в лаборатории готовил сам Камо. Помогали ему Ваню Каландадзе и Илико Ча-

чиашвили. Вдруг Камо исчез. «Мы очень забеспокоились,—вспоминает т. А. Сулаквелидзе,—и думали, что Камо попал в лапы жандармов, усиленно его разыскивавших. В конце концов решили побывать у тетки Камо. Тут-то все и выяснилось. Оказалось, что в лаборатории случайно взорвалась бомба, поранив ему кисть руки и глаз. Ему невозможно было выходить на улицу, и он лежал на частной квартире. Лечился он в течение месяца, но глаз уже нельзя было спасти—на всю жизнь на нем осталось пятно. В первое время отчаянию Камо не было пределов: ведь это была примета, которая очень облегчала слежку за ним со стороны жандармов и затрудняла нелегальную работу. Но впоследствии Камо и сам утешался и нас утешал, что он и в таком виде проведет агентов охраны».

В 1906 г. на губернской социал-демократической конференции решено было экспроприированные из Зестафонского казначейства деньги употребить на приобретение оружия за границей. К этому делу был привлечен Камо, который работал главным образом в Тифлисе.

Оружие приобреталось будто бы для Македонии. Специальный пароход «Заря» должен был принять груз в Варне (Болгария). 25 сентября 1906 г. Б. Мдивани, Камо, К. Сулаквелидзе и др. отправились через Петербург в Финляндию, Стокгольм, Штеттин, чтобы совместно с зарубежными товарищами перевезти оружие из Варны в Турцию.

На «Зарю» погрузили ружья, револьверы, снаряды, динамит и, подняв болгарский флаг, отчалили. Экипаж «Зари» состоял всего-навсего из четырех подлинных моряков. Командовал пароходом бывший потемкинец Кавтушенко.

Для укрепления команды парохода своими людьми и для работы в Трапезунде были командированы тт. Камо, К. Сулаквелидзе и др. Товарищи решили во время плавания нести вахты по-двое: двое днем, двое ночью. По предложению Камо в машинном отделении была установлена адская машина, на случай, если «Заря» будет поймана. Провода от адской машины вели в помещение Камо, он мог в нужную минуту пустить судно ко дну.

Плавание «Зари» было очень несчастливym. Вскоре после отплытия «Зари» из Варны на море поднялся жестокий шторм. Пароходик кидало, как щепку. Он трещал по всем швам и наконец не выдержал напора волн. Толчок, отчаянный треск — и вода

хлынула в машинное отделение. «Заря» начала подавать тревожные сигналы, отклика н было ниоткуда. Только двадцать часов после начала шторма подплыли рыбацьи лодки и сняли с борта погибавших. Едва успели они отплыть, как «Заря» легла на бок. Груз погиб. Экипаж укрылся в хатке сулимских рыбаков.

Разными путями, по-одиночке возвратились участники похода в Россию.

Экспроприация на Эриванской площади

Самым блестящим как по выполнению, так и по результатам актом большевистской группы была экспроприация 250.000 руб., совершенная на Эриванской площади 23 июня 1907 г.

Камо был душой этого дела и мастерски его организовал.

Один из участников экспроприации, т. Дзвели, подробно рассказывает о разработке предварительного плана.

Почта должна была проследовать с Лорис-Меликовской улицы (ныне улица Кецохвели) через Эриванскую площадь на Фрейлинскую улицу. Эриванская площадь представлялась наиболее удобным пунктом для нападения, несмотря на то, что она охранялась особенно тщательно. На площади стояло несколько приставов с их помощниками и младшими чинами. Перед зданием городской управы стояло семь казаков. В начале каждой улицы поставлено было по два казака. То и дело по площади и ближайшим улицам проезжали казачьи патрули. Тифлис был в то время на военном положении, и не только казаки, но и городовые были вооружены винтовками.

Деньги охранялись усиленным караулом: впереди ехало трое казаков верхом, за ними извозчик с пятью солдатами, затем извозчик с денежными мешками с одним почтовым чиновником и одним караульным и наконец третий извозчик опять-таки с пятью солдатами. Шествие замыкали три конных казака. По бокам каждого экипажа также гарцовали казаки.

На заранее намеченных пунктах были расставлены члены боевой организации, которые должны были условными знаками сообщать друг другу о приближении казаков и передавать приказания. Роли были распределены.

Камо взял на себя наиболее ответственную задачу—увезти деньги. Он был в офицерской форме. В момент взрыва он должен был примчаться на извозчике со стороны Гановской улицы.

Товарищи расположились на указанных им пунктах. Показались казаки. Бомбы нужно было бросать с таким расчетом, чтобы они взорвались одновременно в разных местах.

Передние казаки повернули на Сололакскую улицу.

Датико Чиabriшвили сделал шаг вперед. Одновременно то же самое сделали все остальные, и местность сотряслась от необычайного грохота... Три товарища ринулись на стоящих на площади полицейских и огнем из маузеров заставили их разбежаться.

Все шло как по-писанному.

Но вот—первая неувязка с планом. Экипаж с деньгами остался невредим.

Испуганные лошади понеслись через площадь к Армянскому базару.

Тов. Бачуа Купрашвили не растерялся и настиг экипаж в конце площади.

Он бросил бомбу в лошадей на таком близком расстоянии, что силой взрыва самого т. Бачуа подбросило на воздух. Он упал на землю почти без сознания.

Когда раздался взрыв, Камо, согласно плану ехал по Гановской улице. Доехав до площади, он не увидел никого из товарищей. Камо догадался, что что-то неладно. Он выехал на площадь и, стоя на подножке экипажа, кричал, ругался, стрелял из револьвера, стараясь привлечь внимание товарищей, тут-то и подоспел Чиabriшвили и передал ему деньги.

Тов. Чиabriшвили, который тоже гнался за экипажем, подоспел как раз в ту минуту, когда экипаж окутало дымом от взрыва. Он схватил денежный мешок и бросился на Вельяминскую улицу. Камо схватил у него мешок и мгновенно скрылся.

Так закончился первый акт эриванской экспроприации. Теперь предстояла не менее опасная задача—сбыть добытые деньги.

Арест Камо и симуляция умопомешательства

Из экспроприированных денег более 100 тыс. составляли кредитные билеты пятисотрублевого достоинства. Правительство телеграфно сообщило серию и номера кредитных билетов во все концы России и за границу. В январе 1908 г. в Мюнхене была арестована Ольга Равич, которая пыталась разменять один из таких кредитных билетов. Через неделю в Мюнхене же были арестованы прибывшие из Парижа студенты—Багдасарян и Ходжамирян, у которых найдено было 17 кредитных билетов. В то же время

арестован был Моисей Волох, у которого обнаружено 12 билетов. Камо прибыл в Берлин с паспортом страхового агента Дмитрия Мирского и там тоже был вскоре арестован немецкой полицией.

При аресте у Камо были обнаружены взрывчатые вещества, машинка загадочной конструкции, которую признали адской машиной, и т. д. Камо предан был суду в качестве террориста-анархиста. Камо уже дважды был приговорен—один раз к каторжным работам, в другой—к смертной казни. И оба раза он бежал. Выдача его русскому самодержавию была равносильна его гибели. С точки зрения немецкой полиции он был международным политическим преступником. Это оказалось шансом на спасение. Началось усиленное следствие по его делу.

За три недели до суда, когда вполне выяснилась возможность выдачи его царскому правительству, Камо прибег к крайнему средству—он начал симулировать буйное помешательство.

Известно, что из всех возможных симуляций симуляция душевного расстройства самая трудная и мучительная. Она требует такого огромного напряжения физических и нравственных сил, что вскоре вынуждает прекратить симуляцию. Бывает и так, что симулянты действительно сходят с ума. Самым устойчивым и упорным из них не удается обманывать врачей более двух месяцев.

Зная обо всем этом, Камо решил все же симулировать безумие. Он стал буйнить, кричать, рвать на себе одежду, бросать на пол посуду с пищей и избивать надзирателей. Начальник тюрьмы велел перевести его в подвальную камеру с температурой ниже нуля, где его совершенно обнаженного продержали сутки. Чтобы не простудиться и не заболеть, он принужден был все время почти без передышки находиться в движении, бегать и прыгать. Затем еще 8 дней держали его в карцере, где он непрерывно буйствовал.

На суде, состоявшемся в ноябре 1907 г., Камо вел себя как буйнопомешанный, и суд постановил перевести его в психиатрическое отделение тюремной больницы на испытание, а также удовлетворил ходатайство адвоката Оскара Кона о назначении его опекуном душевнобольного заключенного. Шесть месяцев находился Камо на испытании. В течение четырех месяцев он не ложился, проводя дни и ночи на ногах. А чтобы отдохнуть, становился лицом в угол и поочередно поднимал то одну, то другую ногу. После этого он стал отказываться от

пищи, но его начали кормить при помощи зонда, причем в борьбе насильственно разжимали челюсти и сломали ему при этом несколько зубов. Камо впоследствии говорил, что молочный режим (его кормили молоком) был ему очень полезен.

Не было конца его изобретательности в проявлениях мнимого безумия. Так однажды он вырвал у себя половину волос и разложил их кучками в виде симметричных рядов у себя на одеяле. Когда врач и надзиратель увидели это, они в ужасе всплеснули руками и закричали: «Шрекдих!» (ужасно). Однажды он по-настоящему повесился, конечно в расчете на бдительность администрации. Расчет его оправдался: он был вынут из петли. Как-то в принесенном ему супе он нашел небольшую кость. Эту кость он отточил и ночью перерезал кровеносные сосуды на левой руке... Психиатрическое испытание длилось шесть месяцев, но тяжчайшие пытки, которые проделывал над собой испытуемый, заставили признать его больным, и в мае 1908 г. его перевели в больницу, где он находился до марта 1909 г.

По прибытии в «Бух»¹ Камо был помещен в палату, где находилось девять буйнопомешанных, которые все время душили, избивали, царапали и кусали друг друга. В этой приятной компании Камо пришлось просидеть больше недели, после чего он был переведен в более спокойное отделение. Однако длительное пребывание в этом отделении, среди людей, потерявших здравый смысл, иногда жалких, кое-когда забавных, часто страшных и всегда готовых на какую-нибудь неожиданную неприятную выходку, было очень тяжелым испытанием. Бежать не было ни малейшей возможности. Как Камо ни обдумывал и ни раскидывал умом, как ни стремился Кон помочь ему в устройстве побега, оба они видели, что тут ничего нельзя поделать. Тогда Кон стал добиваться разрешения на перевод больного в другую лечебницу, откуда легче было бежать. Однако ходатайство его было отклонено.

За время своего пребывания в «Бухе» Камо постоянно наблюдал и присматривался к окружающим его больным. Среди них был между прочим один врач-морфинист, которого поместили в больницу его собственные родители за то, что он тратил на морфий все свои средства и чужие деньги, попадавшие ему в руки. Этот врач, беседуя

с менее тяжелыми больными, рассказывал им о различных формах психических болезней, о характерных симптомах этих болезней и об особенностях их. Камо внимательно прислушивался, стараясь все это усвоить.

В марте 1909 г. администрация «Буха» заявила, что состояние здоровья «душевнобольного террориста-анархиста Петросянца» вполне удовлетворительно, что он совершенно спокоен, в полном сознании и даже может исполнять ручные и садовые работы. После этого Камо снова водворили в следственное отделение тюрьмы Альт-Моабит, тут он снова заболел и на этот раз уже не кустарным способом, а по всем правилам науки и 16 апреля снова был помещен в «Бух».

Камо имитировал больного, страдающего хроническим психозом с расстройством кожной чувствительности. Выражение лица, походка, движения, бред, все поведение этого больного были им мастерски переданы. Врачи были сильно заинтересованы этим явлением и, чтобы вывести ловкого симулянта на чистую воду, подвергли его варварским испытаниям: кололи булавками под ногтями, жгли тело раскаленным докрасна металлическим наконечником. Много лет спустя у Камо на левом бедре еще сохранился шрам от глубокой раны, выжженной этим наконечником (термокаутером). Все эти пытки Камо выносил с величайшим спокойствием. «Ужасно как воняло паленым мясом» — вспоминал он впоследствии. Так как врачи и профессора ни в научной литературе, ни в практике не встречали случая, чтобы человек, обладающий нормальной чувствительностью, мог с такой стойкостью переносить мучения, то волей-неволей им пришлось прийти к заключению, что Камо действительно болел той самой болезнью, которую он имитировал.

Об этом тяжелом времени остались не одни воспоминания и рассказы Камо и О. Кона, но и ряд документов в виде «скорбных листов» в больницах, в которых Камо находился на испытании. Приведем отдельные выдержки из этих «листов», прекрасно характеризующие атмосферу, в которой Камо приходилось бороться за сохранение своей жизни революционера.

«7 февраля 1908 г.— буйствовал, стоит в углу, не отвечает.

10 февраля—разделся, не отвечает ни на один вопрос.

13 февраля—вздыхает и стонет, отказался от приема пищи.

4 июня—проходит, распевая песни.

¹ Берлинская городская больница для душевнобольных.

6 июня—держит себя очень шумно. Пел берлинские уличные песни, заявил, что он Наполеон, что он доктор, что он выпил 10 млн. литров водки.

8 июня—заявил служителю, что его зовут Соломоном Петровским.

10 июня—расцарапывает себе лицо и размазывает кровь.

19 июня — жалуется на головную боль, ударяя себя кулаком, приговаривает: «мертвым быть — не жить».

23 июня — вырвал у себя часть усов, желая послать на память товарищам. Часто плачет, ругает берлинскую полицию по-русски и по-немецки, говорит, что его истязуют испанские инквизиторы.

12 июля — отказывается от принятия пищи.

15 июля — выпил сегодня молоко, когда ему сказали, что оно содержит яд.

25 июля — отказывается уже третий день от принятия пищи. На вопрос — почему не едите, отвечает: «умер».

Такие записи с различными вариантами продолжают в течение целого года.

«Армендирекцион» (так называлось по-немецки учреждение, ведавшее больницами и

богадельнями округа) под давлением германской полиции стала настаивать на передаче Камо русским властям. «Армендирекцион» ссылалась на то, что содержание инвалида чужого подданства не должно оплачиваться немецким населением. Несмотря на меры, принятые Оскаром Коном, 4 октября 1909 г. Камо передали русским жандармам на границе, а жандармы препроводили его в Тифлис, где должен был состояться военный суд, в ожидании которого его заключили в Метехский замок.

Чтобы оградить Камо от быстрой и жестокой расправы русского правительства, Кон написал в «Форвертсе» статью, которая была подхвачена значительной частью германской либеральной прессы. В «Юманите» появилась статья против германского правительства, которое заведомо большого человека выдало в качестве политического преступника варварскому самодержавию. Словом, шум был поднят очень большой; при таких обстоятельствах вздернуть тишком да молчком опасного революционера, как бы это ни было желательно, стало неудобно. Пришлось этим делом заинтересоваться и «сильным мира сего». Конечно не из сочувствия к «душевнобольному» преступнику, а во избежание крупного политического скандала на Западе. Опасения эти следующим образом отразились в письме министра внутренних дел П. Столыпина на имя заместника Кавказа графа И. И. Воронцова-Дашкова.

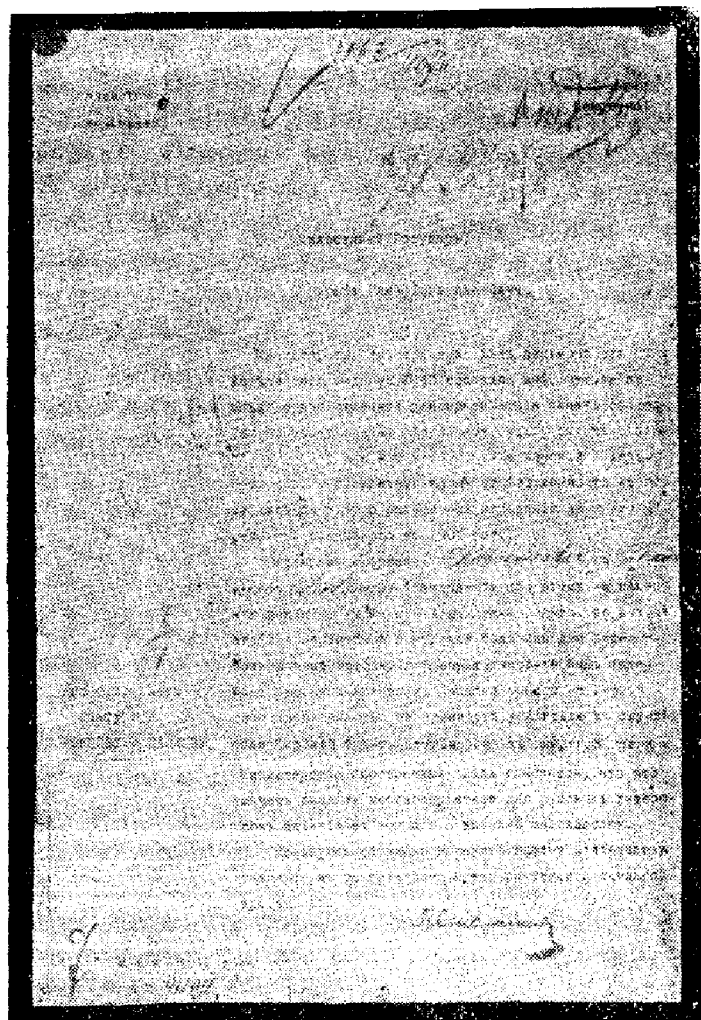
«Секретно.

Милостивый государь

граф Илларион Иванович!

Министерство иностранных дел письмом от 27 апреля с. г. за № 42 сообщило мне, что за последние дни немецкая демократическая печать с особенною страстностью обсуждает судьбу русского подданного Аршакова (он же Мирский и Тер-Петросов), привлеченного к ответственности в г. Тифлисе по делу о разбойном нападении на казенный денежный транспорт в 1907 г.

Радикальные органы «Форвертс», «Франкфуртерцейтунг» нападают при этом на немецкую полицию, выславшую Аршакова-Мирского, по выходе его из берлинской городской больницы для душевнобольных, в Россию, где он тотчас же был задержан русскими властями. Нападки прессы на германское правительство не преминут усилиться в случае, если Мирский будет приговорен к смертной казни, и министерство внутренних дел опасается, что это может оказать не-

Письмо Столыпина Воронцову-Дашкову

благоприятное для русских интересов влияние в вопросе о высылке анархистов»¹.

Благодаря заботам Кона в Тифлис были пересланы свидетельства о хронической болезни Камо, подписанные берлинскими светилами. Врачам-экспертам военного суда пришлось познакомиться с этими именами Запада так же, как Столыпину с либеральной прессой.

Побег из дома умалишенных

По воспоминаниям сестры Камо, Джаваира, прибывши в Тифлис Камо не знал окончательного заключения берлинских врачей о себе. Джаваира при свидании передала ему, что все необходимые документы будут Коном пересланы в Тифлис. Камо продолжал симулировать. Его несколько раз свидетельствовали, так как сильно сомневались, что он действительно помешан. Но Камо стойко перенес все испытания. Приведем один из протоколов освидетельствования его на суде, после которого он был переведен из Метехского замка в психиатрическую больницу.

Вопросы.

1. Как вас звать?
2. Как звать вашего отца?
- Этот вопрос несколько раз повторяется
3. Сколько вам лет?
4. Где вы родились?
5. Что вы делали за границей, чем вы там жили?
6. Где вы родились?
7. Спрашивает доктор Яшвили: «Узнаете вы меня?».
8. Как ваше здоровье?
9. В чем вас обвиняют?
10. Каких партий?
11. Например какие?
12. Какая главная партия?
13. Знаете социал-демократов?
14. А социалистов-революционеров?
15. Коммунистов?
16. Ограбили ли вы кого-нибудь?
17. Писали ли сочинения?
18. А как называются, как заглавие ваших книг?
19. На каком языке?
20. Были на Эриванской площади, когда деньги отобрали?
21. У вас отобрали за границей деньги?
22. А если директор присвоит ваши деньги, что тогда?
23. Как вы спите?
24. Мыши вас беспокоят?

Тут Тер-Петросов вынимает из кармана небольшую птичку, привязанную на веревке, видно привыкшую к нему, и объясняет, что это его Петька.

¹ Речь идет о требовании русского правительства, чтобы русские эмигранты были высланы

1910 г., ноября 24 дня, Тифлисский окружной суд в г. Тифлисе, во 2-м уголовном отделении в смешанном заседании, в следующем составе:

Председательствующий — М. С. Ермолаев, И. Л. Курманович.

Члены суда: Н. Ф. Ильяшенко.

Врачи: Помощник губерн. врача Бродзели, городские врачи: Магалов и Яшвили.

При исполн. обяз. секретаря Я. И. Вайло с участием тов. прокурора Н. Г. Ткачева.

Рассмотрению суда подлежало дело по вопросу об освидетельствовании умственных способностей Семена Аршакова Тер-Петросова, обв. по 2 ч. 102 ст. Уг. улож. 1627, 1630, 1632, 1634 Уст. о наказ.

Заседание началось в 2 часа дня.

В заседание суда был введен свидетельствуемый Тер-Петросов, содержащийся под стражей.

На предложенные вопросы свидетельствуемый отвечал:

Ответы.

Семен Тер-Петросов.

Семен Тер-Петросов.

Тер-Петросов дает тот же ответ.

Тридцать.

Не знаю, я ведь был за границей.

Имел фабрику автомобилей.

Не знаю где, я везде был.

Тер-Петросов радостно смеется и отвечает: «Вы доктор, доктор».

Зубы болят.

Я основатель нескольких партий.

Какие есть в России.

Теперь забыл, потом скажу.

Потом скажу.

Знаю.

Тоже знаю.

Тоже знаю.

Нет.

Писал, очень много писал.

Ну, писал, а заглавие забыл.

На русском, грузинском, армянском, знаю немецкий и очень хорошо пою по-немецки.

Не был.

У меня пятьдесят миллионов рублей за границей у директора.

Мы там все вместе были.

Хожу так, не сплю так.

Камни бросают, масса врагов у меня кругом, все враги, все враги, много врагов.

из европейских стран и отданы в руки царской полиции.

Вопросы.

25. Мыши вас не беспокоят?
26. Откуда вы взяли Петьку?
27. Вы очень любите Петьку?
28. Сколько времени жили в Берлине?
29. Какие?
30. За границей, где именно вы жили?
31. Вену знаете?
32. Тифлис?
33. Лондон?
34. Рим?
35. Америку?
36. А как попали в Америку?
37. Сколько времени жили в Берлине?
38. Чем там занимались?
39. Что вы делали?
40. А сейчас где вы находитесь, куда вас привели?
41. Знаете, что такое суд?
42. За что сидите в тюрьме?
43. За что вас посадили?
44. Кто привел вас в тюрьму?
45. Где вас задержали?
46. За что задержали?
47. Что нашли у вас в чемодане?
48. А папиросы были, пули были?
49. Что тут будете делать, когда вас из тюрьмы выпустят?
50. Куда?
51. Какой теперь месяц?
52. Какой год теперь?
53. Зачем поехали в Берлин?
54. Откуда у вас деньги?
55. Чья фабрика?
56. А где вы работаете?

Свидетельствуемый был удален из зала суда. Смешанное присутствие по совещанию постановило:

«Подсудимого Семена Аршакова Тер-Петросова в видах более точного выяснения вопроса о состоянии его умственных способностей подвергнуть наблюдению психиатрического отделения тифлисской Михайловской больницы».

Несмотря, казалось бы, на явно выраженное безумие, Камо продолжали содержать под усиленной охраной.

Смотритель Метехского замка, за которым числился находящийся в психиатрической больнице Камо, получил от прокурора предписание «содержать Тер-Петросова (Камо) в одиночной камере... и иметь особое бдительное за ним наблюдение». Смотритель ответил на это предписание решительной резолюцией:

«Содержать там же, где сидел и под двумя замками и уведомить, что у меня он был совершенно здоров — это он в суде сделался психически больным».

Ответы.

Лисица ходит на потолке, царапает, все нюхает Петьку, все царапает.

Надзиратель дал.

Как не люблю, очень люблю. Кошка обижает, царапает в дверь.

Долго жил, знаю все города.

Петербург, Тифлис, Москву.

Везде был.

Знаю.

Знаю.

Знаю.

Знаю.

Знаю.

По железной дороге, по машине.

Много.

Эрнст там был, мы с ним были, я у него жил, он директор.

Автомобили.

Хорошая комната.

Знаю.

У меня масса врагов, камни бросают.

Привели и посадили.

Солдаты давно посадили.

За границей.

Врагов масса, врагов.

В чемодане было белье, фабрика.

Не было, нет.

Уеду на автомобиле.

За границу.

Зима, холодно, когда шел, вон на крыше снег.

Не помню.

Там у меня деньги, много денег.

Фабрика автомобилей.

Своя фабрика автомобилей, работает инженер

Эрнст.

В тюрьме, говорят старую одежду продавал.

Но несмотря на эти два замка, Камо все же убежал. Случилось это так.

Камо никогда не оставляла мысль о побеге. Сблизившись с двумя служителями больницы, караулившими специально только его, он склонил одного из них, Брагина, подействовать ему в побеге. Он восстановил связь с товарищами на воле и послал им следующую записку:

«Не думаете ли вы, что я действительно сумасшедший? Я симулирую, меня мучают, страдания дальше становятся невыносимыми, спасение в побеге. Не хочу умереть в тюрьме. Постарайтесь организовать побег, хочу еще поработать на пользу пролетариата».

Вместе с тем он прислал и план побега. Закипела работа по организации дела.

Официальные документы рисуют побег следующим образом: «Попросившись в ва-тер-клозет, Тер-Петросов был выведен служителем из камеры и отведен в отхожее место. В то время, когда служитель на короткое время отлучился от Тер-Петросова, этот

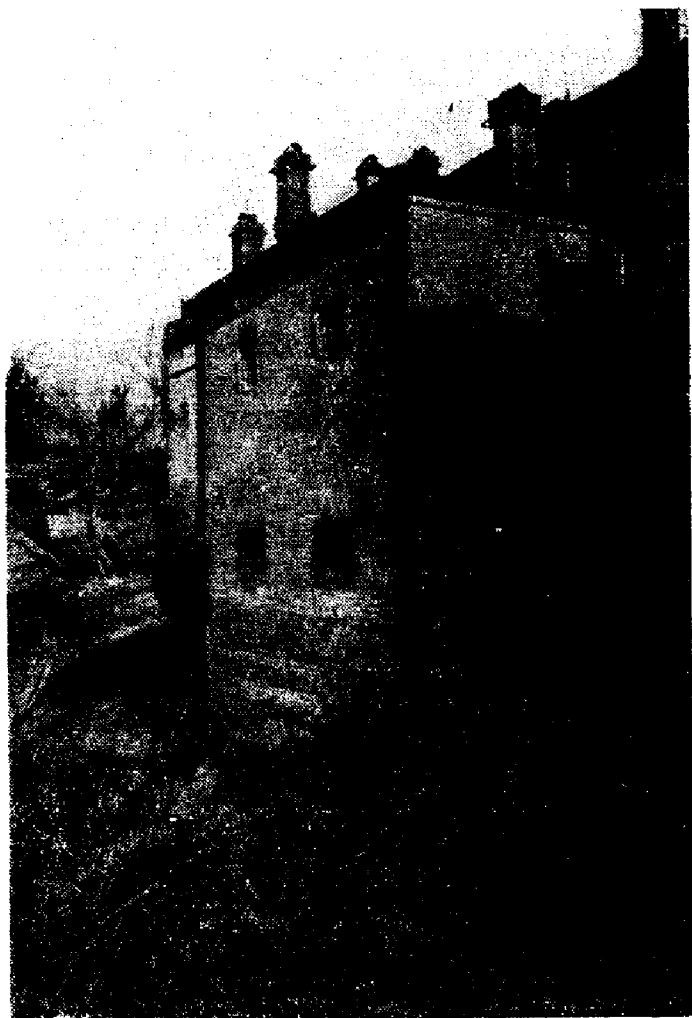
последний выпрыгнул из окна, находящегося в первой комнате клозета—умывальной. Решотка в одном окне была выломлена. Снаружи от земли окно это находится в расстоянии $2\frac{1}{2}$ — 3 сажени. Арестант спустился из окна на тонкой веревке, которая была найдена на земле под окном, здесь же находились несколько тонких лобзиковых пил. Выпрыгнув из окна, Тер-Петросов мог по берегу р. Куры достигнуть или Верийского или Николаевского моста вполне легко по случаю мелководия Куры».

Случилось все это 15 августа 1911 г.

Организатор этого побега К. Цинцадзе так передает план. В 10 час. утра 15 августа Цинцадзе должен был пойти к Верийскому мосту и с правого берега р. Куры, откуда хорошо была видна камера Камо, подать знак в момент, когда он должен был выйти в уборную, где решотки уже были распилены... Но прохожие и целый ряд других обстоятельств помешали Цинцадзе считать момент подходящим. Лишь в 1 час пополудни он подал сигнал: троекратно махнул белым платком. «Через пять минут из окна спускается веревка. Еще секунда и по ней скользит Камо, — рассказывает К. Цинцадзе. — Когда Камо спустился приблизительно на две сажени, веревка оборвалась и он упал на землю. Удивительно. Веревку купил я сам. Она выдерживала мою тяжесть: четыре с половиной пуда. Камо же весил тогда по всей вероятности не больше двух с половиной пудов. Сердце у меня сжалось, не повредил ли он чего-нибудь?»

Камо быстро встает и направляется к реке. В руках у него узелок с кандалами. Он бросает их в воду. Выходит на островок. Оттуда под Верийский мост к Набережной. Берег немного крутоват, я спешу к нему на помощь, подаю руку и помогаю выбраться на улицу. Первое его слово — вместо приветствия, — как это я ему прислал гнилую веревку? Он ругает меня своей особенной руганью, за которую на него никто никогда не сердился. Я накидываю на него плащ, даю свою фуражку: в кармане у меня запасная фуражка. Беру под руку и мы идем по Набережной. Выходим на Великокняжескую (теперь ул. Камо), отсюда на Плехановский проспект. Садимся на извозчика. На Черкесовской улице мы отпускаем извозчика и едем на трамвае два квартала. Это для того, чтобы не оставить следов для собак-ищеек».

Камо был спасен, но организаторы побега вскоре были арестованы благодаря тому, что надзиратель Брагин, помогший Камо

Дом умалишенных в Тифлисе

бежать, попал в руки жандармов и дело раскрылось. Все они были приговорены к каторжным работам. Но до ареста их товарищи успели переправить Камо через границу, и он был уже недосягаем для русской полиции.

Пребывание Камо за границей и возвращение

Мы очень мало знаем, где был и что делал Камо за границей после побега. Дошедшие до нас отрывочные сведения совершенно недостаточны. Известно, что он побывал в Париже и на Балканах, попал в Константинополь, жил из конспиративных соображений среди грузин и католиков, подготовлял какие-то крупные акты для Закавказья.

Камо приехал в Тифлис видимо летом 1912 г. и привез с собой груз взрывчатых веществ и вероятно оружие.

«Однажды, — рассказывает т. А. Бубуришвили, — возвратившись домой, я узнал, что меня поджидает какой-то иностранец. На встречу мне поднялся жгучий брюнет, в очках, одетый по последней моде. Ни одной черты, напоминающей Камо, не было в этом иностранце — и тем не менее это был он. На

этот раз он прожил у меня около недели. Он выходил из дома только по ночам и вел напряженную подпольную работу. Загримирован он был настолько хорошо, что самые близкие люди не узнавали его. Но в окружении Камо видимо вертелись изменники. Около Северных номеров, где он был прописан, кружили группы филеров».

Тифлисское жандармское управление было вполне точно осведомлено о приезде Камо и немедленно оповестило о нем свои отделения.

Каджорское дело

Вскоре после приезда Камо 24 сентября 1912 г. на Каджорском шоссе в трех верстах от города было произведено нападение на следовавшую из Тифлиса почту. Нападавших было человек восемь. Они бросили три бомбы в охрану. Три стражника и ящик оказались убитыми, стражник и почтальон ранеными. Раненый стражник стал отстреливаться. Поднялась тревога. Нападавшие не проявили ни находчивости, отличавшей прежние акты Камо, ни твердой спайки. Они

*Заранее выигранная борьба с охраной в 1912 г.
Все же добродетель, которой являлся считал
себя победителем; Являя надежду на окончание
борьбы с охраной. А люди бросились
свои ружья, как и жила камчатка
на шоссе, что и было целью. Являя
надежду. Хотя они и были уверены, что
было неслучайно, и в котором
не было и мысли и за тем же делом.
Добродетель, все же не перебралась в
мечта и не волновалась об этом. Являя
виде не перебралась и не знала, что
идея была выиграна, что была
для борьбы с охраной. Для борьбы
с охраной и в то же время и
грабить почта охрану и перебралась
для борьбы с охраной, что и было
для борьбы с охраной. Являя
надежду и в то же время и перебралась.
И не сломалась на все же не сломалась.*

Пис. по Камо и семье из Харьковской каторжной тюрьмы

бросились бежать, не взяв денег. Четверо из них скрылись в городе.

Заработала охранка, пошлили в руки следователей «агентурные сведения», на этот раз отличавшиеся той подозрительной точностью, которая обычно указывает на присутствие предателя либо в недрах преследуемой группы, либо в ближайшем ее окружении.

В первые же дни после неудавшегося экса начальником сыскного отделения были получены указания, что один из главарей этого дела некто «Гиго», бомбист-террорист, участвовавший в целом ряде террористических выступлений с бомбами в Закавказьи, а затем в Персии¹.

1 января 1912 г. были арестованы 18 человек, среди них Николай Трайчев (Гиго Матиашвили) и Михаил Жгенти (Камо).

9 февраля 1913 г. арестованного и законченного в кандалы Камо приводят в 11-е уголовное отделение тифлисского окружного суда для освидетельствования его умственных способностей. И Камо, и прокуратура, и врачи знали, что это пустая формальность. С симуляцией было покончено: после побега из Михайловской больницы и неоднократных эксков ничего не могло спасти Камо. Ответы его врачам на этот раз резко отличаются от ответов предыдущих освидетельствований. Они коротки, резки, небрежны. Камо теперь безразлично, поверят или не поверят слушатели его запискам. Все его «не помню» имеют в виду не врачей, а следователей и охранку. Ряд отрицаний—«я не бежал», «Брагина я не знаю» — и др. произносится на всякий случай, чтобы не связывать себе рук во время следствия. Камо не сдаётся, но в словах его чувствуется уверенность в полной безнадежности борьбы.

Камо привели в Метехский замок в кандалах и наручниках. 2 марта 1913 г. Камо был приговорен к смертной казни. Но и тут он неожиданно спасся. По манифесту по поводу трехстолетия царствования Романовых смертная казнь была заменена двадцатилетней каторгой. Он полушутя, полусерьезно говорил: «Не хотелось мне по манифесту избавиться от смерти. Лучше бы своими средствами. Но все равно — долго я сидеть не буду. Я отомщу им за свое спасение».

Камо оставался в Метехском замке до марта 1915 г., когда его перевели в Харьков-

¹ «Гиго» (г. Матиашвили) был близким товарищем Камо и считался одним из специалистов по изготовлению бомб образца Камо. Он был арестован и умер на каторге.—Б. Б.

скую каторжную горьму. Нужно отметить, что и после неудачной попытки к побегу Камо ни на одну минуту не переставал мечтать о бегстве. Мечта его чуть не исполнилась при переводе его из Тифлиса в Харьков. Помешали совершенно случайные и незначительные обстоятельства, и дело снова провалилось.

Освобождение

Началась томительная, однообразная тюремная жизнь. Казалось, исчезли все надежды на освобождение.

В одном из писем к сестрам Камо сообщает свой харьковский адрес: «Временная каторжная тюрьма. Главный корпус, отд. 2, камера № 15». В этих письмах Камо проявляет поразительную бодрость и стойкость. Он неизменно успокаивает близких насчет своего физического и душевного состояния. Почти во всех письмах он повторяет стереотипную фразу: «Я жив, здоров и очень бодр», «Я жив, здоров и бодр, жду лучшего будущего. У меня железная натура и все для меня ни о чем».

Лишь один раз, повидимому после тяжелой болезни, Камо изменяет эту фразу так: «Я жив и немножко здоров, но очень бодр и не теряю надежды на лучшее будущее».

Но вот наступает февраль—март 1917 г. Камо, всегда такой спокойный в письмах, выдает трудно сдерживаемую тревогу. Почему его до сих пор не освобождают, кто те люди, что взяли в свои руки власть, не забыли ли о нем товарищи?

Нетерпению Камо вскоре был положен конец. 6 марта его освободили из Харьковской каторжной тюрьмы.

Камо после революции

В апреле 1917 г. Камо приехал после освобождения из Харьковской каторжной тюрьмы в Тифлис. Долгие годы борьбы не могли сломить его могучей воли, но физически он был почти сломан.

И вот он опять в родном Тифлисе, среди товарищей и близких, окруженный их заботами и уходом. В июле 1917 г. Камо уехал лечиться.

Он быстро восстановил силы и решил почитать человека, которого беззастенчиво любил и которому безоговорочно верил,—Ильича. В конце августа Камо поехал в Петроград. Но как раз во время пребывания Камо в Петрограде Ленину пришлось скрываться от агентов временного правительства, отдавшего приказ об его аресте. Камо удалось познакомиться только с Надеждой Константиновной Крупской. 15 сентября он возвратил-

ся в Тифлис. Через несколько месяцев он снова поехал в Россию.

В декабре 1917 г. по предложению т. Шаумяна руководящие партийные организации большевиков направили т. Камо с письмом Шаумяна к Ленину в Петроград.

Кубань и Дон в то время находились в руках контрреволюционных элементов. Закавказские большевики были отрезаны от центра революции. В Закавказьи господствовали меньшевики, эсеры, муссаватисты и дашнаки.

Препятствий на пути встретилось немало, однако Камо посчастливилось, и его огромный конспиративный опыт помог ему миновать многочисленные фронты. Немедленно по прибытии в Петроград он имел свидание сначала с т. Сталиным, а затем одновременно со Сталиным и Лениным.

Выполнив все поручения, Камо снова вернулся на Кавказ.

Летом 1919 г. Камо вместе с т. Серго Орджоникидзе, его женой Зиной и с женою погибшего Алехи Джапаридзе отплыл на рыбацкой лодке из Баку с тем, чтобы через Астрахань пробраться в Москву.

Был разгар гражданской войны и борьбы с Деникиным. С согласия Ильича Камо организовал отряд, который должен был проникнуть в тыл Деникина.

Отряд участвовал в боях под Курском. Дружинники по совету Камо имели при себе погоны, чтобы в случае надобности замаскироваться от белогвардейцев. И действительно погоныгодились. Отряд Камо занял под видом белых Малоархангельск.

За этот геройский подвиг отряд должен был, по докладу т. Дементьева, получить боевую награду.

3 октября 1919 г. отряд возвратился в Москву. Здесь проведены были занятия по бомбометанию. После окончания подготовки для подрывной работы в тылу неприятеля Камо и его товарищи решили обойти Деникинский фронт через Астрахань, Баку и Грузию и ударить в глубокий тыл.

28 октября отряд был у Астрахани. Из Астрахани выехали на парусном суденышке в Баку. Остановились в сорока верстах от города, возле островка, где дружинников должны были встретить бакинские товарищи. Но на остановке никого не оказалось. Камо один, каким-то чудом, проник в Баку. Возвратившись после разведки, он вместе с товарищами погрузил боевые припасы на судно и перевез их в Баку.

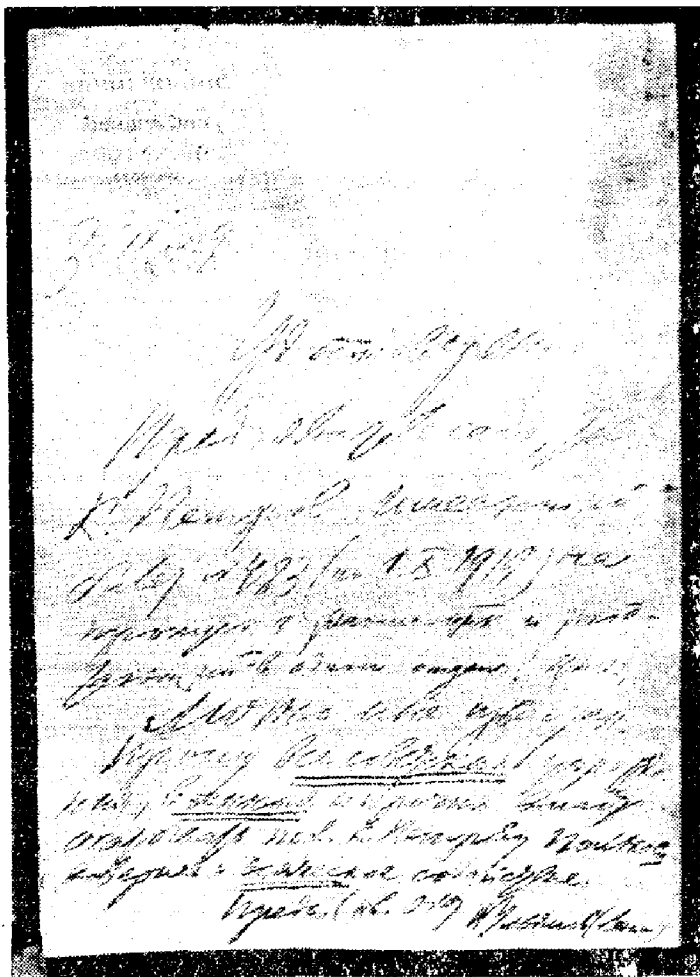
В Баку некоторые члены отряда были арестованы муссаватистами, но в конце концов

им удалось освободиться с помощью фальшивых документов и взяток. Оружие же и припасы были размещены у надежных людей в различных районах Баку.

Члены отряда Камо жили главным образом в рабочих кварталах. В это время деникинские войска начали общее наступление, и бакинская партийная организация решила использовать отряд для переворота в Азербайджане. Но сам Камо ни за что не хотел отказаться от первоначальной идеи. Он задумал вместе с несколькими товарищами пробраться в Новороссийск, где тогда находился штаб Деникина, и взорвать штаб.

Камо отобрал необходимые ему боевые запасы и взял с собой четырех женщин. Он считал, что женщине легче провезти боевые припасы, чем дружинникам. Исполнителей же Камо надеялся найти среди новороссийских партийных товарищей.

Накануне отъезда Камо, загримировавшись, переделался в национальный грузинский костюм. При нем были документы на имя князя Цулукидзе. Поезд уже отходил. Но вдруг на платформу высыпало множество жандармов. Члены отряда, пришедшие проводить Камо, были поражены и обеспокоены их количеством.

Удостоверение Камо, лично написанное т. Лениным

Камо вышел из вагона и с раздражением стал распекать жандармов.

— Что это за безобразие! Мой вагон отцеплен. Сколько хотите и где хотите ищите этого Камо, но не задерживайте же моего вагона.

Во всем поезде было арестовано человек двадцать подозрительных. Всех их взяли в кабинет начальника жандармского отделения для выяснения личности. Через несколько минут туда же прошел и Камо в сопровождении офицера. Товарищи решили, что Камо арестован...

Часа через два они собрались, чтобы обсудить вопрос, как спасти Камо. Но вот открывается дверь и входит Камо.

— Арестовали трех Камо, а меня отпустили с извинениями,— рассказывал он со смехом.

— Откуда же ты появился?

— Не мог же я ехать в поезде, в котором все говорили о Камо. Я сошел на первой же станции и приехал сюда на извозчике. Женщины же пусть едут. Это даже лучше.

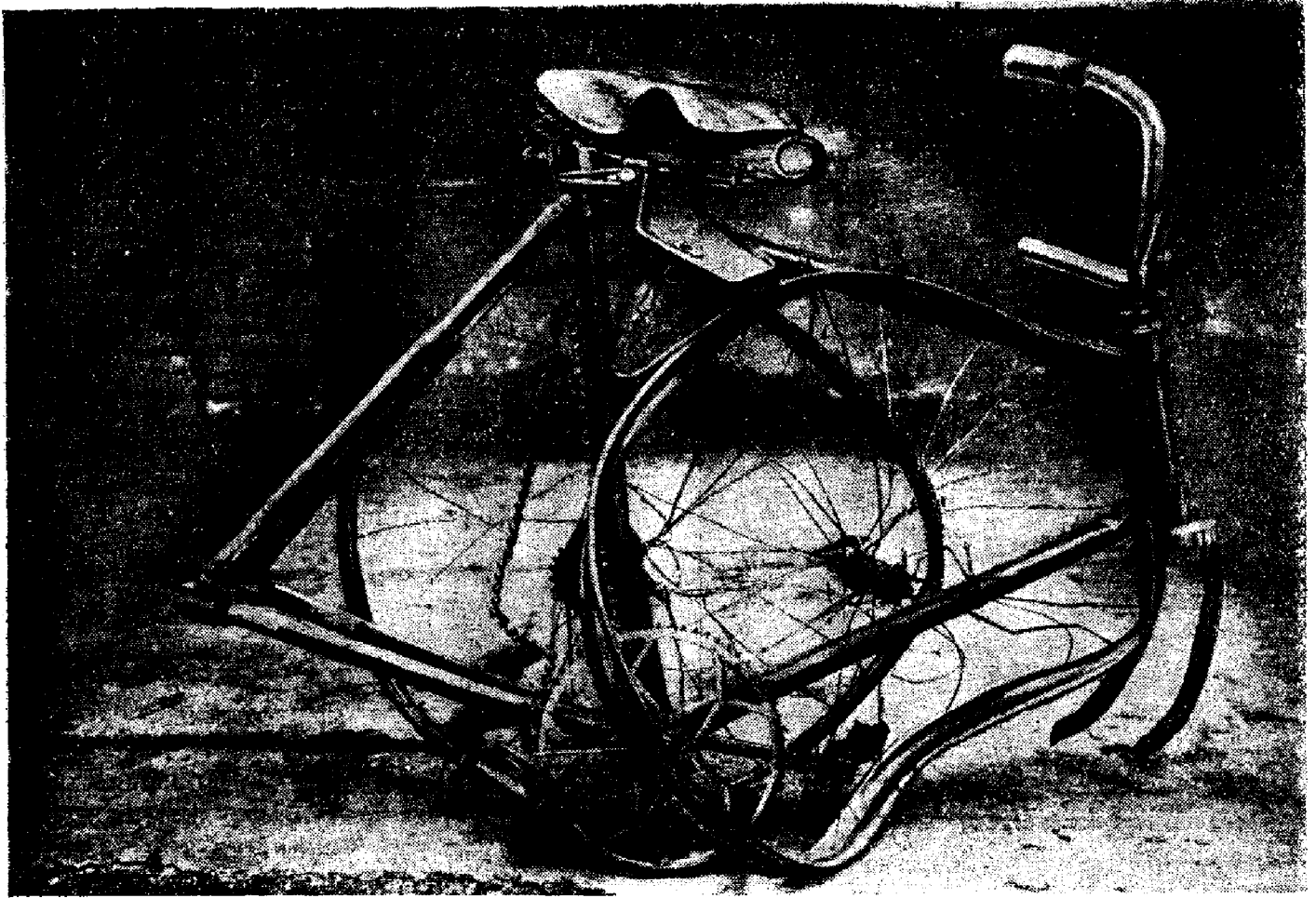
В тот же вечер Камо вторично выехал в Тифлис.

В Тифлисе группа во главе с Камо была арестована меньшевиками. Камо засадили в Метехский замок. Он безрезультатно требовал личного свидания с председателем правительства Ноем Жордания. Через сестру свою он начал переговоры с министром внутренних дел Н. Рамишвили, написав соответствующее заявление, требуя своего освобождения. Он угрожал, что в случае отказа устроит побег и затем будет мстить.

Угроза подействовала. Камо после двух месяцев заключения был освобожден с условием в двадцать четыре часа покинуть пределы Грузии.

Камо возвратился в Баку и окунулся в революционную работу. Красная армия постепенно продвигалась к югу, приближаясь к Закавказью. Припертые к стене приверженцы «единой, неделимой России» стали заигрывать с закавказскими республиками, чтобы использовать их против большевиков. Начался период переговоров деникинских агентов с меньшевиками, дашнаками и мусаватистами, которые охотно соглашались на все, только бы укрепить свои позиции против надвигающегося Октября.

В газетах появились сообщения о приезде деникинской делегации. Начавшиеся переговоры о военном соглашении для отвода глаз маскировались переговорами об экономических взаимоотношениях. В действитель-

Велосипед, на котором погиб Камо. Хранится в Музее революции Грузии

ности готовилось военное соглашение против большевиков.

19 марта делегация должна была прибыть в Баку. Камо решил сорвать военное соглашение. Он тщательно изучил улицы, по которым должны были проследовать делегаты белогвардейцев, и наметил пункт для взрыва. Было расставлено три бомбометателя.

В первый день дело расстроилось.

Тогда Камо поручил исполнение акта двум другим дружинникам. Взрыв произошел около дома генерал-губернатора 20 марта в 11 часов утра. На месте взрыва был схвачен дружинник Новиков, который геройски погиб на виселице.

24 апреля муссаватское правительство Азербайджана обратилось к населению с воззванием—защитить Баку от Красной армии. Одновременно правительство готовило массовые обыски и аресты среди рабочих.

В ответ на воззвание рабочие взялись за оружие. В первую очередь подготовились к выступлению группы молодежи заводов Манташева, Шибаяева и др., заранее организованные по указаниям Камо подпольной большевистской организацией.

27 апреля в 12 час. ночи по плану Камо должны были произойти взрывы в пяти различных местах города. Взрывы эти являлись сигналом к вооруженному выступлению рабочих.

— Очень вас прошу, избегайте излишнего кровопролития,— сказал Камо на прощанье товарищам.

Но в 11 час. краевой комитет партии уже вел переговоры с муссаватистами о добровольной сдаче власти большевикам.

В 3 час. 30 мин. ночи муссаватисты сдались. Все правительственные здания были заняты боевыми отрядами партии. Утром 28 апреля красные войска вступили в Баку.

По постановлению партии после советизации Азербайджана отряд Камо был распущен. В конце мая Камо выехал в Москву и принялся за учение. Владимир Ильич одобрил его план и советовал ему подготовиться для поступления в Академию генерального штаба.

Теперь закончился период нелегальной работы Камо, в течение которого Камо проявил необычайные изобретательность и предприимчивость. Никто не умел так мастерски перевоплощаться и играть роль, чтобы водить за нос шпиков. Пускаясь в какое-

Памятник Камо в Тифлисе

либо путешествие с партийными заданиями, Камо по несколько раз переодевался.

Не раз бывало, что его не могли узнать ближайшие его друзья и соратники. Но самое поразительное в жизни Камо — конечно его героизм, и его блестяще иллюстрируют те мучения, которым Камо добровольно подвергал себя в берлинских больницах и в тифлисской тюрьме. Недаром патриарх Шлиссельбургской крепости Николай Морозов, как рассказывает т. М. Торашелидзе, сказал Камо: «Я предпочел бы снова провести двадцать пять лет в крепости в одиночке, чем пережить перенесенное тобой в течение трех лет».

И этот революционер, прошедший такую школу борьбы, подполья, проживший два десятка лет лицом к лицу со смертью, недождавший, недосыпавший многие месяцы подряд, истощенный каторгой и болезнями, остался жизнерадостным, остроумным человеком. Замечательные слова Камо приведены в воспоминаниях М. Торашелидзе: «Эта земля смеется, когда я по ней хожу, она радуется моей жизни».

В роковой для него день т. Камо долго сидел у меня в кабинете. Мы вспоминали прошлое. Его не удовлетворяла работа на хозяйственном фронте, на которую его послала партия. Он хотел принять участие в подготовке революции в каком-нибудь государстве Запада или Востока. «Для этого дела я берегу себя,— говорил он,— хотя по

справедливости я должен прожить еще сто лет и бороться. Ведь я слежу за собой, не пью вина, не провожу бессонных ночей. И сохранил полностью свои силы, здоровье. Отчего бы не прожить мне очень долго?»

Он рассказал мне, что утром он был в Тифлисском комитете партии. «Пошлите меня работать среди молодежи,— говорил он там.— Я буду воспитывать ее по-революционному. Я подготовлю вам кадры молодых стальных революционеров».

Кто мог подумать, что этот человек, перенесший невероятные гонения и сохранивший силу и здоровье, по роковой случайности через несколько часов будет мертв?

Вечером 14 июля 1922 г. он был у т. Атарбекова. Возвращаясь домой на велосипеде, он спускался по Верийскому спуску, по левой стороне. Навстречу по правой шел автомобиль. Фонари у автомобиля горели. Камо не рассчитал и повернул в ту же сторону, куда повернул и автомобиль. Это было у цирка. На полном ходу автомобиль налетел на велосипед. Камо, ударившись головой о каменную тротуарную плиту, потерял сознание. Из горла хлынула кровь.

Он был доставлен в б. Михайловскую больницу, где, не приходя в сознание, скончался в 3 часа утра.

18 июля в 5 час. вечера в Рабочем дворце собрался весь пролетарский Тифлис.

Посреди зала—гроб, окруженный почетным караулом, декорированный зеленью и цветами. Вокруг гроба и катафалка — множество венков.

«Незабвенному Камо от Ленина и Крупской».

«Бессменному часовому пролетарской революции от ЦК РКП(б)».

«За восемнадцать лет мы не раз встречались с тобой,—говорит т. С. Орджоникидзе в своем надгробном слове, обращенном к Камо,—и не раз ты излагал нам свои планы борьбы с капитализмом. Порой эти планы казались несбыточной фантазией.

Я помню, как ты говорил об этих планах с вождем всемирной революции т. Лениным, который любил тебя так сильно... Когда я встречу с Лениным, я не знаю, но когда встречу, я скажу ему о твоей гибели. Прибывшие из Москвы товарищи говорят нам: как вы не уберегли Камо...»

Речи окончены. Родные и друзья прощаются с прахом Камо. Раздается троекратный салют. Военные оркестры исполняют траурный марш. На площади Пушкинского сквера вырастает свежая могила бойца за рабочее дело.

Акад. Н. С. Державин

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА КОНГРЕССЕ

В нашем распоряжении нет пока необходимых материалов в виде статистического отчета, протоколов заседаний секций, полных текстов прочтенных на конгрессе докладов и т. п., чтобы можно было уже сейчас дать более или менее исчерпывающую картину научных работ конгресса и подвести итоги его достижениям. Поэтому нам приходится по необходимости пользоваться, с одной стороны, теми отчетами и сообщениями, которые ежедневно появлялись на страницах польской прессы, с другой стороны — официальными изданиями Варшавского организационного комитета, главным образом двумя его томами материалов, представляющих собою тезисы, краткие суммарные сообщения и т. п. заявленных в свое время для прочтения на конгрессе докладов (*Résumés des communications présentées au Congrès, I—II Varsovie, 1933*), а также двумя томами исторических статей польских историков, посвященными конгрессу и изданными местным Историческим обществом (*La Pologne au VII Congrès International des Sciences historiques, I—II, 1933*).

Варшавский конгресс исторических наук представлял собою своего рода очередной смотр научных сил на международном историческом фронте, и в этом отношении он несомненно был весьма показательным, как подведение итогов научных достижений международной исторической науки и как демонстрация ее современных методологических установок в условиях общего кризиса капиталистической системы, обостренной классовой борьбой и фашистского террора в ряде капиталистических стран. Картина, развернутая перед нами на конгрессе, явила собою в этом смысле действительно своеобразное и довольно печальное зрелище застоя научно-исторической мысли

на Западе и ее отхода назад, на уже изжитые, казалось, позиции и пройденные давным-давно этапы. То, что мы слышали на конгрессе, очень часто напоминало нам поверхностные ученические упражнения, поражало полным отсутствием оригинальности и свежести мысли, боязнию вплотную подойти к большим местам хотя бы недавнего исторического прошлого, не говоря уже об историческом настоящем, совершенно вычеркнутом согласно уставу из поля зрения международных исторических конгрессов.

За исключением докладов членов советской делегации, конгресс не представил нам ни одной более или менее оригинальной исторической мысли, не предложил ни одного более или менее крупного научного открытия, а если иногда в отдельных докладах и затрагивалась та или иная крупная конкретно-историческая или методологическая проблема, то она излагалась таким образом и в таких тонах, что совершенно обесценивалась сама постановка проблемы. Преобладающим содержанием тематики конгресса были мелкие, нередко слишком мелкие, незначительные, случайные события и отдельные факты. Случайна по характеру была и вся тематика конгресса: кто во что горазд, тот с тем и шел на конгресс и дул здесь в свою дудку! В методологическом отношении впрочем дудки эти были настроены довольно однообразно, и их скучная реакционная мелодия производила в общем унылое впечатление, за исключением тех случаев, когда ее идеалистический фланг выступал приподнято агрессивно против марксистско-материалистического метода в истории. Та же идеалистика в основном царил на конгрессе и в специальных докладах, где вместо подлинно исторического исследования, вместо выявления подлинных движущих пружинок исторического процесса мы видели скольжение по гладкой поверхности событий и фактов. Не было и попытки заглянуть за кулисы события и вскрыть подлинную жизнь исторического факта, завуалированного и обезвреженного искусственной изоляцией его от подлинных корней, от увязки его с другими, смежными и сопутствующими ему фактами. Это конечно не верхоглядство, не методологическая безграмотность, это метод, имеющий в виду свои определенные социальные целевые установки, ме-

год, типичный для массовой буржуазной науки и направленный не к выявлению подлинной исторической правды, а к ее подделке и фальсификации. Можно было бы привести очень много показательных в этом смысле примеров, имеющих в нашем распоряжении, из материалов конгресса. Я остановлюсь на нескольких.

Профессор Краковского университета Станислав Кутшеба, заслуженный польский историк, известный между прочим и у нас своим трудом, посвященным истории государственного строя Польши, вышедшим в русском переводе двумя изданиями в 1907 г. под заглавием «Очерк общественно-государственного строя Польши», сделал доклад на тему: «Принципы власти и свободы в истории европейских государств, начиная от средних веков и до современной эпохи» (см. La Pologne, т. I, стр. 339). Докладчик говорит, что существуют в конечном счете два типа государственных режимов, причем в развитии режима можно наблюдать как бы колебания от одной крайности к другой. Конечно мы не имеем в виду устанавливать здесь какой-либо закон этого колебания, замечает историк, история человеческого духа не знает законов, и государственный режим является продуктом этого духа. Поэтому можно говорить об эволюционной тенденции, а не о законе. Следует также установить разницу между понятием колебательного движения и эволюции. Первое всегда имеет тенденцию к возвращению к исходной точке, эволюция же устремляется только вперед. Направление, в котором развивается колебательное движение, это:

1) режимы с преобладанием фактора государственной власти,

2) режимы, обеспечивающие свободу управляемым социальным элементам и их участие в управлении.

К первым принадлежат режимы, в которых власть сосредоточена в руках одного лица (монарх, диктатор и т. п.) или в руках более или менее значительной группы, являющейся все же меньшинством общества. Ко вторым — те, которые обычно называются демократическими.

Как происходило в Европе это колебание между двумя типами? Сначала, говорит докладчик, кланы с их вождями или собранием во главе; затем — ранние средневековые государства, где зарождается абсолютная наследственная монархия (государство Ка-

ролингов. Пясты — в Польше, Армады — в Венгрии).

С XIII в. в Англии, Франции, Голландии и с XIV в. в Германии и Польше — переход к феодальной монархии, обеспечивающей гарантии свободы в форме привилегий и участие в правительстве.

С XV и XVI вв. — возврат к первому типу, к абсолютной монархии вплоть до просвещенного абсолютизма и даже полицейского государства. Но имеются исключения: Польша и Англия.

С конца XVIII в. второй тип, начиная с французской революции, дающей образец XIX веку, завоевал в XX в. даже Россию и Турцию. После войны — возврат к первому типу, и в ряде стран — диктатура разных типов. Однако и здесь есть прогресс: возврата к предыдущим формам происходят со значительным их обновлением и реформой.

Каковы причины этих колебаний? — спрашивает докладчик, и на поставленный вопрос дает такой ответ: человеческий дух постоянно недоволен; кроме того играют роль качества и недостатки самих двух типов организации государства. В первом типе фактор власти склонен к произволу, разлагающему государственный аппарат сверху донизу. Во втором типе недостаток: склонность к отсутствию консолидации, к партийной борьбе и даже к анархии. Отсюда их смены, имеющие иногда резкий, иногда постепенный характер (например от абсолютной монархии к монархии конституционной и затем к республике).

Таково содержание доклада одного из наиболее авторитетных и заслуженных польских историков, проф. Кутшебы. Спрашивается, где же здесь элемент подлинной исторической науки? Его конечно здесь нет и следа! Докладчик дает надуманную, реакционно-идеалистическую схему исторического процесса в его преломлении в плоскости государственного политического строя и притом схему в чистой абстракции, совершенно обезличивая и сваливая в общую кучу целые века и народы, прогуливаясь по большим историческим дорогам в роли туриста буквально семимильными шагами! Где же при таком методе обозрения исторических судеб человечества рассмотреть своеобразные детали и учесть их при построении схемы!

Оригинальный по необычности постановки проблемы доклад сделал на конгрессе румынский профессор Николлай Иорга, пользующийся широкой известностью и

большим авторитетом в западноевропейских романских исторических кругах. Доклад его носил заглавие «Происхождение и развитие национальной идеи, особенно на юго-востоке Европы» (Résumés, т. II, стр. 269). Для возникновения национальной идеи, говорит докладчик, нужно наличие не только завоеваний одной нации другою, борьбы за территорию, общности языка, существования государства, политической идеи или идеи религиозной,— нужна еще воля быть национальным («воля к национальности»). В основе образования национальности, утверждает профессор Иорга, не всегда лежит раса и антропология, или язык, или другие отдельные факторы. Нужно их объединение вокруг воли к национальности (так было в Болгарии при Симеоне, в Сербии при Душане). Носителями этой воли являются обычно массы, которые оседают на территории, за пределы которой они не могут выйти. Тогда идея национальности, заключает свой доклад проф. Иорга, заменяет идею экспансии.

Отвергая материальные предпосылки как основную базу для образования национальности, проф. Иорга выдвигает в качестве решающего фактора волю к национальности, т. е. момент психического порядка, переводя тем самым разрешение проблемы на метафизические и идеалистические рельсы и расчищая пути для фашистского империализма. Идея национальности и идея экспансии, по мысли проф. Иорга, при известных условиях, а именно, когда массы не могут выйти за пределы занимаемой ими территории, становятся идентичными. Что касается «воли к национальности», то наглядные примеры того, как эта воля внушается массам во имя интересов господствующих классов, мы видим и в Югославии, и в Румынии, и в гитлеровской Германии.

Если у македонцев нет достаточной дозы этой «воли», сербский фашизм усердно вкладывает ее в их «дубиноголовые» мозги; если добруджанские болгары или бессарабские крестьяне недостаточно еще проникнуты этой «волей к национальности», то румынское боярство организованной системой насилий над их языком, школой и народным хозяйством сумеет, как ему думается, привить недостающую ему «волю к национальности» во имя славы и чести боярской Румынии. Таков неизбежный вывод из теории проф. Иорга о «воле к национальности».

Другой профессор, Александр Экардт из Будапешта, в докладе на тему

«Мессианиззм французского народа, выраженный в его литературе» (Résumés, т. II, стр. 118), развивает теорию о том, что французский народ призван выполнить идею мистической миссии и что это является особенностью духовного наследия французов с тех времен, как франки утвердились в римской Галлии. Эта идея, говорит докладчик, нашла свое выражение в салическом законе и у хронистов, олицетворяющих христианство во франкской империи; этот же франко-христианский дух насыщает собою «Песнь о Ролланде». В эпоху крестовых походов эта идея находит выражение у их летописцев и поэтов. Позже подвиги Жанны д'Арк питают в этом же направлении творения Христины Пизанской, Карла Орлеанского и других писателей. В XVI—XVII вв. носителями этой идеи являются Ронсар и Боссюэ. В XVIII в. эта идея переживает превращение и становится уже идеей о культурно-гуманитарной и социальной миссии Франции (философия XVIII в.). Этот же мотив развивают Гюго и Ламартин. Вместе с тем Жозеф де Метр возрождает мистическое толкование этой идеи. В XIX в. мистически ее трактует Лакардэр, а в XX в.— группа неокатолических писателей: Пеги, Психари, Маритэн и т. д. Она же находит свое оправдание в акте канонизации Жанны д'Арк в 1920 г. На политическом же языке новую формулировку этой идеи дал Клемансо.

Приведенный выше доклад проф. Экардта не заслуживал бы никакого внимания как произведение, поражающее своею методологическою наивностью и обскурантизмом, но он характерен как конкретный показатель того низкого научного уровня, на котором очень часто стоит сейчас на Западе историческая наука.

Не менее интересным и показательным во всех отношениях из прочтенных на конгрессе докладов был обширный доклад профессора Пражского чешского университета Ярослава Бидло на тему «Что такое восточноевропейская история? Ее содержание и периоды» (Résumés, II, стр. 197).

Докладчик проделал огромную работу и показал прекрасную ориентировку в материале, но его запоздавшее славянофильство как основная историческая концепция и его субъективный интуитивизм как основной принцип построения схемы исторического процесса Восточной Европы (ни сколько не выделяясь в худшую сторону из

массы прочитанных на конгрессе докладов) звучали для нас анахронизмом и говорили об изжитых уже этапах исторического знания и научно-исследовательской работы.

Для проф. Бидло не подлежит никакому сомнению тот факт, что культурное развитие человечества протекает в порядке «культурных кругов» или «культурных миров»; к числу таких «миров» принадлежат романо-германский и греко-славянский культурные миры.

Нет никакого сомнения в том, говорит докладчик, что Россия со своим историческим развитием и со своим совершенно особым вообще характером культуры поразительно отличается от прочей Европы; обширная как западноевропейская (английская, французская, немецкая), так и русская литература, исследующая этот факт и старающаяся дать ему разъяснение, служит красноречивым тому доказательством. Одно из новейших, наиболее известных и выдающихся произведений, рассматривающих этот вопрос, говорит проф. Бидло,— это книга Т. Г. Массарика «Россия и Европа». Из русской литературы, замечает докладчик, можно ограничиться старой, но никоим образом не утратившей своего значения работой Н. Я. Данилевского, интересного предшественника Шпенглера,— «Россия и Европа», представляющей собою, по характеристике докладчика, единственную научно обоснованную философскую или историософскую систему старых русских славянофилов, которую в наше время никоим образом нельзя считать изжившей себя и сданной в архив.

Докладчик заявляет, что наличие специального греко-славянского культурного мира и его особое культурно-историческое развитие наряду с романо-германским представляют собою исторический факт и именно из этого факта надо исходить в построении научно-исторического синтеза или конструкции европейской и так называемой всеобщей истории.

К этому греко-славянскому или восточноевропейскому миру принадлежат однако не все славяне, а только лишь славяне православного исповедания. Неправославные— чехо-словаки, поляки, словенцы, хорваты и сербы-лужичане— принадлежат к западноевропейскому или романо-германскому культурному миру, а румыны— к греко-славянскому или восточноевропейскому.

Основное содержание восточноевропей-

ской истории докладчик формулирует следующим образом.

Восточноевропейская общественность развивает прочное и интенсивное устремление удержать христианско-восточную европейскую культуру, чтобы тем самым устранить все влияния и течения, угрожающие ее чистоте... Смотря по успехам или по крайней мере по интенсивности этого устремления, в соответственное время различаются отдельные периоды или отрезки времени восточноевропейской истории.

Проф. Бидло считает возможным представить ход восточноевропейской истории в известном единстве, разграничивая ее на одиннадцать периодов, определяемых не хронологическими цезурами, а своим содержанием и характеристикой.

В изложенном выше докладе проф. Бидло тщетно было бы конечно искать схемы истории Восточной Европы, т. е. истории народов Восточной Европы и притом истории, в подлинном смысле этого слова охватывающей все важнейшие стороны жизни этих народов. Увлеченный давно изжившей себя славянофильской теорией «культурных миров», или культурно-исторических типов, проф. Бидло дал сжатый пересказ своими словами наиболее типичных или характерных фактов самого общего порядка из области истории, так называемой духовной культуры господствующих верхов восточноевропейской общественности. Он не заботится при этом ни о конкретизации в описании той социальной среды, где совершался схематизируемый им культурно-исторический процесс, ни о какой-либо увязке интересующих его фактов и событий культурной истории с другими сторонами и факторами социальной жизни. И уж конечно у него нет и следа диалектической увязки этих факторов, в первую очередь нет увязки с хозяйственным фактором, определяющим собою в конечном счете не только все идеологические сдвиги и борьбу на идеологическом фронте, но также и основные линии внутренней и внешней государственной политики господствующих социальных верхов в странах Восточной Европы, как и повсюду на земном шаре. Таким образом в докладе проф. Бидло, в одном из наиболее обстоятельных докладов на конгрессе по материалу и замыслу, мы видим продукт типичного наукообразного эмпирического творчества с идеалистическими установками и метафизическим подходом. Что касается известного труда Н. Я. Да-

нилевского «Россия и Европа», представляющего для почтенного чешского ученого и до сих пор неизменный научный авторитет, то не лишним будет напомнить, что впервые он появился в печати в 1869 г. и никогда не пользовался каким-либо вниманием со стороны передовых кругов русской демократической общественности и передовой русской исторической мысли, видевшей источник раскрепощения русского народа от самодержавного деспотизма и пережитков феодально-крепостнического строя не в славянофильской похлебке и проповеди отмежевания от Запада, а в тесном единении России с Западом, с его наукой, культурой и техникой. Можно высказать пожелание, чтобы славянские историки несколько ближе познакомились с нашей богатейшей историографической литературой, забыли бы никому ненужные сейчас старые славянофильские концепции и ближе бы подошли, во имя интересов культурного сближения, к нашей современной советской исторической науке и ее огромным успехам как в материальном, так и в методологическом отношении.

Интересное информационное сообщение об изучении и опубликовании Белградской академией наук документов из богатейших далматинских архивов сделал на конгрессе проф. Белградского университета Ив. Радониц на тему «Далматинские архивы и Сербская академия» (Résumés, I, стр. 18).

Докладчик рассказал о богатой сокровищнице далматинских архивов, особенно Рагузы (Дубровника), игравшей в течение ряда веков крупнейшую роль в качестве хозяйственного и культурного центра на полуострове и посредника между Западной Европой и странами полуострова, благодаря чему за эти века она собрала в своих архивах ценнейшие материалы по истории Османской империи.

Все эти материалы содержат ценные данные не только о коммерческих и политических сношениях между республикой Рагужой и Северной Италией, между Неаполитанско-Сицилийским королевством, Испанией, Францией и в известной мере также Англией, но они прольют также свет на вопрос финансового и юридического управления в Неаполитанско-Сицилийском королевстве.

В течение долгого времени Балканский полуостров находился под влиянием Запада и его цивилизации. В начале средних веков он был под сильным византийским влиянием и к концу средневековья, в связи с турецким нашествием, под влиянием Ислама, про-

никшего в Боснию и Герцеговину. Вместе с новой религией на Балканах появились религиозные книги на арабском и турецком языках, и вскоре стало ощущаться влияние исламических литератур.

Республика Рагуза принуждена была после венгерской катастрофы у Могача в 1526 г. признать турецкий суверенитет и выплачивать, начиная с 1481 г., дань в 12.599 дукатов, в связи с чем она имела с Турцией весьма интенсивные сношения. Естественно поэтому, что в архиве Рагузы находится большое число (около 12.000) фирманов и т. п. документов. Известное число наиболее старых из этих фирманов после Венского конгресса было перенесено в императорский архив в Вену (около 1.400 экземпляров). После последней войны эта коллекция документов была возвращена Югославии, которая хранит их в архиве Белградской академии.

До сих пор мало обращали внимания на эти турецкие документы, столь важные между тем для изучения управления Османской империи и ее экономической истории с XV—XVII вв.

Академия приготовила к изданию первый том этих документов, который будет содержать первые фирманы вплоть до эпохи Сулеймана Великолепного (1520 г.). Наиболее важные турецкие тексты будут воспроизведены в факсимиле. Полные переводы на сербо-хорватский язык будут сопровождены французским резюме. Можно надеяться, что это собрание турецких документов разъяснит вопросы дипломатики и практики турецкой канцелярии.

В заключение своего краткого обзора работ Варшавского конгресса я остановлюсь еще на докладе профессора Пражского университета Иосифа Пфизнера на тему «Происхождение и значение славянского конгресса 1848 г.» (Résumés, I, стр. 213). Основные тезисы этого доклада следующие:

1. Начиная с 1848 г., дебатиремый и до настоящего дня остающийся определенно нерешенным вопрос о том, кто был виновником мысли о созыве славянского конгресса в Праге, должен быть решен в том смысле, что впервые мысль эта возникла у поляков и отсюда уже была сообщена чехам.

2. Славянский конгресс был задуман прежде всего как демонстрация славянских народов против Франкфуртского национального собрания.

3. Течение конгресса, в частности позн-

ция польских участников дала ясное доказательство того, что невозможно создать когда-либо единое всеславянское государство на основе культурной славянской взаимности, получившей ясное выражение на конгрессе.

4. Пражский славянский конгресс и пражское июньское восстание, подавление которого Виндишгрецем влекло за собою победу консервативных сил в Европе, были непосредственно связаны друг с другом.

По поводу этого доклада необходимо сказать следующее.

18 мая 1848 г. открыл свои заседания Национальный парламент во Франкфурте-на-Майне как один из органов германской революции. Ему предшествовал предпарламент, созданный 31 марта и 1 апреля закрывшийся. Он избрал «комитет 50-ти» для наблюдения за союзным сеймом. В этот комитет были избраны между прочим шесть австрийцев, в том числе чешский историк Палацкий; он отклонил от себя это избрание. На очереди стоял вопрос о создании новой германской государственности, в состав которой должна была войти и Австрия, за выделением Венгрии. Богемский национальный комитет, во главе которого стоял президент провинции (Тун), опротестовал выборы во Франкфуртский национальный парламент. Моравия ходатайствовала о приостановке выборов... Вообще австрийские славяне бойкотировали Франкфурт.

Австро-славяне в революции 1848 г. заняли реакционную позицию, явились опорой австрийской монархии и с этой точки зрения рассматривались как элемент, опасный для революции.

С другой стороны, для всестороннего освещения вопроса необходимо учитывать и специфические условия австрийской обстановки в области национальных отношений в 1848 г.

29 апреля в Праге происходила демонстрация против немецкой депутации, отправлявшейся в Вену для участия в выборах во Франкфурт. Антифранкфуртское движение дало толчок: а) к созданию союза для осуществления национального равноправия, укрепления связей между славянами и подготовки к более тесному союзу всех славянских народностей Австрии, известного под именем «Slovanska Lipa» («Славянская липа»); б) к созыву в противовес франкфуртскому национальному собранию своего рода славянского контрпарламента... Всплыла идея славянского конгресса, идея проти-

вопоставить немецкому единству славянское единство... (М. Бах).

Славянский конгресс открылся 1 июня; занятия его продолжались ежедневно до 12 июня. Последнее собрание, назначенное на 14 июня, было прервано вспыхнувшим в Праге восстанием. Незначительное число членов Славянского конгресса сумело собраться еще 16-го и объявить съезд отложенным на неопределенное время.

Кому принадлежала идея созыва Славянского конгресса? Проф. Пфицнер утверждает, что этот нерешенный до сих пор вопрос (с нашей точки зрения, совершенно не существенный! — Н. Д.) должен быть решен в том смысле, что впервые мысль эта возникла у поляков и отсюда уже была сообщена чехам.

Откуда взял свое утверждение проф. Пфицнер о том, что впервые мысль о конгрессе возникла у поляков, из его тезисов не видно, источник не указан. А между тем это довольно парадоксальное по существу утверждение, так как поляки меньше всего были склонны к увлечению какими бы то ни было панславистскими иллюзиями. Отсутствие в тезисах автора указаний на источник дает возможность, искажая факты, представить пражское восстание как продукт панславистского движения.

Фантастический рассказ его о польских беглецах и их панславистской организации, намечавшей осуществление своего плана в 1850 г. и т. д., не может заслуживать внимания исследователя. Гораздо интереснее было бы сосредоточить внимание на классовой сущности антифранкфуртского выступления австрийских славян и подчеркнуть его контрреволюционный характер, что в свое время, между прочим, уже было сделано Фр. Энгельсом в его знаменитых статьях 1851—1852 гг. в американской газете «Нью-йоркская трибуна», известных под общим заглавием «Революция и контрреволюция в Германии», используя для этой цели имеющиеся в печати обширные материалы, касающиеся Славянского конгресса.

Тогда автору было бы совершенно ясно, что между Пражским славянским конгрессом и пражским июньским восстанием не было никакой ни посредственной, ни непосредственной связи. Эту связь однако старается установить, по совершенно понятным для своего времени причинам, официальное сообщение от 4 августа 1848 г. о результатах военного расследования событий пражского июньского восстания.

Неужели же профессор, немецкого университета в Праге г. Пфицнер изучал историю 1848 года в Австрии по этому грязному полицейскому документу, сфабрикованному австрийско-немецкой военщиной в Праге? Все его основные установки настолько совпадают с основной тенденцией этого документа, что эта мысль невольно приходит в голову. Мы ждем опубликования полного текста доклада проф. Пфицнера, чтобы рассеять свое недоумение.

Славянский конгресс 1848 г. по существу был контрреволюционным учреждением, действовавшим не только с ведома, но и под покровительством высших чинов старого австрийского правительства, отсиживавшегося в это время, после майской революции, в Иннсбруке. Он стоял на позициях австрийского монархизма и боролся с Франкфуртским национальным собранием против тенденции нанести какой-либо удар его престижу. Июньское восстание в Праге было делом революционной общенациональности, революционно настроенной мелкой буржуазии в лице пражского студенчества и пражских рабочих, занимавших враждебные позиции по отношению к австрийскому монархизму и борющихся с реакцией. Восстание было подавлено военной силой того же австрийского правительства. Что общего могло быть между этими двумя явлениями? Ничего, если не стоять конечно на точке зрения полицейского сообщения о результатах расследования июньских событий, ставящего их в одну линию и объединяющего их одной и той же панславистской идеологией.

Мы не имеем возможности в этой небольшой статье остановиться на других докладах. Частично это было сделано в статьях других членов конгресса, специально разобравших доклад проф. Бранденбурга об империализме и ряд других докладов, посвященных вопросам методологии истории¹.

Приведенный выше, хоть и неполный, ма-

териал, подобранный вовсе не искусственно, а исключительно по научной актуальности его тематики, а в отдельных случаях — по общепризнанному авторитету личности докладчика, приводит нас к убеждению, что в методологическом отношении конгресс ни в каком случае не явился новым или даже просто каким-либо этапом в развитии исторической науки на Западе. Больше того, конгресс не дал нам никаких в этом смысле утешительных надежд даже и на ближайшее будущее. Наоборот, он привел нас к выводу, что если в капиталистических странах сейчас и имеются люди, несомненно делающие историю, то в среде западных буржуазных историков вовсе нет людей, надлежащим образом вооруженных для того, чтобы доподлинно изучать ее.

В связи с этим на советских историках, принимавших участие в работах конгресса, естественно лежала огромная и ответственная задача — противопоставить агрессивному идеализму западноевропейской буржуазной исторической науки марксистско-материалистическую точку зрения и марксистско-ленинское понимание исторического процесса и задач истории как науки и тем самым вскрыть научную несостоятельность господствующих в буржуазной науке основных методологических установок. Поставленную себе задачу советская делегация разрешила повидимому удовлетворительно. По единодушному отзыву прессы и участников конгресса, делегация проявила исключительную активность, приняв широкое участие в конгрессе своими докладами и выступлениями. Вот этот именно момент на Варшавском международном конгрессе, момент выступления на нем делегации, развернувшей марксистскую методологию, я считаю первым положительным достижением конгресса. Этим на конгрессе было продемонстрировано то основное ядро новой науки, которому с течением времени всем историческим ходом вещей суждено несомненно вырасти в мощную силу, которая станет господствующим настроением и основным методологическим стержнем на будущих международных конгрессах и в трудах западных историков.

¹ См. № 10 «Борьбы классов», специально посвященный итогам VII международного конгресса историков.

Горст Фрейлих

БОЕВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«СПАРТАК» ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. Собрал и составил Э. Майер, перев. с немецкого, с предисл. А. Кнорина, введение и примечания К. Рихтера. Партиздат, 1933 г., 228 стр., тир. 25 000.

Прошло 15 лет с тех пор, как союз «Спартак» на своем съезде в Берлине 30 декабря 1918 г. основал коммунистическую партию Германии. В эти декабрьские дни 1918 г. спартаковцы разорвали ту пуповину, которая еще связывала их с центристами и социал-шовинистами.

Свои первые шаги в направлении этого разрыва союз «Спартак» начал делать еще в 1915 г., вскоре после своего образования. В годы мировой войны, под напором стихийного массового движения снизу и подталкиваемые Лениным и большевиками, спартаковцы все больше и больше приближались к правильному пониманию задач, стоявших перед германским рабочим классом.

О том, как это движение направлялось в сторону полного разрыва с оппортунистами и центристами в сторону большевизма, о том, как спартаковцы спасли «честь германского социализма и германского пролетариата» (Ленин), преданного официальными вождями германской социал-демократии — Каутским, Эбертом, Шейдеманом и др., ярко рассказывает выпущенная Партиздатом в связи с 15-летием компартии Германии книга «Спартак» во время войны».

В этот сборник вошли документы и листовки, которые союз «Спартак» нелегально распространял в годы империалистической войны. Эти документы и листовки писались виднейшими вождями немецкого рабочего класса: Либкнехтом, Люксембург, Мерингом, Карским, Иогихесом и др. Очень часто они писались в тюрьме и нелегально передавались на волю, где печатались на шапирографах и других множительных аппаратах.

На этих документах лежит печать того социал-демократического груза, тех люксембургских, полуменьшевистских ошибок, которые характерны для организации «Спартак». И все же «Спартак» был организацией действительных революционеров, которые, несмотря на каторжный режим кайзеровской Германии, вели героическую борьбу против правительства своей страны, против своей буржуазии.

Союз «Спартак» является основоположником коммунистической партии Германии, которая со дня своего возникновения все более и более решительно боролась с теми полуменьшевистскими, люксембургскими ошибками, какие были допущены спартаковцами. Борьба за преодоление люксембургских пережитков — од-

на из важнейших сторон борьбы за большевизацию компартии Германии.

В предисловии к сборнику т. Кнорин говорит: «Известно, что в ряде политических и тактических вопросов спартаковцы не были достаточно последовательными марксистами. Они несли с собою еще большой груз старых с.-д. установок и в ряде вопросов смотрели назад, на старую социал-демократию, которую Роза Люксембург называла смердящим трупом, и не решались вплоть до революции окончательно разорвать с нею свою организационную связь».

В большом, развернутом и имеющем самостоятельное значение введении т. К. Рихтера дается в основном правильная и политически заостренная критика полуменьшевистских ошибок спартаковцев, их сильных и слабых сторон в той большой работе, которую они проделали в годы войны.

Основной ошибкой спартаковцев было их преклонение перед традицией единства с социал-предателями, их страх перед расколом. Известно, что уже с 1903 г. «большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия». В том же 1903 г. германская социал-демократия на своем дрезденском партсъезде отклонила исключение из партии Бернштейна, этого родоначальника ревизионизма. Противоположность путей развития большевизма и западных с.-д. рабочих партий выявилась уже на этом факте. В связи с требованиями новой эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, большевизм создает партию нового типа — единую, монолитную революционную партию, вместо старых с.-д. партий, состоявших из революционного и оппортунистического крыла.

Левые же в германской социал-демократии под руководством Розы Люксембург не сделали в 1903 г. никаких выводов из своего поражения в Дрездене. Они не осознали того, что у ревизионизма глубокие корни в рабочей аристократии, питающейся сверхприбылями буржуазии империалистических стран. Левые радикалы до войны не представляли собой тесно спаянной фракции, а были свободной группировкой, организационно и идеологически связанной тысячами нитей с ревизионистско-центристской социал-демократией.

Ни 4 августа 1914 г. — утверждение военных кредитов, — ни выдача революционеров военным властям, ни согласие на закон о вспомогательной службе, превративший всю Германию в военную тюрьму, ни запрещение стачек, ни систематическое сотрудничество с правительством, ни шовинистические аннексионистские шатания германской социал-демократии не привели союз «Спартак» к сознанию необходимости организационного разрыва с социал-демократией. Только пример и подталкивание со стороны большевиков, которые задолго до войны решительно откололись от центристов и социал-оппортунистов, только давление широких масс, возмущение и революционные настроения которых росли из месяца в месяц, подвели союз «Спартак» к осознанию необходимости раскола и создания самостоятельной партии. Но, придя

к этой идее, спартаковцы сумели ее осуществить только в декабре 1918 г.

Союз «Спартак», признав империалистический характер войны и заклеймив предательство социал-демократии и отчасти центристов, в первые месяцы ограничивался лишь пацифистской агитацией против войны. Когда Либкнехт в сентябре 1916 г. в своем письме Циммервальдской конференции выбросил лозунг, — «Не гражданский мир, а гражданская война», союз «Спартак» с большими колебаниями и с запозданием принял этот лозунг.

Несмотря на то, что союз «Спартак» мужественно вел борьбу с собственной буржуазией, он все же не дошел до ленинского лозунга о поражении собственного правительства, хотя фактически его деятельность (и в этом его заслуга) ускорила поражение Германии.

Демонстрация против правительства и войны в мае 1916 г., которую возглавлял Либкнехт, вызвала отклики во всем мире.

Союз «Спартак» смело и успешно организовал крупные забастовки, начиная с забастовки-протеста против ареста Либкнехта и кончая крупной забастовкой в январе 1918 г. Это были первые политические массовые забастовки в истории германского рабочего движения.

Спартаковцы с самого первого дня защищали Октябрьскую революцию от той грязной клеветы, которой ее осыпали буржуазия и социал-демократия. Но вместе с тем спартаковцы и особенно Роза Люксембург не поняли некоторых принципиальных вопросов русской революции: права народов на самоопределение, решения крестьянского вопроса, необходимости разгона Учредительного собрания. Впоследствии Роза Люксембург признала эти ошибки.

Только благодаря систематической и упорной работе Ленина и партии большевиков, подвергавшей беспощадной критике люксембургянские ошибки спартаковцев, последние сумели притти к большевизму и стать его знамя.

В рецензируемой нами книге этот путь пра-

вильно прослежен в введении Карла Рихтера, который широко использовал высказывания Ленина и Сталина.

Нужно отметить, что книга снабжена солидными примечаниями, дающими русскому читателю ценные сведения о политической деятельности лиц, упоминаемых в книге, и разъясняющими ряд важнейших революционных событий и т. д.

Отдельные примечания однако недостаточно полны и точны. В частности почти ничего не говорится о люксембургянских ошибках Мархлевского, не упомянуто, что Меринг занимал неправильную позицию в вопросах лассальянства, что Гаазе участвовал в реакционной политике с.-д. правительства. Можно было бы отметить еще некоторые неточности, но они, надо надеяться, будут выправлены в следующем издании.

Следует отметить, что сборник издан с большой любовью, тщательно отредактирован и внешне хорошо оформлен. Это показывает ту большую работу, какую проделал подготовитель сборника т. К. Рихтер и редактор от Партиздата т. В. Слуцкая.

«Спартак во время войны» имеет не только исторический, но и актуально политический интерес.

Если немецкий империализм в период наивысшего своего расцвета не был в состоянии уничтожить маленькую группу спартаковцев, насчитывавшую несколько сот человек, то сейчас, когда компартия Германии выросла в мощную организацию, имеющую за своими плечами боевой революционный опыт, никакие силы, никакие репрессии не в состоянии будут «искоренить марксизм», о чем мечтают фашисты. И, как совершенно правильно пишет в своем предисловии т. Кнорин, «образцы подлинной революционной борьбы спартаковцев особенно теперь служат примером для сотен тысяч германских коммунистов, ведущих тяжелую борьбу против фашистской диктатуры».

С. Рубан

ОБРАЗЕЦ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КНИГИ

СТЕПАНОВ И., Парижская коммуна 1871 г. и вопросы тактики пролетарской революции. Партиздат, 1933 г., изд. 5-е, 204 стр., ц. 2 р. 25 к., тир. 30 000.

1

Парижская коммуна, это величайшее событие в истории международного революционного движения XIX в., всегда привлекала внимание подлинных представителей революционного марксизма.

Маркс посвятил Парижской коммуне одно из крупнейших по значению и непревзойденных по своей силе произведений «Гражданская война во Франции в 1871 г.», в котором дал «гениальный анализ содержания и значения этой коммуны» (Ленин).

Ленин, в противоположность Плеханову, у которого во всем собрании его сочинений нет

ни одной статьи о Парижской коммуне, посвятил анализу Парижской коммуны целую серию статей, речей и такие классические работы как «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Опираясь на опыт Парижской коммуны и русской революции, «Ленин открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата» (Сталин).

Несомненно, что пролетарская революция в октябре 1917 г. пролила новый свет на всю предыдущую историю международного рабочего движения. Различные стороны этого движения вырисовались перед нами со всей отчетливостью и ясностью. Установление Советской власти, этого второго по сравнению с Парижской коммуной всемирно исторического этапа в развитии диктатуры пролетариата, вызвало совершенно понятное стремление широко осветить и проанализировать этот первый «зачаток советской власти», каким являлась, по выражению Ленина, Парижская коммуна.

Первой исторической работой, освещающей вопросы Парижской коммуны в свете Октября-

к этой идее, спартаковцы сумели ее осуществить только в декабре 1918 г.

Союз «Спартак», признав империалистический характер войны и заклеймив предательство социал-демократии и отчасти центристов, в первые месяцы ограничивался лишь пацифистской агитацией против войны. Когда Либкнехт в сентябре 1916 г. в своем письме Циммервальдской конференции выбросил лозунг, — «Не гражданский мир, а гражданская война», союз «Спартак» с большими колебаниями и с запозданием принял этот лозунг.

Несмотря на то, что союз «Спартак» мужественно вел борьбу с собственной буржуазией, он все же не дошел до ленинского лозунга о поражении собственного правительства, хотя фактически его деятельность (и в этом его заслуга) ускорила поражение Германии.

Демонстрация против правительства и войны в мае 1916 г., которую возглавлял Либкнехт, вызвала отклики во всем мире.

Союз «Спартак» смело и успешно организовал крупные забастовки, начиная с забастовки-протеста против ареста Либкнехта и кончая крупной забастовкой в январе 1918 г. Это были первые политические массовые забастовки в истории германского рабочего движения.

Спартаковцы с самого первого дня защищали Октябрьскую революцию от той грязной клеветы, которой ее осыпали буржуазия и социал-демократия. Но вместе с тем спартаковцы и особенно Роза Люксембург не поняли некоторых принципиальных вопросов русской революции: права народов на самоопределение, решения крестьянского вопроса, необходимости разгона Учредительного собрания. Впоследствии Роза Люксембург признала эти ошибки.

Только благодаря систематической и упорной работе Ленина и партии большевиков, подвергавшей беспощадной критике люксембургянские ошибки спартаковцев, последние сумели притти к большевизму и стать его знамя.

В рецензируемой нами книге этот путь пра-

вильно прослежен в введении Карла Рихтера, который широко использовал высказывания Ленина и Сталина.

Нужно отметить, что книга снабжена солидными примечаниями, дающими русскому читателю ценные сведения о политической деятельности лиц, упоминаемых в книге, и разъясняющими ряд важнейших революционных событий и т. д.

Отдельные примечания однако недостаточно полны и точны. В частности почти ничего не говорится о люксембургянских ошибках Мархлевского, не упомянуто, что Меринг занимал неправильную позицию в вопросах лассальянства, что Гаазе участвовал в реакционной политике с.-д. правительства. Можно было бы отметить еще некоторые неточности, но они, надо надеяться, будут выправлены в следующем издании.

Следует отметить, что сборник издан с большой любовью, тщательно отредактирован и внешне хорошо оформлен. Это показывает ту большую работу, какую проделал подготовитель сборника т. К. Рихтер и редактор от Партиздата т. В. Слуцкая.

«Спартак во время войны» имеет не только исторический, но и актуально политический интерес.

Если немецкий империализм в период наивысшего своего расцвета не был в состоянии уничтожить маленькую группу спартаковцев, насчитывавшую несколько сот человек, то сейчас, когда компартия Германии выросла в мощную организацию, имеющую за своими плечами боевой революционный опыт, никакие силы, никакие репрессии не в состоянии будут «искоренить марксизм», о чем мечтают фашисты. И, как совершенно правильно пишет в своем предисловии т. Кнорин, «образцы подлинной революционной борьбы спартаковцев особенно теперь служат примером для сотен тысяч германских коммунистов, ведущих тяжелую борьбу против фашистской диктатуры».

С. Рубан

ОБРАЗЕЦ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КНИГИ

СТЕПАНОВ И., Парижская коммуна 1871 г. и вопросы тактики пролетарской революции. Партиздат, 1933 г., изд. 5-е, 204 стр., ц. 2 р. 25 к., тир. 30 000.

1

Парижская коммуна, это величайшее событие в истории международного революционного движения XIX в., всегда привлекала внимание подлинных представителей революционного марксизма.

Маркс посвятил Парижской коммуне одно из крупнейших по значению и непревзойденных по своей силе произведений «Гражданская война во Франции в 1871 г.», в котором дал «гениальный анализ содержания и значения этой коммуны» (Ленин).

Ленин, в противоположность Плеханову, у которого во всем собрании его сочинений нет

ни одной статьи о Парижской коммуне, посвятил анализу Парижской коммуны целую серию статей, речей и такие классические работы как «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Опираясь на опыт Парижской коммуны и русской революции, «Ленин открыл советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата» (Сталин).

Несомненно, что пролетарская революция в октябре 1917 г. пролила новый свет на всю предыдущую историю международного рабочего движения. Различные стороны этого движения вырисовались перед нами со всей отчетливостью и ясностью. Установление Советской власти, этого второго по сравнению с Парижской коммуной всемирно исторического этапа в развитии диктатуры пролетариата, вызвало совершенно понятное стремление широко осветить и проанализировать этот первый «зачаток советской власти», каким являлась, по выражению Ленина, Парижская коммуна.

Первой исторической работой, освещающей вопросы Парижской коммуны в свете Октябре-

ской революции и исходящей из анализа, данного Коммуне Марксом и Лениным, была работа И. И. Скворцова-Степанова, вышедшая в 1921 г. в связи с 50-летием Коммуны.

И. И. Скворцов-Степанов, крупнейший теоретик и популяризатор марксизма в России, лучший переводчик основного труда К. Маркса «Капитал» на русский язык, дал нам прекрасный образчик исторической работы. В совершенстве владея марксистским методом, обладая широким марксистским образованием, будучи «стойким и твердым ленинцем» (Сталин), Скворцов-Степанов очень хорошо знал того рабочего-читателя, с которым он был тесно связан и для которого он писал. Его речи, статьи, брошюры и книги всегда отличались удивительной простотой и ясностью изложения. Этими качествами обладает и книга «Парижская коммуна», которая выпущена сейчас Партиздатом в связи с 5-летием со дня смерти Скворцова-Степанова.

2

Со дня выхода первого издания книги И. И. Скворцова-Степанова прошло много лет. За это время международный пролетариат успел накопить большой революционный опыт в победоносном социалистическом строительстве СССР, в революционных боях в Германии, Болгарии, в вооруженном восстании в Вене, в революционных боях против фашизма и социалфашизма, в великой китайской революции, приведшей к установлению советской власти в Китае на значительной территории.

Эти революционные выступления, в особенности опыт создания Кантонской коммуны в Китае, показывают, какое огромное актуально-политическое значение имеет изучение истории Парижской коммуны.

Возникнув в период промышленного капитализма, рабочее вооруженное восстание в Париже 18 марта 1871 г. «приобрело, — как пишет И. И. Скворцов-Степанов, — характер пролетарской революции», а власть, установленная в результате этого восстания, была диктатурой пролетариата. И сейчас, когда мы стоим на пороге нового тура революций и войн, когда коммунисты Германии и других стран ведут активную подготовку к борьбе за установление путем насильственного свержения своих правительств диктатуры пролетариата, — вопросы тактики пролетариата в пролетарской революции как раз те вопросы, какие из огромного опыта Парижской коммуны разбирает Скворцов-Степанов, приобретают самое боевое, самое злободневное значение.

Скворцов-Степанов прослеживает конкретно историческое соотношение классовых сил, сложившееся в дни Коммуны, и стремится выяснить ту тактику, которая «скорее всего способна привести к победе» и к укреплению революционной диктатуры. Здесь он прежде всего обращается к вопросу о роли рабочего класса в революции, его отношению к крестьянству и городской мелкой буржуазии.

И. И. Скворцов-Степанов показывает, как рабочий класс Франции той эпохи не осознал еще своих задач в деле установления союза с крестьянством, в деле завоевания на свою сторону непролетарских резервов деревни.

Восставший пролетариат взял на себя две задачи: освобождение Франции от нашествия прусских юнкеров и освобождение всех трудящихся от капиталистического гнета и нищеты. «В соединении противоречивых задач — патриотизма и социализма, — пишет Ленин, — была роковая ошибка французских социалистов».

И. И. Скворцов-Степанов на основе ленинского анализа показывает как тогдашний рабочий класс, зараженный мелкобуржуазными патристическими иллюзиями, не сумел завоевать на свою сторону крестьянство, которое «решительно высказалось против войны и за мир всякой ценой». Даже Огюст Бланки, «несомненный революционер и горячий сторонник социализма» (Ленин), вел патристическую пропаганду, не поняв, что классовые интересы пролетариата диктуют им взвалить всю тяжесть за национальное уничтожение на помещиков и буржуазию, затеявших франко-прусскую войну, а самим «бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии»¹.

Маркс и I интернационал неоднократно предупреждали французских социалистов и французских пролетариата от увлечения «ложной национальной идеей». В написанных Марксом воззваниях к французским рабочим, которые были опубликованы от имени Генерального совета I интернационала, даны образцы пролетарской тактики в связи с франко-прусской войной. Французские пролетариаты, не имевшие своей боевой революционной партии, не последовали призывам Маркса и I интернационала.

И. И. Скворцов-Степанов показывает далее, как парижские рабочие, не успевшие установить связи с трудящимися массами остальной Франции, на деле защищали интересы всех трудящихся, в том числе и крестьянства. Своими социально-экономическими мероприятиями, носившими, как говорил Ленин, «социалистическую окраску», они пробивали себе стихийно дорогу к установлению союза с крестьянством. Этого союза, как огня, боялась вся помещичья реакционная Франция. Недаром Маркс, придававший такое огромное значение союзу рабочего класса с крестьянством, стремился в дни Коммуны добиться его реализации. По поручению Маркса в Южную Францию поехал П. Лафарг с целью подготовить крестьянское восстание в помощь Коммуне. Для организации этого восстания нехватало главным образом времени. «Помещики знают, — писал Маркс, — что три месяца господства рабочей республики во Франции явились бы сигналом к восстанию крестьянства и сельского пролетариата против них. Вот откуда их свирепая ненависть к Коммуне. Освобождения крестьян они боятся еще больше, чем даже освобождения городского пролетариата. Крестьяне очень скоро провозгласили бы городской пролетариат своим руководителем и главой»².

Выясняя взаимоотношения рабочего класса с городской мелкой буржуазией, И. И. Скворцов-Степанов показывает, как благодаря целому ряду социально-экономических мероприятий рабочий класс Парижа пользовался влиянием в среде городской мелкой буржуазии. Правда,

¹ Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 162.

² Новые документы Маркса, «Правда» от 10 марта 1933 г.

здесь было и обратное влияние меткой буржуазии на рабочий класс, что тормозило и сдерживало движение. Но тем «с большей решительностью и революционностью» действовал рабочий класс Парижа тогда, когда его интересы не сталкивались с интересами мелкой буржуазии». И эта решительность помогла рабочему классу не только «наложить на Парижскую коммуну отпечаток своих классовых стремлений» (Ленин), но и позволяла ему, высвобождаясь из-под мелкобуржуазного влияния, становиться авангардом, единственно до конца революционной силой.

3

И. И. Скворцов-Степанов особое внимание уделяет вопросам объективно исторической обстановки, в которой боролись парижские коммунары. «Для победоносной социальной революции, — пишет Ленин, — нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налично рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ»¹.

И. И. Скворцов-Степанов на конкретном историческом материале показывает, как парижские рабочие, не имевшие пролетарской партии, своим классовым инстинктом стремились направить движение по подлинно-революционному пути. Но отсутствие партии — сознательного авангарда, имеющего ясную программу и боевой штаб, — явилось одной из важнейших причин поражения Коммуны.

Основная суть Парижской коммуны заключалась в разрушении старого буржуазного государства и создании государства нового типа.

Скворцов-Степанов развертывает перед нами в главах IX «Коммуна», X «Организация текущего управления» и XI «Декреты Коммуны» ту большую работу по разрушению старого государственного аппарата буржуазии и по созданию своего рабочего государства, которую успела проделать Коммуна за короткий срок своего существования.

Маркс писал, что «величайшее мероприятие Коммуны — ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях». Вот эту мысль Маркса автор и развивает на огромном конкретном материале, показывая, как рабочий класс, придя к власти, сумел организовать свою пролетарскую государственную машину и заставил ее работать на пользу всех трудящихся.

В этом отношении интересно привести мнение О. Сераяе, посланного Марксом в дни Коммуны в Париж в качестве представителя I интернационала. В своих письмах из Парижа Сераяе отмечает, что административный аппарат,

созданный Коммуной, «функционирует как нельзя лучше. Можно подумать, что наши друзья получали специальную подготовку для этого». В другом письме Сераяе писал: «Самое изумительное — это то, что все исполняют свои обязанности так, как будто это самая естественная вещь в мире»².

Буржуазия и ее социал-демократическая агентура, заинтересованные в том, чтобы удержать классовое господство буржуазии и продлить существование капитализма, утверждают прямо противоположное и доказывают, что рабочий класс никогда не сумеет управлять государственной машиной. Сейчас это опровергается не только опытом Коммуны, но и существованием в течение 16 лет Советского союза, управляемого рабочим классом, и Советского Китая, героическая красная армия которого отбила уже пять контрреволюционных походов Чан Кай-ши.

4

Парижская коммуна имела международное значение, и это прежде всего подчеркивали Маркс и Энгельс. Из Лондона, где в то время находился генеральный штаб I интернационала, во главе которого стояли Маркс и Энгельс, они пристально следили за всеми событиями, происходившими в Париже.

Целый ряд деятелей I интернационала (Сераяе, Лафарг, Дмитриева и др.) направлялись Марксом в Париж для того, чтобы своими знаниями и опытом помочь коммунарам.

Но эта небольшая горсточка интернационалистов, самоотверженных и передовых людей того времени, не смогла конечно заменить собой подлинных руководителей, подлинных вождей, опирающихся на пролетарскую партию. Недаром, приехавшему в Париж П. Лафаргу один из видных деятелей Коммуны — Вайян — заявил: «В людях нет недостатка, но нехватает руководителей».

Маркс и Энгельс систематически давали указания французским интернационалистам. Маркс в дни Коммуны был тем светочем, к которому обращались деятели и современники Коммуны. У него просит совета, помощи и руководства Лафарг, Франкель, Сераяе и другие деятели Коммуны. Маркс ведет очень тесную переписку с коммунарами. Несмотря на болезнь, он проявил в дни Коммуны нечеловеческую работоспособность. Он разослал несколько сот писем в различные концы света, чтобы вызвать движение солидарности в среде международного пролетариата.

Маркс и I интернационал организуют в Англии, Америке, Германии ряд митингов и демонстраций в пользу Коммуны.

И. И. Скворцов-Степанов, подчекивая интернациональный характер Коммуны, показывает, какую бешеную ненависть вызвало у буржуазии присутствие в рядах коммунаров самоотверженных и искусных в военном деле польских революционеров Домбровского и Врублевского. Он приводит в своей книге выписку из реакционной газеты «Фигаро», требовавшей, чтобы всех поляков расстреляли на Марсовом поле.

² «Письма деятелей I интернационала в дни Коммуны», изд. ИМЭЛ.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 158—159.

В дни Коммуны международный пролетариат еще не созрел, дабы оказать широкую поддержку парижским коммунарам. Несмотря на эти исторически неблагоприятные условия, коммунары «штурмовали небо» и героически сражались за дело всего международного пролетариата на баррикадах против озверелых версальских банд, поддержанных войсками Бисмарка, блокировавших Париж с северо-восточной стороны.

Коммуна пала на 71-й день своего существования.

5

Влияние Парижской коммуны на развитие всего международного рабочего и социалистического движения было огромно. Прежде всего Коммуна подтвердила всю гениальность и прозорливость Маркса и впервые практически осуществила величайший лозунг Маркса — диктатуру пролетариата — и дала значительный толчок делу борьбы за социализм.

В своем письме к Бебелю от 29 октября 1884 г. Фридрих Энгельс писал: «Коммуна была могилой старого, специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма». Эти слова Энгельса справедливы не только по отношению к Франции, но и ко всем капиталистическим странам. Коммуна окончательно разбила мелкобуржуазный социализм Прудона, Луи Блана и сектантские доктринерские идеи Бланки и др.

После Коммуны, с конца XIX века, капиталистический мир начинает вступать в новую эпоху монополистического капитализма, эпоху империализма, когда перед пролетариями отдельных капиталистических стран и перед всем международным пролетариатом встала задача непосредственной подготовки к борьбе за установление диктатуры пролетариата, к борьбе за международный коммунизм. И все те, кто подобно официальным вождям II интернационала — Каутскому, Плеханову, Вандервельде и др., становившимся уже до войны в ряды врагов рабочего класса, — неизбежно игнорировали и извращали опыт Парижской коммуны.

Только партия большевиков во главе с Лениным, опираясь на опыт Парижской коммуны и русской революции, учтя все ошибки коммунаров, сумела привести российский пролетариат к победе в октябре 1917 г.

В. Невский

Н. П. ПАЯЛИН. Завод имени Ленина 1857—1918 гг. Под редакцией П. Ф. Куделли, с предисловием Н. К. Крупской. Гос. соц.-эконом. изд. ОГИЗ, М.—Л., 1933 г.

Работа т. Паялина — одна из первых попыток историка-рабочего изобразить кусочек того гигантского исторического полотна, которое носит название истории нашего рабочего движения.

Советская власть, как подчеркивает в своей книге И. И. Скворцов-Степанов, является по сравнению с Парижской коммуной более высокой и совершенной формой государственной власти пролетариата.

Уже в то время, когда вышла в свет книга И. И. Скворцова-Степанова, Ленин в своей статье «Заметки публициста» писал:

«Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом»¹.

Это было написано Лениным в 1922 г., когда только закончилась гражданская война и прекратилась интервенция, когда из Владивостока под напором Красной армии уходили последние японские отряды, когда только начала подниматься кривая восстановления нашей промышленности и сельского хозяйства.

После этого прошло еще 11 лет, в течение которых наша Советская республика двигалась вперед гигантскими шагами.

Коммунистическая партия во главе с т. Сталиным, опираясь на широчайшие массы рабочих и колхозников, успешно завершила первую пятилетку и почти полностью переделала лицо нашей страны. В ожесточенной классовой борьбе с таким же бесстрашием и героизмом, как и парижские коммунары, мы развернули социалистическое наступление по всему фронту. Мы завершили построение фундамента социалистической экономики, ликвидировали кулачество как класс на основе сплошной коллективизации в решающих сельскохозяйственных районах и превратили нашу страну из отсталой в самую передовую индустриальную страну.

По сравнению с Парижской коммуной мы ушли далеко вперед. Но мы всегда помним, что наша Октябрьская революция стоит на плечах Парижской коммуны. Мы всегда учились и будем учиться на опыте развития всего международного революционного движения. Книга Скворцова-Степанова имеет большое значение и для рабочих Западной Европы, ибо «сейчас, — как правильно сказано в предисловии от Партиздата, — на пороге нового тура пролетарских революций и войн, под руководством коммунистов поднимаются на борьбу во всем мире все более широкие массы трудящихся, когда в ряде капиталистических стран пролетариат вплотную подходит к решающим боям за власть, первый опыт пролетарской революции, уроки Парижской коммуны являются боевым руководством к действию».

Это — одна из попыток, ибо мы глубоко убеждены, что пример т. Паялина заразит энтузиазмом и других пролетариев, хорошо знающих историю своего завода и могущих с помощью наших заводских и ученых организаций дать не менее яркие страницы из жизни и борьбы пролетариата.

Мы не согласны с утверждением Н. К. Крупской, что «историю заводов могут писать лишь

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 198.

В дни Коммуны международный пролетариат еще не созрел, дабы оказать широкую поддержку парижским коммунарам. Несмотря на эти исторически неблагоприятные условия, коммунары «штурмовали небо» и героически сражались за дело всего международного пролетариата на баррикадах против озверелых версальских банд, поддержанных войсками Бисмарка, блокировавших Париж с северо-восточной стороны.

Коммуна пала на 71-й день своего существования.

5

Влияние Парижской коммуны на развитие всего международного рабочего и социалистического движения было огромно. Прежде всего Коммуна подтвердила всю гениальность и прозорливость Маркса и впервые практически осуществила величайший лозунг Маркса — диктатуру пролетариата — и дала значительный толчок делу борьбы за социализм.

В своем письме к Бебелю от 29 октября 1884 г. Фридрих Энгельс писал: «Коммуна была могилой старого, специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма». Эти слова Энгельса справедливы не только по отношению к Франции, но и ко всем капиталистическим странам. Коммуна окончательно разбила мелкобуржуазный социализм Прудона, Луи Блана и сектантские доктринерские идеи Бланки и др.

После Коммуны, с конца XIX века, капиталистический мир начинает вступать в новую эпоху монополистического капитализма, эпоху империализма, когда перед пролетариями отдельных капиталистических стран и перед всем международным пролетариатом встала задача непосредственной подготовки к борьбе за установление диктатуры пролетариата, к борьбе за международный коммунизм. И все те, кто подобно официальным вождям II интернационала — Каутскому, Плеханову, Вандервельде и др., становившимся уже до войны в ряды врагов рабочего класса, — неизбежно игнорировали и извращали опыт Парижской коммуны.

Только партия большевиков во главе с Лениным, опираясь на опыт Парижской коммуны и русской революции, учтя все ошибки коммунаров, сумела привести российский пролетариат к победе в октябре 1917 г.

В. Невский

Н. П. ПАЯЛИН. Завод имени Ленина 1857—1918 гг. Под редакцией П. Ф. Куделли, с предисловием Н. К. Крупской. Гос. соц.-эконом. изд. ОГИЗ, М.—Л., 1933 г.

Работа т. Паялина — одна из первых попыток историка-рабочего изобразить кусочек того гигантского исторического полотна, которое носит название истории нашего рабочего движения.

Советская власть, как подчеркивает в своей книге И. И. Скворцов-Степанов, является по сравнению с Парижской коммуной более высокой и совершенной формой государственной власти пролетариата.

Уже в то время, когда вышла в свет книга И. И. Скворцова-Степанова, Ленин в своей статье «Заметки публициста» писал:

«Российский пролетариат поднялся в своей революции на гигантскую высоту не только по сравнению с 1789 и 1793 гг., но и по сравнению с 1871 годом»¹.

Это было написано Лениным в 1922 г., когда только закончилась гражданская война и прекратилась интервенция, когда из Владивостока под напором Красной армии уходили последние японские отряды, когда только начала подниматься кривая восстановления нашей промышленности и сельского хозяйства.

После этого прошло еще 11 лет, в течение которых наша Советская республика двигалась вперед гигантскими шагами.

Коммунистическая партия во главе с т. Сталиным, опираясь на широчайшие массы рабочих и колхозников, успешно завершила первую пятилетку и почти полностью переделала лицо нашей страны. В ожесточенной классовой борьбе с таким же бесстрашием и героизмом, как и парижские коммунары, мы развернули социалистическое наступление по всему фронту. Мы завершили построение фундамента социалистической экономики, ликвидировали кулачество как класс на основе сплошной коллективизации в решающих сельскохозяйственных районах и превратили нашу страну из отсталой в самую передовую индустриальную страну.

По сравнению с Парижской коммуной мы ушли далеко вперед. Но мы всегда помним, что наша Октябрьская революция стоит на плечах Парижской коммуны. Мы всегда учились и будем учиться на опыте развития всего международного революционного движения. Книга Скворцова-Степанова имеет большое значение и для рабочих Западной Европы, ибо «сейчас, — как правильно сказано в предисловии от Партиздата, — на пороге нового тура пролетарских революций и войн, под руководством коммунистов поднимаются на борьбу во всем мире все более широкие массы трудящихся, когда в ряде капиталистических стран пролетариат вплотную подходит к решающим боям за власть, первый опыт пролетарской революции, уроки Парижской коммуны являются боевым руководством к действию».

Это — одна из попыток, ибо мы глубоко убеждены, что пример т. Паялина заразит энтузиазмом и других пролетариев, хорошо знающих историю своего завода и могущих с помощью наших заводских и ученых организаций дать не менее яркие страницы из жизни и борьбы пролетариата.

Мы не согласны с утверждением Н. К. Крупской, что «историю заводов могут писать лишь

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 198.

рабочие завода». Почему например рабочий, получивший высшее образование и ставший специалистом-историком, не может написать истории какого-либо завода или фабрики Москвы или Ленинграда—неясно, но мы думаем, что чем больше рабочих вообще займется этим делом, тем лучше.

Но мы согласны, что остальные ученые, учреждения, организации и товарищи должны помогать им. История нашей промышленности, нашего рабочего движения, история борьбы передового класса, строящего новый мир, должна быть написана и написана она может быть только целым поколением ученых, рабочих, работниц, принимавших участие в борьбе на том или другом заводе или фабрике, целой фалангой борцов, которые дадут монографии, мемуары, материалы, сводные работы и тем самым заложат фундамент для создания в полном смысле научной, всеобъемлющей истории нашего рабочего движения.

Руководящая нить для этой работы в наших руках: у нас кроме положений теории Маркса и Энгельса находится бесценная сокровищница учения Ленина и Сталина и, стало быть, методология, установка, твердая опора, исходя из которых можно критически взвесить материал, проанализировать его, классифицировать и использовать все, что необходимо. Техника, выучка, обработка материала — дело наглядное, и трудностей в этой области бояться нечего.

Но, не боясь этих трудностей, нельзя забывать, что техника дела все же имеет огромное значение, как нельзя ни на минуту забывать, что даже при совершенной технике, забыв об основных положениях учения Ленина, хорошей истории завода написать нельзя.

Подходя с этой точки зрения к работе т. Паялина, приходится согласиться с ее оценкой, данной Главной редакцией «Истории заводов».

Прежде всего следует отметить правильность утверждения Главной редакции, что «товарищ Паялин проделал, без преувеличения, громадную работу». Действительно, т. Паялин опирался в своей работе и на архивные материалы морского министерства, министерства юстиции, министерства внутренних дел, финансов, сената, общества заводчиков и фабрикантов, военного, государственных дум и т. д. и на обширный опубликованный материал различных работ, мемуаров и исследований.

Но, отмечая это очень большое достоинство работы, необходимо согласиться и с другим замечанием Главной редакции, что, вырастая на работе над указанными выше разнообразными материалами, автор поневоле заразился некоторыми недостатками, мы бы сказали, присущими самому материалу. Часто бывает так, чем больше материала, тем больше он давит историка, если этот последний не располагает острым оружием критики.

В этом отношении Главная редакция права, когда пишет, что т. Паялин «нередко оказывается собирателем громадного количества фактов, которых он не в состоянии по-настоящему осмыслить, и они иногда захлестывают его». На это замечание т. Паялину обижаться нечего, так как и авторы, даже более опытные, чем он, часто грешат таким же недостатком и, что главное, книга т. Паялина — его первая и притом огромная работа.

Происходит же это господство фактов над историком, а не историка над фактами, потому, что качество обработки всего этого огромного материала у нашего автора не достигает той высоты, какая необходима в каждой исторической работе.

Материал, которым располагает историк, требует огромной предварительной работы и при том работы критической — сравнения, сопоставления, анализа достоверности, пригодности или непригодности документов и вообще всего этого материала. Часто бывает так, что небольшой по объему материал гораздо ценнее многотомных рассуждений. Необходимо взвесить, проверить материал, сопоставить его с другим, отбросить все лишнее, ненужное.

Эту критическую работу историк должен проделать обязательно. И если не обязательно, чтобы эта работа дана была историком особо (хотя этот обычай особых критических обзоров используемого материала очень хороший обычай), то уж абсолютно обязательно, чтобы результат этой критики в работе историка был налицо. Отсутствие такого критического подхода в книге Паялина приводит к тому, что остается не вполне понятной и не вполне объясненной стачечная борьба семяниковцев, скажем, хотя бы в 70-х годах.

И произошло это потому, что т. Паялин взял эту борьбу семяниковцев изолированно от борьбы рабочих других заводов. Он говорит о двух стачках семяниковцев — в 1874 г. и в 1875 и 1879 гг. Нужно сказать, что в течение тех же 70-х годов бастовал, и тоже четыре раза, другой гигант Невской Заставы — Александровский завод (в 1872 г., в 1876 г. и два раза в 1880 г.), а что касается текстильных рабочих, то они за десятилетие поднимались двенадцать раз.

Если бы т. Паялин сопоставил борьбу семяниковцев с борьбой рабочих других заводов и специальностей, картина была бы ярче и поучительней.

Не менее интересен и тот факт, что в течение 70-х годов процент стачек механических рабочих равен 22,84 (ко всему числу стачек), а за период 80-х годов этот процент падает до 2,2, в то же время процент текстильных стачек за те же периоды — 40,74 и 49,7.

О чем говорят эти цифры? Они говорят прежде всего о том огромном значении, какое имеет рабочий-металлист как передовой боец рабочего класса, на что указывал еще Ленин и что в своем предисловии подчеркивает и т. Крупская. Цифры эти поясняют очень многое и в дальнейшей истории Семяниковского завода. Более внимательное отношение к цифрам стачечного движения помогло бы т. Паялину дать некоторые более четкие формулировки и при характеристике кризиса и подъема 80-х и 90-х годов. А ведь цифры эти есть, искать их нечего, да ими т. Паялин и пользовался.

Правильно и другое, более важное замечание Главной редакции, а именно, что т. Паялин не совсем справился с задачей обрисовки роли и значения нашей партийной организации. Правда, это очень трудная задача, так как в распоряжении историка часто нет никаких материалов.

Тов. Паялин не справился и с другой, более легкой и уже достаточно освещенной задачей: он не мог показать, как и почему партией-

большевик вытеснил на заводе уже в начале XX столетия представителей всех других партий. И это произошло потому, что т. Паялин не дал картины нарастания новых социал-демократических настроений среди рабочих уже в 80-е годы и гибели и разрушения всех прочих идеологий. А материала и работ по этому вопросу сколько угодно.

Едва ли можно считать достоинством книги и то расположение материала, архитектуру ее, в силу которой история партийной организации и борьбы перемешана с фактами чисто внешней истории заводов, с фактами экономики страны и т. п. Все эти факты нужны, вся эта картина необходима, но ее нужно нарисовать так, чтобы она была фоном одного большого полотна, на переднем плане которого вырисовывается рабочий-металлист, рабочий-большевик, его борьба и руководящая роль большевистской организации.

К этим и другим замечаниям Главной редакции мы присоединяемся (более детальное рассмотрение книги т. Паялина мы дадим в другой связи, рассматривая все работы «Истории заводов») и за всем тем мы горячо приветствуем книгу т. Паялина и самого т. Паялина.

Тов. Паялин, если он захочет учиться и работать дальше, преодолеет все трудности, выучится и технике и прочим мудростям.

Выход же книги т. Паялина — значительный факт, ибо автор этой книги — рабочий пролетарий, член той заводской семьи, историю которой он пишет, наконец большевик — член великой партии.

Велика действительно та партия, которая, руководя огромной работой построения социализма, уже теперь выдвинула ученых-рабочих на всех фронтах знания.

В. Н.

«Путиловец на путях к Октябрю». Из истории «Красного путиловца». Под редакцией И. И. Газа. Коммунистическая академия, Ленинградское отделение, Институт истории, секция истории пролетариата. Соцэкиз, Ленинградское отделение, М.—Л., 1933 г.

Небольшая книжка в 156 страниц, выпущенная Институтом истории, его секцией по истории пролетариата, довольно обстоятельно и в некоторых местах даже художественно рассказывает о борьбе путиловских рабочих за Октябрьскую революцию.

Первая часть книжки посвящена описанию Путиловского завода до революции, в период войны. Хотя и кратко, но в общем верно описаны экономическое положение рабочих, значение завода и его положение среди других ленинградских предприятий, состав рабочих и партийных организаций.

Затем идет рассказ о заводе в эпоху Февральской революции и Керенщины, о борьбе путиловцев в течение февраля — октября и наконец — в самый момент Октябрьской революции.

Экономике и положению рабочих уделено большое внимание, дан состав и численный рост путиловских пролетариев, приведены таблицы, рисующие изменение заработной платы, рассказывается о жилищных условиях рабочих, даются цифры, рисующие рост и производительность самого завода.

Но книга под редакцией т. Газа имеет значение не только с этой стороны: главное, центральное место в ней отводится роли и значению рабочих революционных организаций и в особенности нашей большевистской ячейке.

Профессиональные объединения путиловцев, ячейки меньшевиков и, главное, наша, сначала подпольная, а затем легальная революционная организация большевиков, ее борьба с соглашателями, оппортунистами как в своей среде, так и в особенности ее борьба с контрреволюционерами, социалистами-революционерами, меньшевиками и соглашательскими ячейками всякого рода — вот самое важное в рассказе. Мы видим путиловского рабочего в борьбе за революцию и до Октября и в момент Октября вместе и во главе со своей большевистской головкой. Путиловец-рабочий показан не только в мирной обстановке тяжелого труда, обрисована не только его эксплуатация капиталистами, но ярко показан рабочий-революционер, путиловец-пролетарий в февральские дни, в момент приезда Ленина, и в героические июльские дни и наконец во время боев в Октябре.

Организация путиловцами красной гвардии, борьба этого отряда за нашу пролетарскую революцию, отношение путиловских рабочих к штрейкбрехерству Зиновьева и к контрреволюционерам-меньшевикам — все это ярко и отчетливо выявлено в книжке.

Рассказ опирается не только на цифровой материал, но и на постановления и резолюции наших центров, приводятся отрывки постановлений большевистского ПК и ЦК, даются многочисленные выдержки из различных воспоминаний (больше всего конечно большевиков) и современной прессы, — словом использован большой и ценный фактический материал. Главное же в том, что книга показывает революционную роль путиловских рабочих до Октября и в Октябре, их верность лозунгам и положениям нашей партии, их борьба за ленинский путь революции.

Книга хорошо иллюстрирована, хотя конечно следовало бы в этом отношении не поспешить и дать несколько портретов самых выдающихся рабочих-путиловцев, в особенности павших в Октябрьские дни.

большевик вытеснил на заводе уже в начале XX столетия представителей всех других партий. И это произошло потому, что т. Паялин не дал картины нарастания новых социал-демократических настроений среди рабочих уже в 80-е годы и гибели и разрушения всех прочих идеологий. А материала и работ по этому вопросу сколько угодно.

Едва ли можно считать достоинством книги и то расположение материала, архитектуру ее, в силу которой история партийной организации и борьбы перемешана с фактами чисто внешней истории заводов, с фактами экономики страны и т. п. Все эти факты нужны, вся эта картина необходима, но ее нужно нарисовать так, чтобы она была фоном одного большого полотна, на переднем плане которого вырисовывается рабочий-металлист, рабочий-большевик, его борьба и руководящая роль большевистской организации.

К этим и другим замечаниям Главной редакции мы присоединяемся (более детальное рассмотрение книги т. Паялина мы дадим в другой связи, рассматривая все работы «Истории заводов») и за всем тем мы горячо приветствуем книгу т. Паялина и самого т. Паялина.

Тов. Паялин, если он захочет учиться и работать дальше, преодолеет все трудности, выучится и технике и прочим мудростям.

Выход же книги т. Паялина — значительный факт, ибо автор этой книги — рабочий пролетарий, член той заводской семьи, историю которой он пишет, наконец большевик — член великой партии.

Велика действительно та партия, которая, руководя огромной работой построения социализма, уже теперь выдвинула ученых-рабочих на всех фронтах знания.

В. Н.

«Путиловец на путях к Октябрю». Из истории «Красного путиловца». Под редакцией И. И. Газа. Коммунистическая академия, Ленинградское отделение, Институт истории, секция истории пролетариата. Соцэкиз, Ленинградское отделение, М.—Л., 1933 г.

Небольшая книжка в 156 страниц, выпущенная Институтом истории, его секцией по истории пролетариата, довольно обстоятельно и в некоторых местах даже художественно рассказывает о борьбе путиловских рабочих за Октябрьскую революцию.

Первая часть книжки посвящена описанию Путиловского завода до революции, в период войны. Хотя и кратко, но в общем верно описаны экономическое положение рабочих, значение завода и его положение среди других ленинградских предприятий, состав рабочих и партийных организаций.

Затем идет рассказ о заводе в эпоху Февральской революции и Керенщины, о борьбе путиловцев в течение февраля — октября и наконец — в самый момент Октябрьской революции.

Экономике и положению рабочих уделено большое внимание, дан состав и численный рост путиловских пролетариев, приведены таблицы, рисующие изменение заработной платы, рассказывается о жилищных условиях рабочих, даются цифры, рисующие рост и производительность самого завода.

Но книга под редакцией т. Газа имеет значение не только с этой стороны: главное, центральное место в ней отводится роли и значению рабочих революционных организаций и в особенности нашей большевистской ячейке.

Профессиональные объединения путиловцев, ячейки меньшевиков и, главное, наша, сначала подпольная, а затем легальная революционная организация большевиков, ее борьба с соглашателями, оппортунистами как в своей среде, так и в особенности ее борьба с контрреволюционерами, социалистами-революционерами, меньшевиками и соглашательскими ячейками всякого рода — вот самое важное в рассказе. Мы видим путиловского рабочего в борьбе за революцию и до Октября и в момент Октября вместе и во главе со своей большевистской головкой. Путиловец-рабочий показан не только в мирной обстановке тяжелого труда, обрисована не только его эксплуатация капиталистами, но ярко показан рабочий-революционер, путиловец-пролетарий в февральские дни, в момент приезда Ленина, и в героические июльские дни и наконец во время боев в Октябре.

Организация путиловцами красной гвардии, борьба этого отряда за нашу пролетарскую революцию, отношение путиловских рабочих к штрейкбрехерству Зиновьева и к контрреволюционерам-меньшевикам — все это ярко и отчетливо выявлено в книжке.

Рассказ опирается не только на цифровой материал, но и на постановления и резолюции наших центров, приводятся отрывки постановлений большевистского ПК и ЦК, даются многочисленные выдержки из различных воспоминаний (больше всего конечно большевиков) и современной прессы, — словом использован большой и ценный фактический материал. Главное же в том, что книга показывает революционную роль путиловских рабочих до Октября и в Октябре, их верность лозунгам и положениям нашей партии, их борьба за ленинский путь революции.

Книга хорошо иллюстрирована, хотя конечно следовало бы в этом отношении не поспешить и дать несколько портретов самых выдающихся рабочих-путиловцев, в особенности павших в Октябрьские дни.

Н. Буркин

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ ГОРСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Научно-исследовательский институт в Ростове-на-Дону работает над изучением экономики, истории и языков автономных горских областей Северного Кавказа и Дагестана и подготавливает кадры горских научных работников.

В аспирантуре представлено большинство горских национальностей края: адыгейцы, черкесы, абазинцы, кабардинцы, осетины, карачаевцы, балкарцы, ингуши, лезгины, ногайцы, лакцы, таты.

Институт имеет 3 отделения: экономическое, историческое и лингвистическое.

Группа аспирантов-экономистов занята изучением тех грандиозных сдвигов, которые произошли в горах с успешным выполнением первой пятилетки, начавшей индустриализацию горских областей.

Историки в течение последнего года работали в основном над историей гражданской войны у горских народов, историей Адыгеи и историей завоевания северо-восточного Кавказа в связи с мюридизмом. По всем этим проблемам подготовлен к печати ряд больших работ. По истории гражданской войны готова к печати книга т. Буркина «Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа», популярная переработка которой в виде брошюры выпущена Истпартаком и напечатана в журнале «Революция и горец». В рукописном отделе библиотеки института собрано значительное количество архивных материалов и документов, относящихся к этому периоду.

Наиболее интересную группу документов предполагается выпустить особым сборником. Некоторые документы будут опубликованы в специальном сборнике института «Проблемы горской истории», первый выпуск которого уже готов к печати. Там же будет помещена и статья т. Буркина, посвященная истории партизанского движения у горцев северо-восточного Кавказа в эпоху гражданской войны.

По истории Адыгеи т. Лихницким подготовлена к печати большая работа «Очерки истории Адыгеи». В журнале «Революция и горец» напечатан его очерк «Адыгея», посвященный эпохе до начала Кавказской войны.

Научный сотрудник института т. Кулиш закончил специальную монографию по истории адыгейского аула в эпоху царского колониального гнета, написанную на основе неопубликованных архивных материалов. Часть этой

работы будет помещена в сборнике «Проблемы горской истории».

История революционного движения у горцев северо-восточного Кавказа эпохи Кавказской войны посвящена готовая к печати книга т. Покровского «Имамат». Основные вопросы истории мюридизма эпохи Кавказской войны освещены в его же статье «Краткий обзор истории имамата времен Кавказской войны», напечатанной в журнале «Революция и горец».

Органом, освещающим работу исторического отделения, является сборник «Проблемы горской истории», содержащий статьи и исследования, документы и библиографические обзоры. Первый выпуск этого сборника содержит помимо упомянутых уже статей еще работы т. Кокоева о методах колониальной политики царизма в XVIII в., т. Лихницкого об эпохе Кавказской войны у адыгов, библиографию истории гражданской войны в горских областях Северного Кавказа, составленную ученым библиографом института т. Бодровым, и ряд документов.

Сейчас готовится второй выпуск, куда войдут работы т. Кокоева об Аргунском восстании 1861 г., Иванова о партии «Кермен», значительная группа неопубликованных документов по истории Кавказской войны на северо-восточном Кавказе, по освобождению зависимых сословий у адыгов и кабардинцев и по истории гражданской войны.

Наиболее крупным достижением исторического отделения института нужно признать большие работы по изданию архивных материалов. Институт заключил договор с Историко-археографическим институтом Академии наук СССР о совместной работе по подбору и изданию документов, относящихся к истории горских народов до завоевания Кавказа.

Для этого издания предполагается провести работу как в архивах Москвы и Ленинграда, так и в местных кавказских — в Тифлисе, Орджоникидзе, Грозном, Махач-Кала и др.

Лингвистическое отделение института имеет ряд интересных работ, ставящих проблему создания единого чечено-ингушского и адыгее-кабардинского литературного языка и абазинской письменности. Частично эти работы будут опубликованы в печатающемся первом выпуске сборника «Языки Северного Кавказа и Дагестана», в составлении которого приняли участие не только работники Горского института, но и видные лингвистические силы Москвы и Ленинграда. Отделением начата подготовка к печати второго сборника. Ряд работ сотрудников института напечатан в журнале «Революция и горец» и в центральных журналах. Научным сотрудником т. Митрофоновым подготовлена к печати большая работа «Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа».

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ

Редакция журнала «Борьба классов» открывает новый раздел «Над чем работают советские историки». Осведомленность читателя в этом вопросе, с одной стороны, сблизит широкие слои читателей с тематикой этих работ и, с другой стороны, даст возможность поставить наших историков под массовый общественный контроль. В настоящем номере помещаются краткие отчеты первых историков, приславших в редакцию информацию о планах своей научной работы.

Редакция просит исторические учреждения и отдельных историков Советского союза присылать информацию о своей работе, которая будет при посредстве нашего журнала доводиться до сведения всей советской общественности.

Акад. Н. М. Лукин (Москва)

В 1934 г. т. Лукин предполагает подготовить к печати 2-е издание своей книги «Парижская коммуна 1871 г.», дополнив и расширив отдельные части книги за счет новых материалов.

Кроме того т. Лукин готовит статью для Б. С. Э. по истории Конвента, статью для шеститомника Коминтерна по вопросу об основных особенностях классовой борьбы в эпоху довоенного империализма и специальный обзор работ советских историков по Великой Французской революции за 1924—1933 г. для американского журнала «Journal of Modern History».

Акад. Н. С. Державин (Ленинград)

В настоящее время работает над темой «История классовой борьбы и ее отражение в художественной литературе Болгарии в эпоху капиталистического накопления и промышленного капитализма (приблизительно 1878—1904 гг.): Алеко Константинов и Иван Вязов».

В области истории славянских народностей т. Державин разрабатывает тему «Аспоруковы — болгары и славяне».

Проф. А. М. Панкратова (Москва)

В настоящее время работает над редактированием и подготовкой к печати «Истории завода «Серп и молот», подготовленного коллективом научных сотрудников института истории Коммунистической академии, а также пишет статью для II тома «Истории гражданской войны» на тему «Триумфальное шествие советской власти». В 1934 г. предполагает написать статью по истории рабочего движения для научной «Истории партии», подлежащей изданию Лениным, и три главы для шеститомника Коминтерна по истории II и Амстердамского интернационалов.

Одновременно т. Панкратова продолжает работать над большей монографией по истории послевоенного рабочего движения.

ИСТОРИКИ ВКЛЮЧАЮТСЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Социалистическое соревнование и ударничество, хотя все еще медленно, но все более

прочно становятся методом организации и мобилизации творческой инициативы и научных сил на теоретическом фронте. Заслуживает внимания инициатива одного из научных работников Института истории Коммунистической академии т. О. Н. Чаадаевой, которая предлагает шире развернуть социалистическое соревнование среди историков. Свою статью «Вооружение пролетариата 1917 г.», опубликованную в журнале «История пролетариата» (№№ 11—12 за 1932 г. и № 3 (15) за 1933 год), т. Чаадаева предполагает развернуть в монографию.

Чтобы дать общую картину работы партии по вооружению пролетариата и подготовке вооруженного восстания в 1917 г., нужно собрать материал, разпыленный по Советскому союзу. В отдельных случаях придется использовать воспоминания самих участников событий.

В порядке соцсоревнования т. Чаадаева вызывает историков, а также участников революции 1917 г. активизировать работу по подытоживанию опыта исторической борьбы партии за завоевание солдатских масс и за создание красной гвардии в 1917 г., особенно в отдельных городах и районах СССР. Основным штабом и жюри по соревнованию т. Чаадаева предлагает сделать журнал «Борьбу классов».

Полагая, что этот вызов найдет отклик в Москве, Ленинграде и других городах, т. Чаадаева берет на себя обязательство дать в одном из следующих номеров «Борьбы классов» примерную схему собирания и разработки материалов для изучения работы партии в армии по истории красной гвардии в 1917 г. для включения в соревнование и специалистов-историков.

Товарищи, включающиеся в соревнование, должны посылать в редакцию заявки с точным указанием взятых на себя обязательств (нужно указывать, идет ли речь о воспоминаниях, документах или написании статьи), а также указывать сроки выполнения и давать краткие автобиографические сведения (если включаются в соревнование отдельные лица) и т. д.

Результаты работы, а также лучшие статьи, воспоминания и документы, собранные в порядке соцсоревнования, будут опубликованы на страницах «Борьбы классов».

Включайтесь в соревнование и общими усилиями крепите фронт марксистско-ленинской исторической науки.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА „БОРЬБА КЛАССОВ“ ЗА 1933 Г.

№ 1

И. СТАЛИН, Итоги первой пятилетки (доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.).

ПЕРЕДОВАЯ, Историческую науку — в массы.

И. СТАЛИН, Господин Кэмпбелл привирает.

А. ПРИГОЖИН, Рабочий класс Англии в борьбе с интервенцией.

Е. РУБИНШТЕЙН, Германская социал-демократия в революции 1923 г.

Н. НАРЦОВ, Борьба за власть советов в Молдавии.

Воспоминания и автобиографии иностранных рабочих.

ОТТО ФРАНК, Не седьмое, а девятое ноября.

БРИГАДА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ, К изучению истории предприятия.

Е. ДРАБКИНА, Вредное предисловие.

№ 2

И. СТАЛИН, О работе в деревне (речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г.).

Л. МЕХЛИС, Пленум исторических побед.

Б. ВОЛИН, Строки, полные неподдельной скорби и мужества.

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ, «Социалистическая рабочая партия» Германии.

Л. ИВАНОВ, К вопросу о военных долгах.

Е. ДРАБКИНА, Как фальсифицируют историю.

Г. БЫКОВ, Английский рабочий во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в.

П. АНАТОЛЬЕВ, Из истории стачек в России (материалы по стачечному движению рабочих Московской области в 70-х годах).

Р. ЛЕВИНЕ, Первый съезд рабочих и солдатских депутатов в Германии.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЕ, Доклад о работе съезда СРД и задачах революционных фабзавкомов.

Л. Н., Ф. П. Матвеев. Из записной книжки депутата 176-го пехотного полка.

№ 3—4

ПЕРЕДОВАЯ, Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин.

В. И. ЛЕНИН, Карл Маркс.

Ф. ЭНГЕЛЬС, Речь на могиле Маркса.

Б. ВОЛИН, Тов. Сталин о сути и букве марксизма.

М. НЕЧКИНА, Что дает историку «Капитал» Маркса.

Г. САФАРОВ, Маркс — борец за освобождение угнетенных наций и колониальных народов.

М. КАРМИН, Этапы борьбы.

С. ДУДЕЛЬ, Энгельс после смерти Маркса. Воспоминания о Марксе (Поль Лафарг и Вильгельм Либкнехт).

К. ВИЧ, К вопросу о борьбе за революционный марксизм в САСШ в эпоху довоенного империализма (о книге избранных сочинений Даниэль де-Леона).

№ 5

А. ПАНКРАТОВА, О фашистской диктатуре в Германии.

Вл. СОРИН, Начало борьбы Ленина с экономизмом.

Г. ЗАЙДЕЛЬ, Маркс и Бакунин.

Ст. ТОЛЬЦЕР, М. Н. Покровский и некоторые вопросы истории войны и международной революции. К годовщине со дня смерти М. Н. Покровского.

М. ПОКРОВСКИЙ, Речи в Обществе историков-марксистов.

П. А. АНАТОЛЬЕВ, Из истории стачек в России (окончание).

К. БОЛЬШАКОВ, Завод компании Зингер в годы революционного под'ема.

БРИГАДА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ, К изучению истории предприятия (окончание).

Г. ХАЧАПУРИДЗЕ, Жордания, Рамишвили и К^о в борьбе против Октябрьской революции.

Н. ЛУКИН, О сессии Института истории Комкакадемии.

О. ЖЕМЧУЖИНА, Как прошел в Москве юбилей Карла Маркса.

П. КАЗАНСКИЙ, Больше большевистской бдительности (о журнале Изд-ва политкаторжан «Каторга и ссылка» №№ 2, 11—12 за 1931 г., №№ 1, 3, 5, 7, 10, 11—12 за 1932 г., №№ 2, 3 за 1933 г.).

№ 6

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ, Почему нужны периодические чистки партии.

А. ПАНКРАТОВА, Фашизм и рабочий класс Германии.

С. КАН, Правительство Тьера и подготовка революции 18 марта 1871 г.

С. ЛОТТЕ, Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции.

Л. ПЕРЧИК, К воспоминаниям Элеоноры Маркс-Эвелинг о Марксе.

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ, Карл Маркс.

И. РАБИНОВИЧ, Маркс в изобразительном искусстве II интернационала.

С. ЛАПИЦКАЯ, История рабочего быта и его место в «Истории заводов».

Быт рабочих старой и новой фабрики (отрывки из книги «История Трехгорной мануфактуры»).

П. ПАВЛОВИЧ, Авантюры русского царизма в Болгарии в 80-х и 90-х годах.

Г. АРКАДЬЕВ, За большевистскую перестройку (к вопросу о работе Издательства бывш. политкаторжан и ссыльно-поселенцев).

№ 7

Л. ФРУГ, Наша программа — знамя борьбы за коммунизм.

И. БОГДАНОВ, Борьба за большевистский устав.

Вл. СОРИН, Ленин накануне возникновения массового рабочего движения (1893—1894 гг.).

Д. ГАРД, Германский фашизм в борьбе за новый передел мира.

С. БАНТКЕ, Зарницы Октября во Франции (о восстаниях во французской армии в 1917 г.).

К. АНТОНОВА, Национально-освободительное движение в Ирландии.

Вл. АВАРИН, Классовая борьба в Манчжурии до японской оккупации.

Ил. ФЕЙНБЕРГ, Это — старая история (документальный монтаж).

А. ГЕЛАСИМОВА, Партизаны Томской губернии.

И. ТОКИН, Создадим большевистский учебник (о книге С. Моносова, «Очерки истории революционного движения», под редакцией Л. Рыклина).

№ 8—9

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ (1903 — 1933 гг.)

В. И. ЛЕНИН, Рассказ о II съезде РСДРП.

- Н. К. КРУПСКАЯ, О II съезде партии.
 С. ГУСЕВ, Воспоминания о II съезде.
 Вл. СОРИН, Первые шаги Ленина по созданию партии.
 И. ВОЛКОВИЧЕР, Ленин и Плеханов в старой «Искре».
 К. РОЗЕНБЛЮМ, Основные вопросы II съезда партии.
 Б. КОГАН, О диктатуре пролетариата на II съезде.
 И. СОЛЫЦ, Борьба Ленина за большевистскую аграрную программу в период II съезда.
 С. ДИМАНШТЕЙН, Бунд на II съезде партии.
 С. КРЖИЖАНОВСКИЙ, Польская социал-демократия на II съезде РСДРП.
 М. РУДЕНС, II съезд РСДРП и латышская социал-демократия.
 В. НЕВСКИЙ, Летние стачки 1903 года — предвестники 1905 года.
 Л. ШИПИЛИН, Большевистская крепость (30 лет партийной организации завода «Динамо»)
 А. ЭЙХЕНГОЛЬЦ, Обзор основной литературы о II съезде партии.
 В. Н., Шлосберг, «Всеобщая забастовка 1903 г. и зубатовщина на Украине».

№ 10

- А. ПАНКРАТОВА, VII международный конгресс исторических наук в Варшаве.
 П. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, История международных отношений на Варшавском конгрессе.
 В. ВОЛГИН, Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе.
 Ч. ЯСИНСКИЙ, Польская историография XIX и XX столетий в освещении буржуазных историков.
 В. ДОМБРОВСКИЙ, Архивы Польши и их значение для историков СССР.
 Н. ДЕРЖАВИН, К вопросу о славянской колонизации Балканского полуострова.
 В. ВОЛГИН, От Бабефа к Марксу.
 Н. ЛУКИН, I интернационал и Парижская коммуна.
 П. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Русско-японская война и образование Антанты.
 П. ГОРИН, Национальная политика царизма в Польше в XX веке.
 А. ПАНКРАТОВА, «История заводов СССР» (вступительное слово к докладу). «Задачи и методы исторического исследования в деле создания «Истории заводов СССР» (доклад). Дневник работ конгресса.
 Ф. ЛЕБЕДИНСКАЯ, Польская выставка на историческом конгрессе.
 Т. РАЙНОВ, Выставка советской исторической книги на конгрессе.
 П. ЩЕГОЛЕВ, Маркс, Энгельс и Ленин о Бабефе и бабувизме.
 А. ЛЕВАНДОВСКИЙ, Лавуазье — антиклерикал и революционер.
 Л. СЛАВИН, Проблема социальной революции в античном обществе.
 Н. ВОРОНИЦ, Изучение докапиталистических формаций на новой ступени (июньский пленум ГАИМК).
 С. ЛОТТЕ, К проблемам классовой борьбы в эпоху феодализма (классовая борьба в цехах).
 Вл. ЛЕБЕДЕВ, Из истории булавинского восстания (1707 — 1708 гг.).
 БРИГАДА ИКП ИСТОРИИ: КОЗЛОВ, БЕЛКИН, ЗОРИНА, РЕЙХРУД, Н. П. Пакуль и В. Ф. Семенов, «Ранние буржуазные революции» в издании «Всемирной истории».
 В. БУХИНА, Революционный путь Горького (Центроархив).
 Начинаем обсуждение исторических романов и мемуаров.
 Я. РУДОЙ, Кривое зеркало июля 1917 г. (А. Тарасов-Родионов, «Июль». Московское товарищество писателей, 1933 г.).

- Д. МАНУИЛЬСКИЙ, Международное значение Октябрьской революции.
 Б. ВОЛИН, Декреты Октября.
 Б. ФРЕЙДЛИН, Экспроприация фабрик и заводов после Октября.
 Н. ДОБРОТВОР, Борьба за хлеб на первом этапе диктатуры пролетариата.
 И. МИНЦ, Эсеро-меньшевики — последняя плотина буржуазии.
 К. МАРКС, Божественное право Гогенцоллернов.
 С. БАНТКЕ, Карл Либкнехт — солдат мировой пролетарской революции.
 А. КОВАЛЕВА, Застрельщики Ноябрьской революции (Гамбург и Бремен).
 Г. ЦВЕТКОВ, Киль, Брауншвейг и Эссен в Ноябрьской революции.
 А. ЛИБКИНД, Революционные бои в Руре в 1919 г.
 А. МЮЛЛЕР, Коммунистическая литература в гитлеровской Германии.
 Ф. ФРУМКИНА, Борьба германских рабочих (по их воспоминаниям).
 ВИЛЛИ, От ГСД к КПГ.
 КАРЛ ВЕБЕР, Октябрьская революция в России и рабочая молодежь в Германии.
 ГУСТАВ ГРЮН, Молодые кадры КПГ.
 МАРТА ШУБ, Как мы поставляли оружие для германской революции.
 ДЖЕКсон и СНЕГИРЕВ, Рабочее движение в Южной Африке.
 Н. БОЛЬШАКОВ, Завод Зингера перед Октябрем и в Октябре.
 Н. АЗРИЛЯНТ, Рабочий контроль на АМО.
 И. БАС, Д. И. Грязкин, «Окопная правда», изд. «Старый большевик», Москва, 1933 г., 30 стр., цена 40 коп.
 М. ГОЛЬДЕНБЕРГ, Освальд Шпенглер, «Годы решения», ч. 1-я, «Германия и мировое историческое развитие». Изд. Бекше, Мюнхен, 1933 г.

- Ф. ГЕККЕРТ, От Веймара к Гитлеру.
 С. БОНДАРЧУК, Украина в планах германского империализма.
 А. НОВИЧЕВ, Отмена капитуляций в Турции.
 А. ФРАНКОВСКАЯ, Краковское вооруженное восстание.
 С. СТОЛЯР, Начало второго этапа китайской революции (от революции общенационального фронта к революции рабочих и крестьян).
 С. СЕФ, Революционный пролетариат Баку в борьбе за власть.
 А. БУКШПАН, К пятнадцатилетию гибели «26» (1918 — 1933).
 Б. БИБИНЕЙШВИЛИ, Камо.
 Из итогов VII международного конгресса историков.
 Акад. Н. С. ДЕРЖАВИН, Буржуазная историческая наука на конгрессе.
 С. РУБАН, Образец научно-популярной книги (И. Степанов, «Парижская коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции», Партиздат, 1933 г., изд. 5-е, стр. 204, тираж 30.000, цена 2 р. 25 к.
 В. НЕВСКИЙ, Н. П. Паялин, «Завод имени Ленина 1857—1918 гг.». Под редакцией П. Ф. Куделли с предисловием Н. К. Крупской. Гос. соц.-экон. изд. ОГИЗ. М.—Л. 1933 г., стр. 415. Тираж 6.000 экз.
 В. Н., «Путиловец на путях к Октябрю» (из истории «Красного путиловца» под редакцией И. И. Газа. Коммунистическая академия, Ленинградское отделение, Институт истории, секция истории пролетариата. ОГИЗ, Соц.-экон. изд. Ленинградское отделение, М.—Л., 1933 г.
 И. БУРКИН, Северокавказский научно-исследовательский институт.

СОДЕРЖАНИЕ

ФРИЦ ГЕККЕРТ От Веймара к Гитлеру	1
С. БОНДАРЧУК Украина в планах германского империализма	13
А. НОВИЧЕВ Отмена капитуляции в Турции	24
А. ФРАНКОВСКАЯ Краковское вооруженное восстание	29
С. СТОЛЯР Начало второго этапа китайской революции (от революции общенационального фронта к революции рабочих и кре- стьян)	35
С. СЕФ Революционный пролетариат Бану в борьбе за власть	46
А. БУКШПАН К пятнадцатилетию гибели „26“ (1918—1933)	53
Б. БИБИЕЙШВИЛИ Камо	63

ИЗ ИТОГОВ VII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИКОВ

АКАД. Н. С. ДЕРЖАВИН Буржуазная историческая наука на конгрессе	81
---	----

БИБЛИОГРАФИЯ

ГОРСТ ФРЕЙЛИХ Боевые документы эпохи мировой войны. („Спартак“ во время войны. Документы и нелегальные листовки союза „Спартак“ во время войны)	88
С. РУБАН Образец научно-популярной книги (И. Степанов, „Парижская коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции“)	89
В. НЕВСКИЙ Н. П. Паялин. Завод имени Ленина (1857—1918 г.)	92
„ (Из истории „Красного 1. И. Газа. Коммунистичес- кое отделение, Институт пролетариата. (Огиз, Соц. деление, М.—Л., 1933 г.)	94

ДЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

ю-исследовательский ин-	95
--------------------------------------	----

ХРОНИКА

рики	96
рьба классов“ за 1933 г.	97

(отв. редактор), А. М. ПАН-
О. С. ВЕЙЛАНД (отв. секре-
НА, Л. Е. ФРУГ, Ф. Б. ФРУМ-